Кл 80/30
т. 12

Кл 80/30
т. 12
20763

МОСКВА
ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

I 12

Вып XII

МОСКТ-ВО
·ОБРАЗОВАНІЕ·

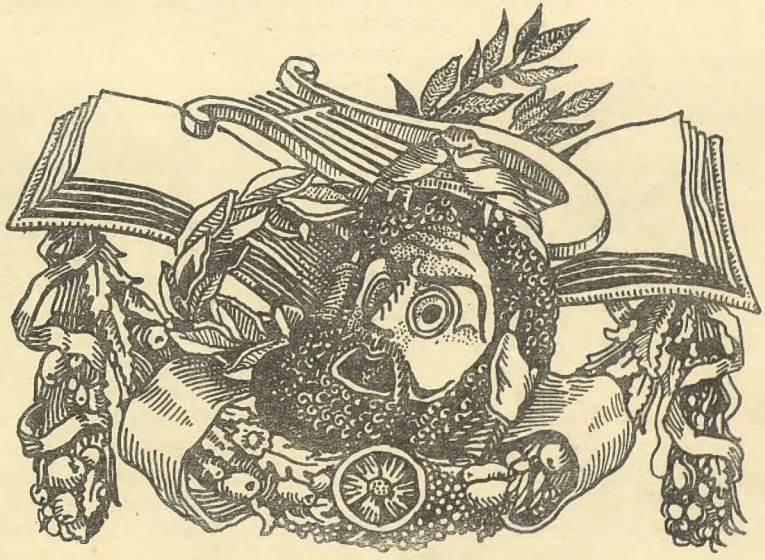
Кл 80/30

МОСКВА

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

т. 12

Моск. т-во
"Образованіе"



ВЫП. XII.

[М., 1912]

Типографія
Русскаго
Товарищества
Москва, Мыльниковъ пер.
Телефонъ
18-35.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
1306-04
+24 л. ил.
+8 наклеек в тексте

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

Улицы и люди современной Москвы.

Статья *Г. Василича.*

Несмотря на недавнее (1904 г.) торжественное заявленіе руководителей передовыхъ художественныхъ круговъ, что «бытъ умеръ!»—покойникъ благополучно здравствуетъ и занимаетъ все болѣе и болѣе замѣтное мѣсто на русскомъ эстетическомъ горизонтѣ. Бытъ современный не привлекаетъ вниманія художниковъ; возвратъ къ непосредственному, безмятежному любованію внѣшнимъ обликомъ жизни, увлекавшему Венеціанова, Ѳедотова и Перова, уже невозможенъ. Въ окружающей жизни хочется видѣть только ея внутреннія стороны, потому что наружная слишкомъ безспорно уродлива, противорѣчива и не манитъ художественнаго вниманія.

За то бытъ прошлыхъ эпохъ, начиная чуть не съ каменнаго вѣка и кончая 30-ми и 40-ми годами XIX столѣтія, становится главнымъ содержаніемъ искусства. Въ исторіи интересуютъ не трагическія коллизіи душъ, не титаническіе характеры, созданные прошлымъ, а обыденный обликъ жизни—одежды, украшенія, жилища, игрушки, оружіе и т. д. Самымъ интереснымъ пунктомъ исторіи становится безыменный герой—бытъ, обыденная жизнь, то, что дѣлали люди прошлаго, какъ они смѣялись, наряжались, плакали, торжествовали, какъ хоронили, любили и шутили.

Съ перваго взгляда такой интересъ къ будничной сторонѣ исторіи можетъ показаться мелкимъ. Въ этомъ чудится поверхностное любопытство эстетическихъ гурмановъ, не склонныхъ волноваться и думать, ищущихъ въ прошломъ курьезовъ и странностей...

Намъ же кажется, что корни этого увлеченія современнаго творчества историческимъ бытомъ гораздо глубже и причины его серьезнѣе.

Современному, воспитанному на демократическихъ идеяхъ сознанію, не импонируютъ герои и вожди; для него гораздо интереснѣе та безыменная масса людей, о которой молчитъ лѣтописная исторія, но которая въ тишинѣ творитъ всѣ событія и великія движенія; изъ этого могучаго историческаго матеріала, какъ цвѣты изъ некрасивой, черной земли, вырастаютъ тѣ герои и титаны, которыми опредѣляется показная сторона исторіи. Увлеченіе бытомъ является въ большой степени жаждой постигнуть безыменные факторы историческаго пути человѣчества. Вѣдь за внѣшнимъ обликомъ жизни открывается неразрывно съ нимъ связанная душа эпохи. Комбинируя и анализируя маленькія дѣла людей, ихъ повседневныя мысли, мы узнаемъ подлинную правду о вѣкѣ. Эта правда безспорнѣе словъ и доказательствъ, въ которыхъ всегда безсознательно лгутъ лѣтописцы эпохи. Для опытнаго слѣдователя, желающаго дознаться правды, гораздо важнѣе безсознательные жесты и случайныя обмолвки, чѣмъ красиво построенное и тщательно подготовленное показаніе!

Всѣ эти соображенія убѣждаютъ насъ, что обзоръ прошлой и современной Москвы, во всѣхъ наиболѣе существенныхъ сторонахъ ея жизни, былъ бы неполнъ, если мы не попытались дать картину бытовой жизни современной Москвы. Мы ходимъ по улицамъ, посѣщаемъ общественныя увеселенія и торжественныя празднества и не замѣчаемъ, что со временемъ слѣды всего этого будутъ жадно выискивать люди въ случайныхъ свидѣтельствахъ, тщательно подмѣчая какъ неподдѣльный ароматъ прошлой жизни.

На этихъ страницахъ отмѣчено нѣсколько такихъ черточекъ современной Москвы, характерныхъ именно для нея, для ея бытовой жизни. Никакія претензіи на полноту и систематичность въ данномъ случаѣ неумѣстны: многое, что впослѣдствіи покажется характернымъ, ускользаетъ отъ глаза современника и не попадаетъ въ поле его кругозора.

Съ каждымъ годомъ мѣняется обликъ московскихъ улицъ. Самую рѣзкую перемѣну представляютъ многоэтажные дома-гиганты, появляющіеся въ изобиліи за послѣднее десятилѣтіе и придающіе городу отчасти величественный и нарядный обликъ, но съ другой стороны лишающіе его улицы свѣта, простора, далекихъ горизонтовъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ—лѣтъ 10—12, московскія улицы совсѣмъ не были богаты красивыми и затѣйливыми домами. По обѣимъ сторонамъ центральныхъ улицъ и переулковъ тянулись довольно ровные 3- и 4-этажные дома безъ всякихъ архитектурныхъ претензій. Это придавало городу нѣсколько провинціальный обликъ, но давало нѣкоторую уютность, о которой теперь среди каменныхъ гигантовъ и помину нѣтъ. Благодаря меньшимъ размѣрамъ домовъ, очень выигрывали старинные памятники Москвы, не затертые кирпичными стѣнами, видимые издалека и не кажущіеся по своимъ размѣрамъ игрушками или архитектурными моделями. Многія церкви, кремлевскія башни, Иванъ Великій, храмъ Христа Спасителя—господствовали надъ городомъ, были видны изъ многихъ мѣстъ. Съ кремлевской возвышенности открывался очень широкій гори-

Уличный сапожникъ. .

„Хитрованцы".

Московская жизнь. Хитровъ рынокъ.

зонтъ. Уходило въ даль безконечное Замоскворѣчье, были видны Воробьевы горы, теперь закрытыя корпусами бутиковской фабрики. Не было многихъ общественныхъ зданій, представленіе о которыхъ теперь неразрывно связано съ архитектурнымъ обликомъ Москвы: не было «Метрополя» на Театральной площади, Музея Александра III, на мѣстѣ котораго находился не такъ давно пустырь—«Колымажный дворъ», Ярославскаго вокзала, Брестскаго віадука и т. д. Во многихъ мѣстахъ разстилались громадныя пустыя пространства, по которымъ не рекомендовалось проходить по вечерамъ. Міусская площадь и Дѣвичье поле—покрывшіяся и покрывающіяся красивыми зданіями учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, представляли зеленое поле, непроходимое весной, кой-гдѣ перерѣзанное заборами.

Характеръ улицъ былъ совсѣмъ иной. Трамвай, придающій культурный и торопливый видъ городу, не существовалъ, позднѣе же пошелъ только по 2—3 улицамъ. По главнымъ городскимъ артеріямъ ходила бельгійская «конка». Хотя и устроенная европейцами, она во всемъ своемъ обликѣ хранила столько чисто московской неторопливости и патріархальности, что о ней нельзя не упомянуть. Конка ползла страшно медленно, поэтому въ нее садились не столько для быстроты передвиженія, сколько «для отдыха», чтобы не утомляться «пѣшимъ хожденіемъ». Трясучіе вагоны съ меланхоличнымъ звономъ вѣчно болтающагося колокольчика каждыя 5 минутъ останавливались на разъѣздахъ. Наступало томительное ожиданіе встрѣчнаго вагона, иногда задерживающагося чуть не на четверть часа. Зимой въ конкѣ былъ адскій холодъ: пассажиры, согрѣваясь, топотали ногами. При подъемахъ въ гору или даже просто при небольшихъ возвышенностяхъ къ вагону прицѣплялась еще одна лошадь, иногда двѣ, а на крутомъ подъемѣ отъ Трубной площади по Рождественскому бульвару прицѣплялись 2 пары, съ мальчишкой форейторомъ, и вся длинная громоздкая махина дребезжа неслась въ гору. Особенной медлительностью отличалась линія конки отъ Смоленскаго рынка до Сухаревой площади. Рейсъ обычно длился около часа.

Конка была излюбленной темой для ироническихъ выпадовъ москвичей. Обличеніе ея порядковъ и угрозы, что «управа приберетъ ихъ къ рукамъ», объединяло всѣхъ пассажировъ вагона во время долгихъ стоянокъ на разъѣздахъ. Пассажиры набивались очень плотно и знакомства завязывались очень быстро. Широко была распространена поговорка: «съ передаточнымъ билетомъ—садись зимой, пріѣдешь лѣтомъ». «Коночная кляча» было ходячимъ ругательствомъ, для обозначенія негодности, несуразности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между прочимъ по Покровкѣ, ходила конка съ имперіаломъ, на который не пускали женщинъ, а послѣ нѣкоторыхъ случаевъ паденія оттуда на мостовую, осторожные кондуктора не пускали наверхъ и пьяныхъ, предлагая имъ ѣхать внизу—въ первомъ классѣ. Интересно, что при своей медлительности конка часто давила и калѣчила людей...

Въ послѣдніе годы, благодаря развитію трамвайной сѣти, сильно уменьшилось движеніе на улицахъ. Усилился темпъ его, но людей какъ-то стало меньше, нѣтъ прежней сутулоки на тротуарахъ и перекресткахъ. Сократилось не только количество пѣшеходовъ, но и экипажей, опять-таки отчасти благодаря трамваямъ, но въ большей степени благодаря автомобилямъ. Быстро проносящіеся автомобили не загромождаютъ улицъ, прежніе же купеческіе выѣзды—пары и тройки, создавали на узкихъ московскихъ улицахъ невозможную сумятицу. Въ центрѣ города движеніе сократилось также и оттого, что Москва за послѣдніе годы замѣтно децентрализовалась. Раньше всѣ магазины и учрежденія жались къ центру, теперь они раскинулись на весь городъ, образовавъ нѣсколько торговыхъ районовъ: Арбатъ, Нѣмецкая, Пятницкая, Долгоруковская, Большая Грузинская и т. д.

Торговыя улицы Москвы мѣняются сильно за послѣдніе годы благодаря нарождающемуся новому типу магазиновъ и вывѣсокъ. На смѣну скромной, не стремящейся привлечь покупателя роскошью и изяществомъ, лавкѣ приходитъ великолѣпный магазинъ съ зеркальными стеклами во всю стѣну, съ изысканной выставкой, съ строгимъ и чиннымъ распорядкомъ. Прежняя лавка не стремилась ослѣпить покупателя, опьянить его блескомъ товаровъ, разнообразіемъ, богатствомъ выбора, отъ котораго въ головѣ поднимается туманъ; дешевизна и добротность товара, хорошая репутація фирмы—таковы торговые козыри лавки. Магазинъ основанъ на умномъ психологическомъ расчетѣ: его холодное великолѣпіе бьетъ на эффектъ, импонируетъ и производитъ впечатлѣніе одной своей внѣшней стороной. Лавочникъ входитъ въ общеніе съ покупателемъ, торгуется, расхваливаетъ товаръ, споритъ, заговариваетъ покупателя; магазинъ функціонируетъ, какъ машина, приказчики — галантные автоматы и коммерческая сдѣлка совершается съ бездушной точностью и спокойствіемъ. Теперь всюду «Prix fixe» и холодное спокойствіе...

Разница между прежней лавкой и теперешнимъ магазиномъ не случайное явленіе. Въ ней отзвукъ двухъ смѣняющихся бытовыхъ укладовъ: съ колоссальными домами, съ трамваями и автомобилями, вообще съ воцареніемъ машины уходитъ изъ жизни прежнее добродушіе, общительность, милая безпорядочность и свобода: ходъ жизни дисциплинируется, заковывается въ желѣзныя рамки машиннаго темпа. Магазины господствуютъ на центральныхъ улицахъ Москвы: ими заполоненъ Кузнецкій Мостъ, Тверская, Петровка и т. д. Въ глухихъ частяхъ города до сихъ поръ преобладаетъ лавка.

Лавка и магазинъ не остаются безъ вліянія на внѣшній видъ улицъ. Старая дѣловая вывѣска, только извѣщающая и ничѣмъ не старающаяся привлечь вниманіе, обычно—черная съ золотыми буквами, смѣняется крикливой и пестрой рекламой. Эти вывѣски новаго типа, тѣснящіяся надъ окнами магазиновъ, на кронштейнахъ, надъ тротуарами, на пустынныхъ стѣнахъ высокихъ домовъ, на крышахъ, придаютъ улицѣ какой-то шумный, говорливый видъ. Отовсюду видны ихъ яркія, бьющія глазъ и невольно привлекающія вниманіе, краски, затѣйливыя изображенія, шуточныя

надписи. Уличная реклама отчасти отнимаетъ у города всякую чинность и серьезность, но зато наполняетъ его жизнью и густой. Ея вліяніе очень чувствуется, если съ шумной торговой улицы перейти въ тихій переулокъ, усаженный особняками, или въ провинціальную улицу Замоскворѣчья.

Вообще за послѣдніе годы улицы Москвы принимаютъ болѣе «европейскій» обликъ. Европеизируется уличная толпа, въ которой появляется нѣкоторый «шикъ», приходящій вмѣстѣ съ понятіемъ «моды». Населеніе старой Москвы не имѣло представленія о модѣ. Костюмы и обычаи регулировались традиціями, житейскимъ комфортомъ или личнымъ выборомъ. Стремленіе же къ безличной «модѣ», цѣнной только потому, что ей слѣдуютъ всѣ, рождается уже только при значительномъ развитіи городской жизни, при наличности той коллективной культуры, которая такъ нивеллируетъ горожанъ, дѣлая ихъ похожими на продукты фабричнаго производства. Котелки, пиджаки, однообразіе чернаго цвѣта — завоевываютъ московскія улицы. Поддевки, русскія рубашки, фуражки и цвѣтные «платочки» — все это исчезаетъ, уходитъ къ пригородамъ. Эта нивеллировка различныхъ слоевъ городского населенія свидѣтельствуетъ объ общей демократизаціи культуры, подъ маской подражательности проглядываетъ стремленіе городскихъ низовъ пріобщиться къ мощному потоку міровой жизни. «Русская одежда» держится прочно только у старообрядцевъ восточной части Москвы, да и то нерѣдко «нѣмецкое платье» снимается только для посѣщенія церковныхъ службъ.

Самымъ значительнымъ признакомъ развитія городской жизни представляется ускореніе темпа жизни, пріобрѣтеніе ею нервнаго, торопливаго ритма. Въ этомъ отношеніи Москва съ каждымъ годомъ дѣлаетъ гигантскіе шаги. Трамваи, автомобили, телефоны говорятъ объ этомъ такъ же убѣдительно, какъ и развитіе ночной жизни. Крупные промышленные центры никогда не затихаютъ на ночь, но въ Москвѣ кромѣ фабричной жизни кипитъ до поздней ночи и уличная жизнь. Многочисленные театры и безчисленные кинематографы, рестораны, ярко освѣщенныя электричествомъ улицы, трамваи до поздней ночи — все это наполняетъ вечеромъ улицы шумомъ и движеніемъ. На главныхъ площадяхъ и улицахъ загораются электрическія рекламы, жизнь затихаетъ только къ 2 — 3 часамъ. А съ 4 — 5 часовъ снова просыпается городъ: ползутъ грузовые автомобили, чистятся улицы, начинаютъ появляться прохожіе...

Своеобразную картину московской общественной жизни представляютъ донынѣ во многихъ мѣстахъ сохранившіяся празднества и «гулянья», а также «торги», приноровленные къ какому-нибудь опредѣленному дню. Извѣстны воскресные торги на Сухаревской площади и Смоленскомъ рынкѣ. Смоленскій торгъ не имѣетъ характера веселаго сборища. Здѣсь серьезно и сосредоточенно торгуютъ дешевымъ и старымъ одѣяніемъ, старой обувью, мебелью, съѣстными припасами и матеріями. Праздной и болѣе или менѣе состоятельной публики Смоленскій рынокъ со своей

грязной и тѣсной площадью не привлекаетъ. Иное дѣло — Сухаревскій торгъ. Вся громадная площадь вокругъ Сухаревой башни заполняется густой толпой, сплошной массой заливающей проходы между ларями и прилавками. На Сухаревой торгуютъ всѣмъ, но спеціальность ея — старыя вещи и книги. Среди москвичей ходитъ масса преданій и слуховъ о всевозможныхъ счастливыхъ пріобрѣтеніяхъ на Сухаревой: дѣйствительно, въ давнія времена, когда среди букинистовъ и антикваріевъ не было правильнаго представленія о цѣнахъ на древности и библіографическія рѣдкости, приходилось за гроши покупать драгоцѣнности, оцѣниваемыя десятками и сотнями рублей. Теперь счастливыя находки отошли въ область преданій, букинисты вывозятъ на Сухаревку самый обычный хламъ, но почти каждый интеллигентный москвичъ, интересующійся книгами, считаетъ своей обязанностью попасть въ воскресенье на Сухаревку, рыться въ кипахъ старыхъ книгъ и пріобрѣтать то, что совсѣмъ не нужно, но при случаѣ можетъ пригодиться. Находясь подъ гипнозомъ счастливыхъ случайныхъ пріобрѣтеній на Сухаревкѣ, полагая по традиціи, что на Сухаревкѣ все стоитъ крайне дешево, пріобрѣтаетъ публика старыя вещи: подержанные граммофоны, балалайки, керосинки и бензиновыя кухни, олеографіи и мебель, словомъ всякіе предметы домашняго обихода. Торговые нравы на Сухаревкѣ вполнѣ соблюдаютъ исконную русскую коммерческую традицію невозможнаго запроса и безконечныхъ уступокъ. Опытный покупатель умѣетъ заставить продавца сбавить 300 — 400% первоначальной цѣны.

Для неопытныхъ и плохо освѣдомленныхъ Сухаревка полна всяческихъ коварствъ. Здѣсь не зѣваютъ въ изобиліи разбросанные карманники. Надувательство вошло вплоть и кровь Сухаревскихъ торговцевъ, не имѣющихъ нужды заботиться о доброй славѣ своей фирмы. Наконецъ есть цѣлая профессія жуликовъ, разсчитывающихъ на легковѣріе публики. Къ облюбованному простаку таинственно подступаетъ оборванный субъектъ и, тревожно оглядываясь по сторонамъ, предлагаетъ какую-нибудь драгоцѣнность за крайне дешевую цѣну. При этомъ, скромно потупивъ глаза, замѣчаетъ, что она — «ворованная-съ!..»

Мудрено не соблазниться выгоднымъ предложеніемъ и получить, какъ послѣ окажется, часы или кольцо фальшиваго золота...

На Сухаревкѣ функціонируетъ масса профессій, дающихъ красочную картину московскаго быта. Встрѣченныя порознь онѣ мало замѣтны, но здѣсь, связанныя въ одно цѣлое, онѣ опредѣляютъ цѣлый бытовой укладъ. Очень оригинальны продавцы готоваго платья въ разносъ. Обычно торгуютъ или брюками, или фуражками. Нагрузившись большой партіей товара, ходячій «магазинъ готоваго платья» расхаживаетъ по всей площади, захаживая въ чайныя, пивныя и трактиры. Примѣрка, если она требуется, совершается тутъ же, гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ. Обращеніе съ покупателемъ и продавцомъ самое непринужденное: для убѣдительности обругать покупателя, поставить ему на видъ въ крѣпкихъ выраженіяхъ, какъ ничтоженъ онъ, не понимающій истинныхъ качествъ предлагаемаго товара — вполнѣ можно.

Торговки хлѣбомъ на Смоленскомъ рынкѣ.

Продавецъ кваса и „дуль“.

Московская жизнь. Воскресный торгъ на Трубной площади.

На Сухаревкѣ, какъ и на всѣхъ удаленныхъ отъ центра площадяхъ, гдѣ наблюдается скопленіе бѣднаго люда, функціонируютъ бродячіе чинильщики сапогъ. Подозвавъ такого мастера, вооруженнаго всѣмъ требующимся инструментомъ и меланхолично бродящаго, заказчикъ садится на тумбу и снимаетъ сапогъ. Мастеръ осматриваетъ, начинается торгъ и, если достигнуто соглашеніе, тутъ же производится спѣшная чинка.

По Сухаревкѣ въ изобиліи разгуливаютъ торговцы съѣстными припасами—пирожками, блинами, всякими подозрительными сладостями. Кромѣ своего прямого дѣла они охотно занимаются азартными играми, отчасти представляющими примитивную форму рулетки, отчасти основанными на ловкомъ фокусѣ. Московская рулетка устраивается такъ: деревянная доска дѣлится на 5 — 10 нумерованныхъ квадратиковъ. На квадратики дѣлаются ставки, затѣмъ пускается кубарь. Выигрываетъ то поле, на которомъ остановился кубарь. Выигравшій получаетъ втрое противъ своей ставки, а все остальное идетъ въ пользу хозяина рулетки. Другія простонародныя азартныя игры основаны исключительно на ловкости рукъ. Берется связанный въ кольцо шнуръ: предприниматель быстро и хитро складываетъ его петлей. Игра идетъ на закладъ, иногда на нѣсколько рублей: если играющій поставитъ палецъ такъ, что попадетъ внутрь кольца — то онъ выигрываетъ; если кольцо сдергивается — онъ проигралъ. Или быстро разбрасываются три карты: нужно угадать — которая изъ нихъ фигура. Задача не трудная, но, благодаря какимъ-то ловкимъ манёврамъ игроковъ, почти никогда не удается угадать вѣрно.

Обыкновенно организаторы такихъ игръ держатся цѣлой компаніей. Одинъ ведетъ игру, другіе вмѣшиваются въ публику, подогрѣваютъ ее удачными фиктивными ставками, крупными выигрышами и всѣми мѣрами способствуютъ видамъ играющаго. При приближеніи полиціи рулетка моментально превращается въ лотокъ съ пирожками. Эти азартныя забавы практикуются и на Сухаревкѣ, но особенное распространеніе получаютъ на Вербномъ торгѣ. Азартъ сильно взвинчиваетъ публику и нерѣдки случаи проигрыша нѣсколькихъ десятковъ рублей — очевидно всей получки, какимъ-нибудь рабочимъ или ремесленникомъ.

Сухаревскій торгъ съ годами не падаетъ, но, наоборотъ, процвѣтаетъ. Особенную оживленность пріобрѣлъ онъ за послѣдніе годы, съ запрещеніемъ праздничной торговли, когда для лицъ, занятыхъ въ будни, единственной возможностью совершать покупки стали воскресные торги. Есть въ Москвѣ и «толкучка» около Устьинскаго моста, но ея обороты не такъ значительны и, кромѣ того, товары ея крайне низкаго качества и соотвѣтственно низкихъ цѣнъ. Тутъ торгуютъ старымъ, перешитымъ и перечиненнымъ платьемъ, желѣзнымъ ломомъ и старьемъ и обслуживаетъ толкучка самые низшіе круги столичнаго населенія.

Всѣ своеобразныя особенности московской торговли, а ихъ до сихъ поръ такъ много, основываются на непривычкѣ косной части жителей къ современнымъ магазинамъ, къ далекимъ передвиженіямъ по городу. И отчасти, можетъ быть, экономическимъ расчетомъ, потому что торговцы

въ разносъ, продающіе весьма сомнительные товары, берутъ нѣсколько меньше въ сравненіи съ лавочными цѣнами...

По всѣмъ частямъ Москвы, кромѣ богатыхъ и торговыхъ улицъ, расхаживаютъ торговцы мясомъ, печенкой, телячьими ножками. Товаръ ихъ разложенъ на весьма сомнительной чистоты деревянномъ лоткѣ, прикрытъ грязнымъ холстомъ, темнымъ отъ крови и пыли. Иногда, присѣвъ на тумбу въ какомъ-нибудь пустынномъ переулкѣ, разносчикъ тутъ же на улицѣ рубитъ и перекладываетъ свой товаръ. Для занятыхъ хозяекъ имѣетъ значеніе и то, что продавецъ самъ приходитъ, и такимъ образомъ не нужно тратить времени на хожденіе по лавкамъ.

Нѣкоторой безшабашностью москвичей, не умѣющихъ строго планомѣрно вести свое хозяйство, объясняется и то обиліе возможныхъ торговцевъ-разносчиковъ, которое заполняетъ всѣ московскія улицы. Лимоны, апельсины, яблоки, папиросы, книги, шнурки и мазь для обуви, открытки, стаканы, носки и чулки, носовые платки — все это успѣшно продается на улицахъ юркими молодцами, хотя въ любомъ сосѣднемъ магазинѣ можно пріобрѣсти съ такимъ же успѣхомъ за одинаковую цѣну. Въ магазинъ нужно заходить — молчаливо соображаетъ лѣнивый обыватель, а здѣсь на улицѣ мимоходомъ можно сдѣлать всѣ покупки...

Ни въ одномъ русскомъ городѣ нѣтъ такой массы трактировъ всѣхъ 3-хъ разрядовъ, пивныхъ и ночныхъ чайныхъ. Въ Москвѣ еще держится старый русскій трактиръ съ заводной «машиной», съ канарейками у потолка, съ половыми въ бѣлыхъ полотняныхъ одѣяніяхъ, при видѣ котораго вспоминается «Доходное мѣсто» Островскаго. Но «чистый» трактиръ уже замѣтно европеизируется, превращаясь въ ресторанъ, а трактиръ низшаго разряда принимаетъ слишкомъ пьяный и неопрятный видъ. Средняя и «нижесредняя» публика — небогатая интеллигенція, мелкое купечество и чиновничество, переходитъ на сторону ресторановъ и трактиры посѣщаются только наиболѣе демократичными слоями населенія и особенно извозчиками. «Пивная лавка» не представляетъ никакого бытового интереса. Гораздо характернѣе «ночная чайная», открывающаяся вечеромъ и функціонирующая всю ночь. При большихъ «ночныхъ» есть ночлежныя отдѣленія, посѣщаемыя болѣе чистой, чѣмъ въ ночлежныхъ домахъ, въ большинствѣ случайно и временно оставшейся безъ крова публикой. Въ ночныхъ чайныхъ проводятъ время ночные извозчики, рабочіе въ ожиданіи смѣны, легкомысленныя дѣвицы низшаго разбора и т. д. Здѣсь не допускаются никакія развлеченія, кромѣ бесѣды, которая иногда завязывается довольно оживленно. Въ ночныхъ чайныхъ, кромѣ чая и неофиціально подаваемой надежнымъ людямъ водки, продаются разнаго рода спецефическія снѣди. Особенно славятся московскія чайныя горячей «жареной колбасой», кушаньемъ, убійственнымъ для непривычнаго желудка...

Старинныя московскія народныя гулянья сохранились до нашихъ дней и представляютъ странное сочетаніе исконныхъ народныхъ забавъ и развлеченій съ опрощенными культурными удовольствіями. Самыя людныя гулянья бываютъ на масленицу и на Пасху — на Дѣвичьемъ полѣ и за

Прѣсненской заставой. Кромѣ качелей и каруселей, изображеніе которыхъ мы находимъ уже на гравюрахъ XVIII вѣка, строятся балаганы, представляющіе драмы и пантомимы на сюжетъ не то битвы русскихъ съ кабардинцами, не то русско-турецкой войны. Балаганы украшаются многообѣщающими, ярко размалеванными вывѣсками и снабжаются террасой, на которую артисты выходятъ зазывать публику, соблазняя ее маскарадными костюмами, музыкой и прибаутками. Вся программа балагановъ носитъ вполнѣ городской характеръ: разные фокусники и акробаты, куплетисты и пѣвицы, русская пляска по образцу открытыхъ сценъ и т. д.

Теперь на народныхъ гуляньяхъ почетнымъ гостемъ сталъ синематографъ, конкурирующій съ балаганами, и вѣчный «Паноптикумъ» восковыхъ фигуръ. Наконецъ чайныя палатки, тайкомъ промышляющія и водкой. Въ общемъ на всѣхъ гуляньяхъ замѣчается упадокъ народныхъ развлеченій, замѣняемыхъ популяризаціей культурныхъ удовольствій.

Дѣятельность Народныхъ домовъ столичнаго попечительства о народной трезвости, устраивающаго дешевые оперные и драматическіе спектакли, значительно способствуетъ популярности театра въ Москвѣ. Разбросанность Народныхъ домовъ по окрайнамъ, откуда затруднительно посѣщеніе театровъ въ центрѣ города, крайне низкія цѣны, сравнительная доступность репертуара, остающагося въ общемъ достаточно художественнымъ, создаетъ въ Москвѣ обширный слой театраловъ изъ рабочей, ремесленной и мѣщанской среды, восторженно относящійся къ любимымъ артистамъ, знакомый съ оперой, съ Островскимъ, съ драмами Чехова...

Постановка театральнаго дѣла въ Народныхъ домахъ замѣтно улучшается за послѣдніе годы. Особенно выдается Введенскій Городской театръ и опера Сергіевскаго Народнаго Дома.

Въ Москвѣ много поютъ. Здѣсь складывается и пускается въ ходъ современная народная пѣсня, можетъ быть лишенная музыкальныхъ достоинствъ и своеобразія старой деревенской пѣсни, но очень характерная и по-своему красивая. Ея недостатокъ — удалой и прозаичный духъ, неспособный подняться до чарующей поэтичности древней крестьянской музыки. Эти городскія пѣсни очень чутко отзываются на всѣ злобы дня, вплоть до историческихъ юбилеевъ, и часто смѣняются, словно слѣдуя мановенію какой-то загадочной моды. Кто сочиняетъ ихъ, откуда являются онѣ — невозможно прослѣдить, но первой ихъ запѣваетъ Москва. Въ Москвѣ новая пѣсня скоро становится излюбленной мелодіей — звучитъ и въ рабочихъ кварталахъ, и въ студенческой средѣ, играется на гармоніяхъ и балалайкахъ, попадаетъ въ граммофоны и шарманки. Съ эпидемической быстротой распространяется по всей Россіи, попадая въ Сибирь, къ крымскимъ рыбакамъ, къ солдатамъ въ Польшѣ, въ глухіе захолустные городишки центральной Россіи, у которыхъ, казалось бы, и связи нѣтъ никакой съ Москвой. Пока пѣсня разбѣгается по Россіи — въ Москвѣ появляется и входитъ въ моду уже новая. При всемъ разнообразіи этихъ вѣчно смѣняющихся пѣсенъ въ нихъ вѣчно повторяются одни и тѣ же настроенія: налетъ грусти и тоски, горечи разставанія, обманутыхъ на-

деждъ, разбитой любви — непремѣнно есть въ популярной пѣснѣ. Всегда элегичны, хотя и съ оттѣнкомъ удальства, мотивы даже эпическихъ пѣсенъ, описывающихъ гибель «Варяга», походы Ермака или пребываніе Наполеона въ Москвѣ. Послѣ Японской войны вошла въ моду незабытая до сихъ поръ пѣсня «Послѣдній нонѣшній денечекъ гуляю съ вами я, друзья!»

Родилась она повидимому въ Москвѣ. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ появлялись воинственныя, удалыя, хотя и съ грустными моментами, пѣсни — «Варягъ» и «Ермакъ»:

«Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молніи блистали,
И безпрерывно громъ гремѣлъ
И въ дебряхъ вихри бушевали...
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ холодной и угрюмой,—
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой и т. д...»

Одновременно съ «Ермакомъ» появилась лирическая пѣсня—

«Ахъ, зачѣмъ эта ночь
Такъ была хороша,—
Не болѣла бы грудь,
Не страдала бъ душа.
Полюбилъ я ее,
Полюбилъ горячо,—
А она на любовь
Смотритъ такъ холодно!

и трогательно заканчивающаяся куплетомъ:

Не понравился ей
Моей жизни конецъ
И съ немилымъ пошла
Мнѣ на зло подъ вѣнецъ...»

Къ юбилею 1812-го года полюбилась въ прошломъ году, покорившая всю демократическую Москву, а теперь поющаяся и въ провинціи—

«Шумѣлъ-горѣлъ пожаръ Московскій,
Дымъ разстилался по рѣкѣ;
А на стѣнѣ, стѣнѣ кремлевской
Стоялъ онъ въ сѣромъ сюртукѣ.
И призадумался великій,
Скрестивши руки на груди:
Онъ видѣлъ огненное морс,
Онъ видѣлъ гибель впереди и т. д....»

Наконецъ въ самое послѣднее время появились двѣ лирическихъ пѣсни, пока популярныхъ только въ Москвѣ — «Могила» и «Сухая корочка», обѣ на тему несчастной любви:

Типы старой Москвы: „водонос“ и „водовоз“.

«Пускай могила меня накажетъ
За то, что я его люблю,
А я могилы да не страшуся,
Кого люблю и съ тѣмъ помру...»

Гораздо мелодичнѣе «Сухая корочка», усиленно пропагандируемая шарманками и уличными пѣвцами:

«Сухой бы я корочкой питалась
И мутную водицу бы пила,
Тобой бы, милый, любовалась,
На вѣкъ бы счастлива была...»

Городской характеръ этихъ пѣсенъ сказывается въ полномъ отсутствіи какихъ-либо упоминаній о природѣ, въ ограниченіи пѣсенныхъ темъ разсказами о любви, чаще всего надорванной, неудачной городской любви, въ стихотворной передачѣ историческихъ темъ, но съ замѣтнымъ газетнымъ и литературнымъ оттѣнкомъ.

Москва издавна славилась и въ то же время вызывала насмѣшки своей чрезмѣрной самовлюбленностью. Москвичи до сихъ поръ, хотя съ присоединеніемъ города къ міровой культурѣ теряетъ почву преувеличенно высокое мнѣніе о силѣ и значеніи родного города, увѣрены въ глубинѣ души, что едва ли сыщется другая «столица, какъ Москва»... Со временъ Фамусова и до нашихъ дней тянется увѣренность, что Москва все говоритъ и дѣлаетъ все какъ-то по-особому, по-своему, и даже одной оригинальностью своей выдается среди всѣхъ прочихъ городовъ міра...

Не учитывая этого патріотичнаго хвастовства, мы не поймемъ многаго въ психологіи коренного москвича. Уваженіе и любовь къ родному городу особенно сильны въ тѣхъ слояхъ населенія, которыхъ слабо или даже вовсе не задѣваетъ экономическое и идейное развитіе города, для которыхъ жизнь остается неподвижной и одинаково удобной какъ въ нынѣшнія, такъ и въ прежнія времена. Къ этой кастѣ фанатиковъ роднаго города почти цѣликомъ примыкаютъ мелкіе лавочники, средніе домовладѣльцы глухихъ частей Москвы, духовенство, старое чиновничество. Ихъ любовь къ Москвѣ базируется не на личной привязанности, не на долголѣтней привычкѣ къ городу, а на теоретическихъ, подчасъ даже отвлеченныхъ соображеніяхъ.

«Москва больше, богаче всѣхъ русскихъ городовъ. Петербургъ полонъ чиновниковъ, а Москва — капитала. На капиталѣ же зиждется благосостояніе государства. Петербургъ болтаетъ, Москва дѣло дѣлаетъ. Существуетъ она уже много вѣковъ, отъ нея пошла вся русская земля. Петербургъ — нѣмецкій городъ, Москва — русскій. Петербургъ на народныя, на крестьянскія деньги живетъ, Москва — на свои, торговыя. Москва благочестивѣе всѣхъ городовъ...»

Такія соображенія выскажетъ вамъ любой москвичъ-старожилъ. Особенно интересный типъ ветхаго москвофила встрѣчается среди маленькихъ городскихъ людей: чинныхъ ремесленниковъ, крошечныхъ домовла-

дѣльцевъ окрайнъ, патріархальныхъ торговыхъ служащихъ. Они помнятъ теченіе городской жизни за 30—40 лѣтъ, знаютъ біографіи и всю подноготную всѣхъ выдающихся москвичей прошлаго и настоящаго. Охотно разскажутъ, кто на комъ женатъ, какъ живетъ, какъ идутъ дѣла, каковъ человѣкъ. Словно щеголяя знаніями и близостью, никого не называютъ по фамиліи или званію, а обязательно полнымъ титуломъ—«Городской голова Николай Александровичъ Алексѣевъ», «покойный благодѣтель Козьма Терентьевичъ Солдатенковъ» и т. д. Такіе всевѣдущіе граждане—остатокъ былыхъ временъ, когда жизнь была менѣе сложна и не трудно было, при желаніи, быть въ курсѣ всего совершающагося.

Нерѣдокъ въ Москвѣ и болѣе интеллигентный типъ старожила фанатика родного города. Такіе старички изъ архивовъ, изъ учебныхъ заведеній и любители изъ купечества являются живой лѣтописью Москвы. Страстно влюбленные въ старину, большіе знатоки старой Москвы, они наизусть знаютъ,—какъ и когда мѣнялся видъ города, какъ заводились трамваи, водопроводъ, какъ росъ городъ. Такіе археологическіе старички—сущая находка для каждаго желающаго ознакомиться съ недавнимъ прошлымъ Москвы. Безкорыстно любя славу родной Москвы, они никогда не преувеличиваютъ и не фантазируютъ. Этотъ типъ человѣка, для котораго городъ такъ же близокъ и интересенъ, какъ и свой собственный домъ, свое жилище, замѣтно вымираетъ съ переходомъ московской жизни на напряженный дѣловой ладъ.

Также вымираютъ и многіе другіе типы и профессіи, любопытные остатки старой Москвы, держащіеся еще тамъ, гдѣ жизнь не успѣла модернизоваться. Представители этихъ профессій еще существуютъ въ глухихъ частяхъ Москвы, населеніе которыхъ опаздываетъ въ сравненіи съ центромъ на 20 и 30 лѣтъ, до сихъ поръ живетъ въ одно-и двухъэтажныхъ домикахъ, не знаетъ мощеныхъ улицъ, электричества, канализаціи, водопровода, трамваевъ, газа, не нуждается въ газетахъ...

Рядъ профессій, вызванныхъ къ жизни потребностями прежней жизни, и теперь вытѣсняемый развитіемъ машины, ростомъ торговли и промышленности, излишній при развитомъ укладѣ городской жизни, совершенно необходимъ на окрайнахъ Москвы. Въ центрѣ, напримѣръ, совершенно исчезли водовозы, а въ пригородахъ они функціонируютъ до сихъ поръ. Еще до утра шлетутся они на своихъ «водовозныхъ клячахъ», громыхая бочками, къ водоразборнымъ будкамъ, поднимая здѣсь шумъ и ругань, щедро разливая воду и устраивая невозможную слякоть; затѣмъ начинается посѣщеніе кліентуры. Подъѣхавъ, пока въ домѣ всѣ еще спятъ, водовозъ поднимаетъ страшный стукъ, будитъ прислугу, гремитъ ведрами и торопится объѣхать всѣхъ кліентовъ, пока не проснулась городская жизнь. Главная мука для водовозовъ—многоэтажные дома: имъ приходится по неудобной черной лѣстницѣ безконечное число разъ таскать наверхъ полныя ведра. Водовозъ является и мѣстной газетой: при хорошихъ отношеніяхъ съ прислугой онъ сообщаетъ ей слышанныя у водоразборной

будки новости—о пожарахъ, кражахъ, дракахъ и скандалахъ, потребовавшихъ полицейскаго вмѣшательства.

Несложный бытъ городскихъ окрайнъ обслуживается бродячими ремесленниками, расхаживающими по дворамъ и мелодическими возгласами предлагающими свои услуги; скупщиками костей, которыя собираютъ благоразумныя кухарки и хозяйки, тряпья, стараго желѣза. Покупающіе послѣднее, обычно, одновременно занимаются и чинкой разныхъ предметовъ домашняго обихода. Входя во дворъ, они возглашаютъ нараспѣвъ: «Вёдра, корыта, кровати починяемъ... калоши старыя покупаемъ!» Затѣмъ появляются точильщики, въ большинствѣ изъ Владимірской и Нижегородской губерній, съ ихъ примитивной точильной машиной, приводимой въ движеніе ногами. «Ножи, ножницы точить!» раздаются ихъ выкрики. Ходятъ вездѣсущіе татары, удивительные мастера выторговывать.

Въ пригородахъ, въ которыхъ затруднено сообщеніе съ центромъ города, дѣйствуютъ торговки въ разносъ мануфактурой. Съ узелкомъ товара въ рукахъ обходятъ онѣ свою привычную клієнтуру, широко открывая кредитъ постояннымъ покупательницамъ и, благодаря оборотистости и рѣчистости, успѣшно конкурируя съ магазинами. Особенно развита такая торговля въ разносъ въ подгородныхъ слободахъ Москвы. Разносчики галантереи, фруктовъ и кондитерскихъ товаровъ, лубочныхъ книгъ и т. п. кажутся какимъ-то пережиткомъ древнерусскихъ коробейниковъ. За послѣдніе годы, съ появленіемъ лубочныхъ изданій вродѣ «Ната Пинкертона», «Ника Картера», «Шерлока Холмса», «Атамана Картуша» и т. п. сенсаціонныхъ книжныхъ издѣлій, въ районахъ, гдѣ много учащихся и мальчишекъ-мастеровыхъ, явился новый промыслъ среди газетчиковъ и содержателей мелочныхъ лавокъ: прокатъ отдѣльныхъ выпусковъ этихъ захватывающихъ литературныхъ произведеній, при чемъ за прокатъ для прочтенія взимается по копейкѣ съ экземпляра...

Вообще жизнь большого города съ ея тяжелой борьбой за существованіе создаетъ массу занятій и промысловъ, поражающихъ изобрѣтательностью и изворотливостью. Громадный спросъ на театральные билеты и устраиваемыя на право полученія ихъ лотереи приводятъ къ оригинальной формѣ барышничества. Рабочіе и ремесленники, а въ особенности жены мелкихъ служащихъ, отправляются утромъ къ Художественному или Большому театру и участвуютъ въ лотереѣ: при удачѣ, если вытащить одинъ изъ близкихъ номеровъ, можно продать его за 1—2 рубля, а въ исключительныхъ случаяхъ, вродѣ продажи билетовъ на праздники или на гастроли Собинова и Шаляпина, можно заработать до 10 рублей.

Благочестивые нравы Москвы, остающіеся таковыми, что бы ни говорили событія послѣднихъ лѣтъ, остающіеся можетъ быть въ большой степени только по традиціи, создаютъ громадное количество людей, кормящихся «даяніями» и милостыней. Нигдѣ нѣтъ такой массы нищихъ, какъ въ Москвѣ. Съ другой стороны—нигдѣ нѣтъ такого разнообразія и такой спеціализаціи нищенскихъ профессій. Хорошо извѣстенъ типъ «церковной старухи», стоящей у церковныхъ дверей, отворяющей и затворяющей ихъ

за входящими въ надеждѣ на гонораръ. Пользующаяся разрѣшеніемъ — «благословеніемъ» причта, «церковная старуха» считаетъ себя лицомъ офиціальнымъ, почти административнымъ и властно огрызается на нищихъ-конкурентовъ, открывающихъ по близости свои дѣйствія. Въ «церковной старухѣ» очень интересно наблюдать моментальные переходы отъ чиннаго подобострастія къ ворчанью на сосѣдей...

За послѣдніе годы можно прослѣдить, какъ съ исчезновеніемъ былого добродушія и роста буржуазныхъ добродѣтелей и дѣлового склада жизни, мѣняется, приспособляясь къ «новымъ вліяніямъ», психологія нищей братіи, ея методы воздѣйствія на подающихъ. Подчеркивая свое желаніе трудиться, но вмѣстѣ и безплодность этого желанія, современные нищіе предлагаютъ публикѣ шнурки для ботинокъ или «Газету-Копейку» и только въ случаѣ отказа просятъ милостыни.

Таковъ трудовой укладъ современности,—такъ буржуазное лицемѣріе смѣняетъ прежнее московское добродушіе!

Съ перемѣной внѣшняго облика жизни исчезаетъ много характерныхъ московскихъ явленій. Выводится московскій городовой стараго добраго времени: колоссальныхъ размѣровъ, сверхъестественной неуклюжести и грознаго величія, котораго съ сожалѣніемъ вспоминаютъ патріархальные москвичи, любящіе въ полиціи монументальную представительность. Область полюбовныхъ соглашеній съ представителями полицейской власти въ обходъ закона все болѣе и болѣе суживается и это съ досадой констатируютъ тѣ, чьимъ интересамъ противорѣчатъ рамки закона. Исчезаетъ старый типъ московскаго дворника, дававшій такой богатый матеріалъ юмористической литературѣ. Теперь дворникъ пошелъ мелкій, грамотный, сердитый и суетливый, часто изъ татаръ — раньше безмятежно почивалъ въ сторожкѣ или грѣлся у воротъ на солнцѣ рыжебородый мастодонтъ, вѣчно пьяный или сонный съ похмелья, лѣнивый и ограничивающій свои функціи властными окриками на извозчиковъ и разносчиковъ.

Измѣнились и извозчики: стали чище, расторопнѣе, важнѣе и сообразительнѣе. Теперь уже не хватитъ духа назвать извозчика пренебрежительно «Васькой!» Отъ прежняго времени остался только костюмъ и характерная шляпа, но гдѣ былое умѣніе ругаться, удирать отъ городовыхъ, вываливать въ пьяномъ видѣ сѣдоковъ?

Все безконечное разнообразіе жизненныхъ курьезовъ, нелѣпостей и случайностей уноситъ воцарившійся точный, размѣренный ходъ жизни, втиснутый въ точныя и крѣпкія рамки. Все типичное, слагавшееся долгими вѣками разъединеннаго существованія, уступаетъ мѣсто практичному и культурному шаблону. Этотъ процессъ движется быстро — такъ хочетъ ходъ вещей, но нужно ли человѣческому духу это равненіе въ одну шеренгу—отвѣтитъ будущее, пока же оно кажется обиднымъ...

Московскій бытъ. „Ванька" легковой извозчикъ.
Продавецъ игрушекъ.

Городское самоуправленіе Москвы.

Г. Ярославскій.

Въ ряду русскихъ городовъ Москва за послѣднія 20—30 лѣтъ выдѣляется совершенствомъ своего городского управленія. Культурный обликъ города, его внѣшнее благоустройство и сравнительная просвѣщенность населенія—все это продуктъ настойчивой и культурной муниципальной работы. Весь опытъ Запада, всѣ новые завоеванія муниципальнаго хозяйства чутко воспринимаются московскимъ городскимъ управленіемъ. Широкій прогрессивный духъ, характеризующій издавна послѣднее и особенно отчетливо сказывающійся въ его финансовой и просвѣтительной политикѣ, дѣлаетъ его образцовымъ муниципалитетомъ Россіи, къ учрежденіямъ и практикѣ котораго съ особымъ вниманіемъ относятся всѣ вышедшіе изъ состоянія патріархальнаго застоя русскіе города. Москва учитъ другіе города Россіи, вплоть до Петербурга. Всеобщее обученіе, образцовыя больницы, широкая просвѣтительная дѣятельность, доходныя и отлично поставленныя городскія предпріятія, отличные пути сообщенія—всѣ эти desiderata русской жизни, рисующіяся смутнымъ идеаломъ въ туманѣ будущаго, для Москвы стали уже осуществленными задачами прошлаго. По энергіи и культурности самоуправляющагося населенія Москва, больше чѣмъ какой-либо другой русскій городъ, заслуживаетъ причисленія къ почетной когортѣ «столицъ міра».

Основную причину совершенства московскаго городского самоуправленія нужно искать въ соціальномъ составѣ и общественной идеологіи московскаго населенія, особенно тѣхъ его слоевъ, которые по дѣйствующему Городовому Положенію привлечены къ муниципальной работѣ. Московская буржуазія—крупное купечество и промышленники, съ давнихъ поръ, съ первыхъ шаговъ городского самоуправленія, принимаетъ серьезное участіе въ хозяйствѣ города. На протяженіи XIX вѣка можно прослѣдить параллельный ростъ дѣятельности московскаго самоуправленія и культурнаго подъема купечества. Пока купечество оставалось патріархальнымъ «темнымъ цар-

ствомъ» типовъ Островскаго, до тѣхъ поръ на знала Москва ни внѣшняго, ни внутренняго благоустройства и оставалась юмористическимъ, безпорядочнымъ городомъ Гоголевскихъ временъ. Въ послѣднія же десятилѣтія XIX вѣка, когда купечество, прогрессирующее экономически и разрушившее гнетущій заборъ московской «самобытности», пріобщилось къ культурѣ и выработало себѣ серьезный и дѣятельный интересъ къ общественнымъ и государственнымъ вопросамъ и сознательно вступило на арену муниципальной дѣятельности, Москва быстрыми шагами двинулась къ осуществленію всѣхъ запросовъ городской жизни и благоустройства.

Дѣятельно работая въ городскомъ самоуправленіи, купечество не могло не внести въ общее направленіе его работы свое классовое пониманіе общественныхъ задачъ и свою «буржуазную» психологію. Какъ положительныя, такъ и отрицательныя черты буржуазнаго прогресса очень рельефно сказываются на дѣятельности московскаго муниципалитета. Не вдаваясь здѣсь въ подробный разборъ, можно указать на основную тенденцію московской Городской Думы, опредѣлившуюся за послѣднія десятилѣтія: чуждаясь широкихъ платформъ и рѣзкой политической окраски и не страдая «чрезмѣрнымъ» демократизмомъ, московская Дума работаетъ надъ развитіемъ городской жизни и благоустройства, больше заботясь объ интересахъ города въ цѣломъ, чѣмъ объ его наиболѣе обдѣленныхъ и, слѣдовательно, нуждающихся въ защитѣ своихъ интересовъ низшихъ классахъ населенія...

Но больше всего винить за это приходится дѣйствующій законъ о городскомъ самоуправленіи, передавшій муниципальное хозяйство въ руки исключительно состоятельныхъ классовъ!

Въ 1785 году появилась «жалованная грамата» Екатерины II «на права и выгоды» городамъ Россійской Имперіи. «Права и выгоды» эти были очень незначительны и къ тому же во многомъ оставались на бумагѣ, но ими было порождено понятіе «городского общества», основная категорія городского самоуправленія. Составъ Городского общества, пося въ зачаткѣ элементы сословности, опредѣлялся слѣдующими 6 «куріями». «1) Настоящіе городскіе обыватели», къ которымъ относятся всѣ владѣющіе въ городѣ недвижимой собственностью—домомъ, инымъ строеніемъ, мѣстомъ или землею, безъ различія происхожденія и занятія; 2) лица, записанныя въ одну изъ трехъ гильдій, т.-е. по нашей терминологіи—«купцы»; 3) цеховые ремесленники; 4) иногородніе «гости» и иностранцы, приписавшіеся къ «Градскому обществу» ради промысловъ и торговли; 5) созданные граматою «именитые граждане», т.-е. представители личнаго труда, капитала и образованія,—ученые съ академическими и университетскими аттестатами, художники «трехъ художествъ»—живописи, скульптуры и архитектуры и наконецъ «музыко-сочинители»; 6) «посадскіе», т.-е. все постоянное рабочее и промышленное населеніе городовъ, не вошедшее въ первые 5 разрядовъ» [1]).

По мнѣнію историка московскаго городского самоуправленія М. П. Щепкина—«надо думать, что именно въ этомъ (5) разрядѣ средняго рода

[1]) М. П. Щепкинъ. Общественное хозяйство г. Москвы, т. I.

Московскій бытъ. Зимній „лихачъ".
Зимняя барская упряжка.

людей Императрица и полагала осуществить свою завѣтную мысль о русскомъ среднемъ сословіи». Во многомъ чувствуется отзвукъ вѣка и слабое отраженіе французской философіи и Руссо и какъ нельзя болѣе характеренъ для вѣка терминъ «музыко-сочинители»,—т.-е. композиторы. Имъ давались гражданскія права, въ противность музыкальнымъ исполнителямъ, которые преимущественно набирались изъ крѣпостныхъ и ремесло которыхъ не считалось «художествомъ»...

Екатерининское положеніе, хотя и не скоро было проведено въ жизнь во всей своей широтѣ, все же легло въ основу дальнѣйшаго развитія городского самоуправленія; поэтому будетъ не лишнимъ остановиться на основныхъ его положеніяхъ. Каждая курія, съ точно разграниченными правами даже по владѣнію недвижимой собственностью, по отбыванію повинностей и т. п., образовала отдѣльное общество. Эти куріи имѣли значеніе при городскихъ выборахъ, производившихся не отъ всего «Градского общество», а отъ каждаго разряда обывателей отдѣльно. Самоуправленіе городскихъ обществъ, опредѣленное Екатерининской граматой 1785-го года, введено въ сильно ограничивающія рамки. Общественныя собранія назначаются разъ въ три года, при чемъ законъ обусловливаетъ ихъ созывъ «зимнимъ временемъ» и «приказаніемъ и дозволеніемъ генералъ-губернатора и губернатора...» Выборнымъ органомъ Городского общества была Общая и «Шестигласная» Дума, при чемъ выборы Городского головы, Депутатскаго Собранія и должностныхъ лицъ производились не по разрядамъ, а въ общемъ «Градскомъ собраніи».

Въ Общей Думѣ большая часть голосовъ предоставлялась численно наислабѣйшему разряду обывателей—«именитымъ гражданамъ», носителямъ умственнаго и образовательнаго ценза. Исполнительнымъ органомъ Общей Думы, чѣмъ-то отдаленно напоминающемъ современную Городскую управу, являлась «Шестигласная» Дума. Эта Дума, непосредственно вѣдавшая городское хозяйство, составлялась изъ 6 выборныхъ по одному отъ каждаго разряда обывателей.

Довольно либеральное по широтѣ выборнаго начала, Екатерининское положеніе все же не создавало мощнаго городского хозяйства. При слабомъ развитіи городской жизни и промышленной дѣятельности въ концѣ XVIII вѣка, даже въ такихъ центрахъ какъ Петербургъ и Москва, нельзя было и думать о широкомъ городскомъ самоуправленіи. Основной муниципальной политикой являются городскіе доходы и мѣстные налоги. Екатерининская грамата опредѣляетъ только четыре статьи городскихъ доходовъ: незначительностью ихъ опредѣлялось и слабое развитіе муниципальнаго хозяйства. Городу по статьѣ 149-й принадлежитъ «доходъ съ мельницъ, рыбныхъ ловель и перевозовъ; буде для заведенія оныхъ въ дачахъ Городскихъ находятся удобныя мѣста». Статья 146-я—«Гдѣ есть торговыя или погранічныя таможни, тамъ въ доходъ города поступаютъ собираемыя съ привозныхъ товаровъ по 1 копейки съ каждаго рубля, а съ отвозныхъ по 1 копейкѣ; статья 147-я гласила, что «гдѣ существуетъ казенная продажа питей, тамъ городу уступается 1% съ поступающей въ казну суммы

питейнаго сбора». Наконецъ по статьѣ 150-й—«Въ городской доходъ поступаютъ штрафныя деньги, собираемыя съ купцовъ, мѣщанъ и прямо предназначенныя на учебныя и благотворительныя заведенія приказа общественнаго призрѣнія». Такимъ образомъ не было опредѣлено никакихъ мѣстныхъ источниковъ дохода. Расходы же, возлагаемые на городское управленіе по первоначальному положенію, были такъ же несложны и охватывали самую незначительную часть муниципальныхъ функцій по современнымъ понятіямъ. Содержаніе «магистратовъ и прочихъ людей, которымъ по городской службѣ опредѣлено жалованье», содержаніе городскихъ школъ и другихъ заведеній, предоставленныхъ приказу общественнаго призрѣнія и наконецъ—«строеніе городское и починка опаго». (Ст. 151—152).

Либеральныя и казавшіяся страннымъ новшествомъ въ русской жизни положенія Екатерининской граматы не были проведены въ жизнь. Вступившій вскорѣ на престолъ Павелъ заглушилъ ихъ. Въ 1798 году издается «Уставъ столичнаго города Петербурга», сильно ограничивающій Городскую Думу, «какъ несостоятельную въ исполненіи препорученныхъ ей должностей», и замѣняющій ее вновь вводимымъ учрежденіемъ—«Комиссіей о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей, до полиціи принадлежащихъ».

Это новое учрежденіе крайне характерно для опредѣленія тѣхъ задачъ, которыя возлагались на городское самоуправленіе преемниками Екатерины II. Уже самое наименованіе новообразованной комиссіи показываетъ, что важнѣйшей задачей муниципалитета являлось полицейское благоустройство и содѣйствіе военнымъ властямъ въ размѣщеніи войскъ. Всякое же общественное хозяйство относилось на послѣднюю очередь...

17-го февраля 1799-го года былъ утвержденъ подобный же «Уставъ столичнаго города Москвы», по словамъ М. П. Щепкина, буквально списанный съ петербургскаго. Новый уставъ въ Москвѣ сыгралъ еще болѣе печальную роль, чѣмъ въ Петербургѣ: была сведена къ нулю московская Городская Дума, а вмѣстѣ съ ней исчезла и административная самостоятельность столицы. Мѣсто Думы занялъ новоучрежденный «департаментъ» Комиссіи о снабженіи резиденціи припасами. Новый департаментъ, курьезно именуясь также «главнымъ городскимъ начальствомъ», находился подъ руководствомъ и предсѣдательствомъ военнаго генералъ-губернатора. Переходъ отъ «Городской Думы» къ «городскому начальству»—таковъ многозначительный смыслъ реформы Павла. Компетенція новаго учрежденія была уже сильно расширена: «Предметомъ своихъ упражненій» онъ имѣлъ все то, что «только къ благоустройству города и благосостоянію жителей относиться можетъ».

Реформы слѣдовали за реформами и почти каждый годъ приносилъ новое преобразованіе въ городское управленіе Москвы. Съ каждымъ годомъ ограничивалась компетенція Городской Думы. Въ этой неувѣренности и продолжительныхъ колебаніяхъ чувствуется нѣкоторая раздвоенность мысли: несомнѣнно, что даже въ реакціонное и мертвое царствованіе Павла все усложнявшаяся жизнь городовъ требовала введенія городского

самоуправленія, но, съ другой стороны, боязнь «вольнодумства» и опаснаго новаторства заставляла искать компромиссныхъ рѣшеній, которыми не могла уловлетвориться быстро развивающаяся русская жизнь...

4-го апрѣля 1799-го года стало дѣйствовать «городское управленіе» или «ратгаузъ». 4-го сентября 1800-го года появилось Высочайшее повелѣніе—во всѣхъ губернскихъ городахъ упразднить магистраты, а съ ними и Думы; вмѣсто нихъ учредить ратгаузы — «на томъ основаніи, какъ и въ столицахъ». По вступленіи на престолъ Императора Александра I было возстановлено «Городовое положеніе» 1785-го года, но тѣмъ не менѣе Екатерининскія установленія не были проведены въ жизнь ни въ одномъ пунктѣ Россійской Имперіи. Въ царствованіе Александра не прекращаются эксперименты и безсистемныя реформы городского хозяйства. Намѣчаются мелкія преобразованія, сглаживаются недостатки, создаются всевозможные комитеты и совѣщанія, но положеніе городского дѣла упорно продолжаетъ оставаться весьма плачевнымъ. Для болѣе отчетливаго представленія о городскомъ хозяйствѣ Москвы въ первые годы XIX столѣтія приводимъ нѣсколько цифръ городскихъ расходовъ. Въ 1800 году сумма «ежегодныхъ», т.-е., по современной терминологіи, обыкновенныхъ расходовъ, равняется 573,000 р. Подавляющее большинство ихъ произведено на чисто полицейскія надобности.

Содержаніе полиціи обошлось городу въ 300,320 р. 71 к.; содержаніе полицейскихъ домовъ—6,000 р. Въ «единовременныхъ» (т.-е. чрезвычайныхъ) расходахъ показано 250,00 р. на покупку и устройство съѣзжихъ домовъ; расходы по городскому благоустройству значительно ниже: содержаніе мостовъ—12,000 р., мощеніе улицъ и площадей—8,000 р., освѣщеніе ихъ—5,000 р. и наконецъ на культурныя надобности — на школы истрачено городомъ 17,800 рублей.

Положеніе городского хозяйства Москвы было очень шатко и главнымъ желаніемъ правительства было уменьшеніе расходовъ. Этой цѣли служило большинство безпрестанно созываемыхъ комиссій и совѣщаній. Другой задачей ихъ было избавленіе столичнаго населенія отъ тягостной повинности военнаго постоя, отъ которой дворянство освободилось, выстроивъ Хамовническія казармы, отчего и была помѣщена на воротахъ дворянскихъ домовъ надпись «свободенъ отъ постоя», во многихъ мѣстахъ Москвы сохранившаяся до нашихъ дней.

19-го марта 1802-го года въ Москвѣ, по примѣру Петербурга, учреждается особый «Комитетъ для уравненія городскихъ повинностей». Личный составъ его полувыборный, полуназначенный. Отъ Городского Общества избирались два члена, по одному отъ дворянъ-домовладѣльцевъ и отъ купечества. Правительство назначало тоже двухъ—предсѣдателя уголовной палаты и гражданскаго прокурора. Къ этому комитету по Высочайшему указу перешли дѣла по всѣмъ городскимъ повинностямъ, какъ денежнымъ, такъ и натуральнымъ. Въ его же вѣдѣніе вошли такіе предметы городского благоустройства, какъ распредѣленіе воинскаго постоя, освѣщеніе, содержаніе мостовыхъ, пожарная часть и т. д. Дѣятельность Комитета неустанно разросталась, хотя наименованіе оставалось прежнимъ.

Скоро Комитетъ сталъ полноправнымъ вершителемъ всѣхъ городскихъ дѣлъ; онъ распоряжался городскими имуществами, покупалъ новыя и ремонтировалъ старыя зданія; съ согласія московскаго главнокомандующаго, даже распоряжался устройствомъ полицейской части и размѣщеніемъ полицейскихъ чиновъ по съѣзжимъ дворамъ [1]).

Таково было городское управленіе или точнѣе — «городское начальство» до-пожарной Москвы. Послѣ 1812-го года Комитетъ уже не открывалъ своихъ дѣйствій, и его мѣсто заняла образованная въ 1813 году Комиссія для строеній, которой было поручено работать надъ возстановленіемъ разрушеннаго и сожженнаго города. Въ составъ ея вошелъ и «Комитетъ уравненія повинностей».

Несмотря на несовершенство органовъ мѣстнаго управленія, городская жизнь Москвы все росла и росла. Объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуютъ все растущія смѣты доходовъ и расходовъ, при чемъ расходы растутъ значительно быстрѣе доходовъ, чѣмъ и вызываютъ систематическіе дефициты. Въ 1800 году, какъ мы видѣли выше, сумма обыкновенныхъ расходовъ исчислялась 573,000 р.; въ 1806 году она уже равняется 811,910 рублямъ, почти удвоившись за пятилѣтній срокъ. Просматривая роспись расходовъ, приходится констатировать то же преобладаніе тратъ на административныя и полицейскія надобности и полное отсутствіе ассигновокъ на производительныя и просвѣтительныя цѣли. Въ 1806 году «Перечень расходовъ и доходовъ» изъ суммы обыкновенныхъ расходовъ въ 811,910 рублей отводитъ на:

1. Отопленіе и освѣщеніе казармъ, съѣзжихъ и «квартирныхъ» домовъ, будокъ, домовъ генералъ-губернатора, оберъ-полицеймейстера, коменданта и полицейскихъ . . . . . 150,000 р.
2. Ремонтъ казармъ, очистка и посуда для войскъ . . . . . 50,000 »
3. Содержаніе полиціи. . . . . 250,000 »
4. Содержаніе команды ночныхъ сторожей и пожарныхъ . . 169,000 »
5. Освѣщеніе улицъ . . . . . 50,000 »
6. Содержаніе мостовъ. . . . . 15,000 »
7. Содержаніе казенныхъ мостовъ . . . . . 12,000 »
8. Въ приказъ общественнаго призрѣнія. . . . . 37,800 »
9. На Екатерининскую больницу въ видѣ пособія . . . . . 12,000 »
10. На мелочные и экстраординарные расходы, «равно и на мощеніе и замощеніе отъ города мѣстъ» . . . . . 35,000 »
11. Содержаніе конторы устроенія казармъ. . . . . 6,110 »
12. Содержаніе «Комитета о управленіи городскими доходами и расходами» . . . . . до 20,000 »

Такимъ образомъ на городское благоустройство тратилось всего $9^1/_2\,^0/_0$. Доходы распредѣляются такъ:

1. Поземельный сборъ (назначенный главнымъ образомъ на постройку Спасскихъ казармъ) . . . . . до 550,000 р.
2. Съ пивоваренія. . . . . 90,000 »
3. За содержаніе гербергов (гостиницъ) и кофейныхъ домовъ . . . . . 50,000 »
4. Съ съѣстныхъ трактировъ. . . . . 20,000 »

[1]) М. П. Щепкинъ. Общественное хозяйство г. Москвы, т. I.

5.	Съ протеста векселей и явки заемныхъ писемъ	50,000 р.
6.	Акцизъ съ торгующихъ крестьянъ . . . . . до	66,000 »
7.	Съ отдачи торговыхъ бань на откупъ	70,000 »
8.	Съ отдачи городскихъ оброчныхъ статей	12,000 »
9.	Съ питейнаго откупа 1%	18,000 »
10.	Съ извозчиковъ	12,000 »
11.	Съ аукціоновъ	10,000 »
12.	За записку гражданъ въ обывательскую книгу, штрафы и другіе непредвидѣнные доходы	10,000 »
	Итого	963,000 р.

Приводимая смѣта составлена съ превышеніемъ доходовъ на 152,000 р., но въ дѣйствительности почти каждый годъ, какъ мы увидимъ дальше, давалъ довольно чувствительный дефицитъ. Интересно отмѣтить, что въ концѣ расходной росписи 1806-го года отмѣчено, что «Содержаніе Городской Думы и магистрата должно остаться на счетѣ одного купечества, а не общихъ городскихъ доходовъ». Эта тенденція къ переложенію бремени городского бюджета на плечи торговопромышленнаго сословія пробивается и позднѣе и характеризуетъ основныя черты городского хозяйства Москвы.

Финансовыя неурядицы и невозможность установленія прочнаго бюджетнаго равновѣсія заставляютъ правительство пересматривать принципы дѣятельности московскаго городского управленія и вырабатывать новое Положеніе о немъ. Въ 1820 году организуется еще одинъ «Комитетъ для устройства доходовъ и расходовъ» для сужденія о «трудномъ положеніи» столицы. Такимъ образомъ «трудность положенія» города была оффиціально признана. Комитетъ составился изъ правительственныхъ чиновниковъ, 4 назначенныхъ губернаторомъ «по его собственному соглашенію съ губернскимъ предводителемъ дворянства и городскимъ головой» или «какъ онъ за лучшее, по усмотрѣнію своему, признаетъ», — по два отъ дворянъ и купечества и городского головы. Комитету было повелѣно:

«1) Вникнуть въ положеніе доходовъ и расходовъ, равно какъ и долговъ Думы.

2) Разсмотрѣть источники доходовъ и удостовѣрить, не существуетъ ли между оными таковыхъ, кои можно было бы, безъ стѣсненія жителей, увеличить, и такихъ, кои признаны быть должны отяготительными.

3) Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній и соображеній составить Положеніе, какъ для доходовъ и расходовъ города Москвы, такъ и для уплаты долговъ, на Думѣ нынѣ числящихся».

Этимъ Комитетомъ выработано Положеніе 1823-го года, внесшее, наконецъ, нѣкоторый порядокъ въ организацію городского управленія и хозяйства.

Полное разстройство послѣдняго не должно показаться неожиданнымъ, если принять во вниманіе всю изложенную выше тормозящую и ограничивающую дѣятельность правительства. Всѣ крупнѣйшія муниципальныя функціи были отняты изъ рукъ Думы. Сначала постойная повинность, въ то время — коренной вопросъ городского хозяйства, завѣдываніе воин-

скими казармами, наконецъ — полиція; позднѣе перешли къ Комитету уравненія повинностей важнѣйшія области городского благоустройства и наконецъ — составленіе росписей городскихъ доходовъ и расходовъ. Такимъ образомъ въ нѣсколько десятилѣтій Городскую Думу превратили въ «приходо-расходчиковъ» городскихъ денегъ, по выраженію М. П. Щепкина, и покорныхъ исполнителей распоряженій начальства и многочисленныхъ комитетовъ. И тѣ общественныя учрежденія, созданныя Екатерининской граматой, которыя казались зачаткомъ будущаго полноправнаго муниципалитета, были лишены всякаго значенія и превращены въ ярлыки, наклеенные для приличія на властное административное хозяйничанье!

Несомнѣнно, что московскія общественныя силы сознавали всю призрачность дарованнаго имъ «самоуправленія». Выразителемъ ихъ мнѣнія явился городской голова Мазуринъ, разсматривавшій проектъ преобразованія городскихъ учрежденій въ 1828 году и замѣтившій въ своемъ отзывѣ, что «слѣдуетъ возстановить Общую Думу, которая нынѣ вовсе не существуетъ»... Но, несмотря на всѣ неблагопріятно слагающіяся обстоятельства, городскіе финансы Москвы растутъ, при чемъ опять-таки надо отмѣтить, что расходы растутъ быстрѣе, чѣмъ доходы. Въ 1800 году сумма обыкновенныхъ расходовъ была опредѣлена въ 811,900 р., а въ 1816 году [1]) она, несмотря на пожаръ 1812 года, почти удвоилась и достигла 1,451,573 р. Конечно, на масштабъ современнаго темпа жизни, когда каждый новый годъ приноситъ Москвѣ увеличеніе бюджета на нѣсколько милліоновъ, — это черепашій ходъ, но все же наличность прогресса несомнѣнна.

Положеніе 1823 года окончательно наложило на городъ тяжелое бремя расходовъ на государственныя потребности. Мѣстныя силы и городскіе финансы такимъ образомъ призывались помогать государству и всѣ самостоятельныя задачи городского хозяйства отодвигались на послѣдній планъ. Правда, новое Положеніе предоставило городу нѣсколько новыхъ источниковъ доходовъ, но они почти цѣликомъ уходили на государственныя надобности.

Результаты такого городского хозяйства хорошо извѣстны по многочисленнымъ запискамъ современниковъ. Москва утопала въ грязи, ночью — въ темнотѣ, больничная помощь населенію казалась не общественной обязанностью, а добровольнымъ благодѣяніемъ жертвователей, школъ было мало. Во многихъ частяхъ столицы, даже въ центрѣ, тянулись грязные, завалешные мусоромъ пустыри; словомъ въ смыслѣ благоустройства Москва очень мало подвинулась впередъ со временъ Царя Алексѣя Михайловича! Городское самоуправленіе сводилось къ городскому управленію. Въ населеніи и его представителяхъ, работавшихъ въ городскихъ учрежденіяхъ, не было сознанія своихъ гражданскихъ правъ и самотверженнаго желанія работать на пользу родного города: интересы мѣстные стушевывались передъ государственными и удовлетворенія городскихъ нуждъ ждали только отъ правительства.

---

[1]) Обращаемъ вниманіе, что къ этому году населеніе утроилось противъ 1802 года.

Московская жизнь. Торгъ на Страстной площади въ началѣ 1900-хъ годовъ.
Петровка зимой.

Хотя при введеніи Положенія 1823 года руководствовались желаніемъ упорядочить городскіе финансы, цѣль эта не была совершенно достигнута.

Ежегодные дефициты росли, доходя до 25% всѣхъ доходовъ:

Годы.	Расходы.		Доходы.		Недочетъ— Остатокъ+	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп
1836	842,567	—	812,111	12	— 30,455	88
1839	913,372	87	763,985	03	—149,387	84
1843	946,554	07	883,447	61 1/4	— 63,106	45 3/4
1845	1.030,107	50	1.073,308	97 1/2	+ 43,201	47 1/2
1847	1.108,699	42	1.127,940	91	+ 19,248	49
1849	1.153.949	69 1/4	1.119,884	55 3/4	— 34,065	13 3/4
1851	1.427,864	92 1/4	1.298,320	80 1/2	—129,544	11 3/4
1853	1.694,013	09 1/4	1.295,077	18 3/4	—398,935	90 1/2
1855	1.550,337	84 1/4	1.325,200	95 3/4	—225.136	88 1/2
1857	1.657,828	77 3/4	1.313,769	01 1/4	—344,059	76 1/4
1859	1.389,426	76 1/4	1.358,301	55	— 31.125	21 1/4
1861	1.678,043	82 1/4	1.534,038	52 3/4	—144,005	29 1/2
1862	1.711,250	53 3/4	1.524,343	78 1/4	—187,176	75 1/2

Бюджетное равновѣсіе, установленное Положеніемъ 1823-го года, оказалось призрачнымъ и продолжалось недолго. Уже въ 30-хъ годахъ оказались недочеты, а въ 1839-мъ, какъ видно изъ приведенной выше таблицы, Дума не досчитала 20% своихъ доходовъ.

О слабомъ развитіи и неподвижности городского хозяйства свидѣтельствуетъ слабое движеніе бюджета. Такъ, въ 1862 году онъ выросъ при сравненіи съ 1836-мъ, т.-е. за 25-лѣтній періодъ, только вдвое. Особенно слабо его движеніе въ періодъ 1843—1862 годовъ. По вычисленіямъ М. П. Щепкина за первое десятилѣтіе этого періода средніе расходы увеличились только на 25%, а доходы на 17%; во второе же десятилѣтіе расходы даже уменьшились, а доходы увеличились менѣе чѣмъ на 12%.

Интересно распредѣленіе расходовъ по смѣтамъ 1823 года и 1847—8 гг. Распредѣляя городскіе расходы на шесть основныхъ категорій, мы получаемъ:

	1823 г.	1847—8 гг.
1. Городская полиція	46%	30%
2. Воинская часть	26%	15%
3. Правительственныя учрежденія	3%	9%
4. Городское благоустройство	15%	12%
5. Народное образованіе, больницы и т. д.	2%	11%
6. Общественное управленіе	0,3%	1%

По смѣтѣ 1823-го года расходы на государственныя надобности составляли 75% всего городского бюджета. По смѣтѣ же 1847—8 гг. они составляютъ уже только 54%; несмотря на подавляющую городскіе финансы послѣднюю цифру, все же замѣтна тенденція пониженія расходовъ, не относящихся непосредственно до мѣстныхъ нуждъ. Съ другой стороны намѣчается тенденція увеличенія расходовъ на культурныя и благотворительныя цѣли; это увеличеніе прогрессируетъ и въ дальнѣйшихъ смѣтахъ и характеризуетъ направленіе дѣятельности московскаго городского управленія.

Несовершенства Положенія 1823-го года скоро стали очевидны. Когда въ 1850-хъ годахъ въ Петербургѣ зашла рѣчь о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ Положеніи 1846-го года, къ министру Внутреннихъ Дѣлъ стали поступать ходатайства о распространеніи намѣчающагося преобразованія и на другіе города Россіи. Первымъ поступило ходатайство Москвы, затѣмъ Одессы и другихъ провинціальныхъ городовъ. Въ 1859 году московское дворянство на очередномъ губернскомъ собраніи постановило ходатайствовать «о дозволеніи дворянамъ, имѣющимъ въ Москвѣ недвижимую собственность, принимать участіе въ городскомъ управленіи на томъ же основаніи, какъ это было допущено по С.-Петербургу». Такое ходатайство равнялось просьбѣ о преобразованіи московскаго городского управленія.

Несомнѣнно, что на протяженіи всей первой половины XIX вѣка московское городское хозяйство, втиснутое въ рамки стѣснительныхъ положеній, сильно отставало отъ все растущихъ потребностей жизни. Слабый ростъ расходовъ говоритъ не объ ограниченности потребностей, а скорѣе объ ихъ искусственномъ ограниченіи. Потребности въ улучшеніи городского благоустройства, развитія народнаго образованія остро чувствовались и городскими дѣятелями и насколько возможно выражались общественнымъ мнѣніемъ, но архаическія положенія, урѣзывавшія дѣятельность городского управленія, сковывали его культурную работу. Съ реформой 1862-го года, установившей т. н. Общую Думу и значительно улучшившей организацію московскаго городского управленія, замѣчается

необыкновенно быстрый ростъ городского бюджета. По вычисленіямъ М. П. Щепкина—въ первые 10 лѣтъ по учрежденіи Общей Думы расходы увеличились въ среднемъ на 62%, а доходы на 48%, послѣ же новаго преобразованія—1872-го года, въ теченіе 14 лѣтъ тѣ и другіе увеличились вдвое.

«Положеніе объ общественномъ управленіи г. Москвы» Высочайше утверждено 20 марта 1862-го года. Оно было построено на томъ же началѣ сословности, какъ и болѣе раннія Положенія, почти такъ же силенъ былъ надзоръ мѣстной власти, подчиняющій ей городское управленіе, но были и живительныя струи, навѣянныя свѣтлымъ духомъ «эпохи великихъ реформъ», расширявшія общественныя права.

Новое Положеніе дѣлило общественное самоуправленіе Москвы на Общее—для всего городского общества, и на Частное—для отдѣльныхъ сословій. Общее управленіе слагалось изъ Городской Общей Думы съ Депутатскимъ Собраніемъ и Распорядительной Думы «съ состоящими при ней установленіями и чинами» (торговой полиціей и депутаціей, оцѣночной комиссіей и т. д.). Частное Управленіе составляли Собранія выборныхъ отъ каждаго изъ 5 сословій, сословные старшины съ ихъ товарищами, сословныя управы—купеческая, мѣщанская и ремесленная.

Положеніе 1862-го года значительно освѣжило дѣятельность московскаго городского управленія, но все же не поправило угнетенныхъ и колеблющихся городскихъ финансовъ. Первые годы дѣятельности обновленнаго самоуправленія давали небольшой остатокъ по смѣтѣ, но затѣмъ снова потянулись дефицитные годы:

Ежегодные недочеты (—) и остатки (+).

Годы.	Сумма остатка или недочета. Рубли.	Коп.	Процентное отношеніе къ смѣтѣ.
1863	+ 38,712	08 3/4	+ 2,3%
1864	+ 72,286	45 3/4	+ 4,2%
1865	+ 184,479	86 3/4	+ 9,2%
1866	— 204,455	23 1/4	—11,7%
1867	— 608,510	52 1/4	— 33,4%
1868	— 44,473	53 1/4	— 2,2%
1869	— 173,309	26 3/4	— 8,0%
1870	— 187,152	90 1/2	— 8,4%
1871	— 381,614	23	—15,9%
1872	— 189,863	50 1/4	— 7,5%
1873	— 468,494	66 1/2	—17,3%
1874	— 223,259	33	— 7,4%
1875	+ 178,067	46 1/2	+ 5,1%
1876	— 489,626	05 1/4	—13,0%
1877	— 2.104,790	46 1/4	—58,6%
1878	— 291,059	06 1/4	+ 6,9%
1879	— 334,195	29	— 8,2%
1880	— 705,978	37 1/4	—16,3%
1881	— 902,329	51 1/4	—21,2%
1882	— 949,894	71 1/2	—22,3%
1883	— 803,371	47 3/4	— 17,8%
1884	— 669,449	54 1/4	—14,6%
1885	— 701,144	90 1/4	—15,0%
1886	— 687,428	81 3/4	—13,9%

Систематическіе дефициты, въ среднемъ держащіеся между $^1/_{10}$ и $^1/_5$ всей расходной смѣты, сильно разстатывали городское хозяйство и мѣшали его планомѣрному развитію. Въ 1877 году дефицитъ достигаетъ 58, 6%, но разгадка кроется въ 1,000,000 рублей, пожертвованныхъ московской Городской Думой на санитарныя нужды арміи въ русско-турецкую войну.

Несмотря на дефициты, московское самоуправленіе развивается, хотя и довольно-медленнымъ темпомъ. Городскіе доходы растутъ:

Итогъ городскихъ доходовъ:

	Рубли.	Коп.
1863	1.703,903	02
1865	1.905,089	06
1867	1.820,520	47
1869	2.159,843	$61^1/_4$
1871	2.400,261	$37^3/_4$
1873	2.706,536	$09^3/_4$
1875	3.523,860	$42^1/_4$
1877	3.590,181	90
1879	4.072,349	34
1881	4.263,685	83
1882	4.252,329	$33^1/_2$

Ростъ доходовъ идетъ неуклонно, съ самыми незначительными колебаніями. Чтобы представить себѣ въ неопровержимыхъ числовыхъ данныхъ направленіе дѣятельности московскаго городского управленія и характеръ его расходовъ, вернемся къ составленной М. П. Щепкинымъ таблицѣ процентныхъ отношеній городскихъ расходовъ по 6 основнымъ титуламъ:

	По смѣтамъ 1847—8 гг.	По отчетамъ 1863—1872 гг.	По отчетамъ 1873—1882 гг.
Средняя цифра бюджета . . .	1.081,900 р. с.	2.180,800 р. с.	4.341,000 р. с.
Городская полиція	30%	29%	21%
Воинская часть	15%	5%	4%
Правительственныя учрежденія.	9%	6%	2%
Городское благоустройство . .	12%	18%	27%
Народн. образованіе и больницы	11%	10%	15%
Общественное управленіе . . .	1%	7%	9%

Какъ видно изъ этой таблицы, растущему бюджету города удается удѣлять большія суммы на просвѣтительныя и культурныя цѣли, какъ и

Московскій быт. Весенній торгъ на Трубной площади.

Лубянская площадь зимой въ 1900-хъ годахъ.

вообще на городскія нужды. Въ 1847—8 гг. расходы на государственныя потребности отнимали 54% городского бюджета, въ періодъ 1863—72 гг. въ среднемъ—40% и въ 1873—1882 гг.—уже всего 27%.

Отрадную сторону, въ общемъ довольно безпомощной и вялой, дѣятельности городского управленія въ 60-хъ и 70-хъ годахъ составляетъ ростъ ассигновокъ на просвѣтительныя цѣли, ростъ не только въ количественномъ, но и въ процентномъ отношеніи. Приводимъ еще одну таблицу расходовъ на народное образованіе и больничную часть въ періодъ 1863—1876 годовъ:

Года.	Каз. мужскія училища, гор. нач. училища, библіотеки, стипендіи, субсидіи.		Больницы.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1863	15,457	35½	96,664	48¼
1864	23,942	85½	105,235	98¼
1865	21,924	15½	98,570	85¼
1866	27,456	30½	168,349	07¼
1868	38,838	12½	159,376	70½
1870	51,183	98½	165,363	06¼
1872	62,321	95½	171,056	51¼
1874	96,301	65¼	192,038	10¼
1876	151,990	73	223,341	39

Итакъ, за время между 1863 и 1876 годами больничные расходы увеличились въ 2½ раза, расходы же на народное образованіе и прочія просвѣтительныя цѣли удесятерились!

Оживленію дѣятельности московскаго городского самоуправленія способствовалъ рядъ условій, гораздо болѣе вліятельныхъ, чѣмъ Положеніе 1862-го года. Прежде всего—ростъ самаго города, усиленіе его экономической мощи. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ, сначала Николаевской, потомъ Рязанской, Курской, Нижегородской, Брестской, Ярославской, сдѣлалъ Москву экономическимъ и культурнымъ центромъ огромной прилегающей области,—почти всей центральной Россіи и сѣвернаго Поволжья. Вмѣстѣ съ тѣмъ интенсивный ростъ фабричной промышленности въ московскомъ районѣ, особенно текстильной, дѣлалъ Москву поставщицей мануфактуры почти на всю Россію. Промышленное развитіе, двинувшееся быстрымъ ходомъ, протягивало къ Москвѣ рабочія руки и значительно увеличивало съ каждымъ годомъ ея населеніе. Торговыя и фабричныя предпріятія были для города прочнымъ источникомъ доходовъ: на нихъ держался весь городской бюджетъ, потому что прямые налоги составляли

около 80% всѣхъ городскихъ сборовъ, и вся эта податная тягость лежитъ исключительно на домовладѣльцахъ и торгово-промышленномъ классѣ. На всемъ протяженіи XIX вѣка можно прослѣдить тѣснѣйшую зависимость между усиленіемъ экономической мощи Москвы и упроченіемъ ея городского хозяйства.

Развитіе промышленности создавало въ Москвѣ культурный и экономически сильный классъ буржуазіи—«купечества», принимавшій активное участіе въ работѣ городского и земскаго самоуправленія. Здѣсь открывалось широкое поле для примѣненія его хозяйственныхъ способностей и познаній. За немногими исключеніями всѣ выдающіеся дѣятели московскаго городского управленія, имена которыхъ вѣчно будутъ памятны въ его лѣтописяхъ, выдвинулись изъ рядовъ купечества. Почти всѣ городскіе головы Москвы, за исключеніемъ нѣсколькихъ представителей аристократическихъ фамилій, принадлежатъ къ купечеству: С. М. Третьяковъ, Н. А. Алексѣевъ, Рукавишниковъ, Гучковъ и т. д.

Идейный толчокъ культурной дѣятельности московскаго городского самоуправленія былъ данъ великими реформами 60-хъ годовъ, дарованіемъ гражданскихъ правъ и призывомъ къ самодѣятельности всѣхъ слоевъ населенія. Особенно важную моральную роль сыграло въ этомъ отношеніи Положеніе 1870-го года, отвергшее сословную подкладку въ устройствѣ общественнаго управленія и замѣнившее сословность имущественнымъ цензомъ. Если раньше, въ тяжелое время Николаевской реакціи, городское управленіе являлось какъ бы отвѣтвленіемъ мѣстной власти, однимъ изъ органовъ правительства, призваннымъ исполнять его велѣнія и пожеланія, то послѣ либеральныхъ реформъ выросла мысль о раздѣленіи интересовъ общегосударственныхъ и мѣстныхъ, о правѣ мѣстныхъ людей работать надъ удовлетвореніемъ послѣднихъ. Общественное самоуправленіе было противопоставлено правительственному управленію.

Во главѣ московскаго городского управленія неоднократно стояли извѣстные русскіе дѣятели. Одно время городскимъ головой былъ кн. В. А. Черкасскій, а въ 1884 году вступилъ на это мѣсто знаменитый ученый Б. Н. Чичеринъ. Московское самоуправленіе издавна выдѣлялось культурностью и прогрессивностью, особенно въ финансовыхъ и просвѣтительныхъ вопросахъ. Широта взгляда на общественные вопросы, умѣнье преемственно работать надъ благоустройствомъ родного города всегда отличали его дѣятелей. Только благодаря энергичной и дружной работѣ нѣсколькихъ поколѣній, можетъ похвастать Москва образцовой постановкой городского дѣла.

Московское городское управленіе съ давнихъ поръ является лучшимъ въ Россіи и выдается именно умѣньемъ и желаніемъ за минутными запросами и потребностями не терять изъ виду общихъ интересовъ города. Культурная планомѣрность его работы, введенная уже нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, только теперь начинаетъ прививаться въ другихъ русскихъ городахъ.

Насколько сложно городское хозяйство Москвы, можно видѣть хотя бы изъ принятой въ 1867 году классификаціи расходовъ и доходовъ:

По расходамъ: 1) Уплата долговъ. 2) Содержаніе городского управленія. 3) Управленія генералъ-губернатора. 4) Управленія губернатора. 5) Конторы адресовъ. 6) Управы благочинія. 7) Наружной полиціи. 8) Жандармскаго дивизіона. 9) Пожарной части. 10) Полицейско-врачебнаго управленія. 11) Мировыхъ судебныхъ учрежденій и др. 12) Тюремныхъ учрежденій. 13) Пенсіи и пособія. 14) Строительная часть. 15) Водопроводъ. 16) Очистка улицъ, площадей и мостовъ. 17) Освѣщеніе. 18) Содержаніе казармъ. 19) Содержаніе ордонансъ-гауза и караульныхъ домовъ. 20) Выдача квартирныхъ денегъ и наемъ воинскихъ помѣщеній. 21) Содержаніе учебныхъ заведеній и отпускъ суммъ на воспитаніе въ нихъ. 22) Содержаніе богоугодныхъ и благотворительныхъ заведеній. 23) Пособія постороннимъ вѣдомостямъ. 24) Разныя непредвидѣнныя издержки. 25) Заимообразный отпускъ суммъ.

По доходамъ: 1) Проценты съ городскихъ капиталовъ. 2) Доходы съ городскихъ общественныхъ имуществъ и оброчныхъ статей. 3) Налоги на городскихъ осѣдлыхъ обывателей (записка гражданъ въ обывательскую книгу). 4) Налоги на недвижимыя имущества (процентный и др. сборы). 5) Налоги на промышленниковъ. 6) Сборы съ содержателей торговыхъ заведеній. 7) Налоги косвенные. 3) Налоги вспомогательные. 9) Доходы случайные. 10) Доходы чрезвычайные (заимствованія изъ капиталовъ).

За послѣднія десятилѣтія городское управленіе дѣлало титаническія усилія, чтобы, не урѣзывая чувствительно насущныхъ расходовъ, установить бюджетное равновѣсіе. Только за послѣдніе годы колоссальное развитіе экономической жизни Москвы нѣсколько упрочило финансовое положеніе города и только теперь городское хозяйство можетъ считаться построеннымъ на болѣе или менѣе твердомъ фундаментѣ. Всѣ муниципальные успѣхи Москвы, такіе поражающіе при сравненіи съ другими крупными русскими городами, кажутся ничтожными при измѣреніи на масштабъ западно-европейскихъ столицъ. Основная причина кроется въ сравнительной бѣдности московскаго населенія. Налоговый прессъ былъ нажатъ въ достаточной степени, вызывая даже нареканія на тяжелую перегруженность населенія городскими налогами, но, тѣмъ не менѣе, городскіе доходы на одного жителя значительно отставали отъ нормы крупныхъ западныхъ городовъ. Къ особенностямъ финансовой системы московскаго городского управленія нужно отнести слабое развитіе косвенныхъ налоговъ, ложащихся бременемъ на наименѣе состоятельные слои населенія.

Городскіе налоги на 1 жителя во франкахъ.

	1877.			1878.			1879.			1880.			1881.			Сред.		
	Прям.	Косв.	Вм.	Прям.	Косв.	Вм.	Прям.	Косв.	Вм.	Прям.	Косв.	Вм.	Прям.	Косв.	Вм.	Прям.	Косв.	Вм.
Парижъ. . . .	12,3	65,7	78,0	13,4	72,6	86,0	13,9	73,9	78,8	13,9	77,6	19,5	12,7	71,9	84,6	13,2	72,3	85,5
Берлинъ. . . .	33,6	1,1	34,7	27,0	0,8	27,8	26,0	0,7	26,7	25,9	0,8	26,7	25,7	0,7	26,4	27,6	0,8	28,4
Вѣна	32,2	6,8	39,0	31,4	6,9	38,3	31,3	5,8	37,1	31,1	5,6	37,0	33,0	6,0	39,0	31,8	6,2	38,0
Петербургъ . .	14,2	2,1	16,3	13,7	1,4	15,1	?	?	?	10,8	1,5	12,3	?	?	?	12,8	1,6	14,4
Москва . . .	9,6	0,7	10,3	11,3	0,8	12,1	10,7	0,8	11,5	11,0	0,8	11,8	10,1	0,9	11,0	10,6	0,8	11,4
Копенгагенъ. .	21,4	3,1	24,5	22,4	2,9	25,3	21,8	2,0	23,8	23,0	3,3	26,3	23,9	3,3	27,2	22,5	2,9	25,4
Стокгольмъ . .	21,3	17,1	38,4	19,0	17,0	36,0	19,0	16,9	35,9	19,4	18,4	37,8	19,4	23,1	42,8	19,6	18,5	38,1

Такимъ образомъ, городскіе налоги въ Москвѣ въ концѣ 70-хъ годовъ приблизительно въ 7 разъ меньше, чѣмъ въ Парижѣ, въ 3 раза меньше, чѣмъ въ Вѣнѣ, и въ $2^1/_2$, чѣмъ въ Берлинѣ. Такая бѣдность городского управленія, при почти полной невозможности сильнѣе нажимать налоговый прессъ, не дожидаясь, пока ходъ экономическаго развитія въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій не подниметъ платежныя силы населенія, опредѣляетъ размѣры его дѣятельности и говоритъ о невозможности удовлетворить всѣмъ потребностямъ городской жизни...

Въ выводамъ, получаемымъ при сравненіи городскихъ налоговъ русскихъ городовъ и столицъ Запада, нужно добавить еще «обязательные» расходы на государственныя и административныя нужды, сильно обременяющіе бюджетъ Москвы. Правда, ростъ этихъ расходовъ отстаетъ отъ быстраго темпа развитія городского хозяйства, но дань, взимаемая государствомъ съ города, до нищенскихъ предѣловъ урѣзываетъ тѣ средства, которыя онъ могъ бы расходовать на свои нужды. Очень показательна въ этомъ отношеніи приводимая М. П. Щепкинымъ сравнительная таблица городскихъ расходовъ на народное образованіе западныхъ и русскихъ муниципалитетовъ за пятилѣтіе 1877—1881 годовъ:

	1877	1878	1879	1880	1881	Сред.
Парижъ	5,01	0,60	5,29	7,20	6,58	4,93
Берлинъ.	9,55	7,65	7,91	8,52	8,77	8,48
Вѣна	7,88	8,21	8,35	8,50	8,94	8,37
Петербургъ	0,26	0,46	?	0,59	?	0,43
Москва	0,69	0,76	0,78	0,84	1,00	0,81
Копенгагенъ. . . .	3,30	3,89	3,89	4,00	4,21	3,84
Стокгольмъ	4,17	3,94	4,20	4,81	4,99	4,42

Домъ В. Н. Грибова въ Хлѣбномъ переулкѣ.

Ничтожныя цифры, относящіяся къ Москвѣ, импонируютъ только одному Петербургу, тратящему въ среднемъ вдвое меньше: Берлинъ расходовалъ въ 10 разъ больше, Вѣна — тоже, Парижъ — въ 6 разъ, Стокгольмъ — въ 7. Цифры расходовъ на больничную часть почти такъ же безотрадны:

	1877	1878	1879	1880	1881	Средн.
Парижъ	?	?	6,06	6,51	5,84	6,13
Берлинъ	1,56	1,19	2,13	2,15	2,20	1,84
Вѣна	0,67	0,69	0,65	0,53	0,53	0,61
Петербургъ	0,88	1,47	?	0,18	?	0,50
Москва	1,04	1,42	0,14	1,04	1,07	1,22
Копенгагенъ	3,94	3,73	3,90	4,27	4,30	4,03
Стокгольмъ	1,07	1,18	2,10	2,12	2,47	1,91

Таковы въ общихъ контурахъ результаты дѣятельности московскаго городского управленія въ 70-хъ и отчасти 80-хъ годахъ. То было переходное время, стоящее на грани двухъ эпохъ городского хозяйства. Сравненіе съ Западной Европой показываетъ, какъ еще много нужно сдѣлать Москвѣ, чтобы сравняться съ европейскими столицами въ отношеніи благоустройства и просвѣтительной работы, но и то, что сдѣлано, заслуживаетъ уваженія, если вспомнить о малыхъ сравнительно ресурсахъ города и о неудовлетворительности городового Положенія!

Конецъ 80-хъ и начало 90-хъ годовъ составляютъ поворотный пунктъ въ исторіи Москвы. Окрѣпшее городское управленіе, питаемое могучимъ экономическимъ ростомъ города, усиливаетъ свою культурную дѣятельность, основываетъ рядъ городскихъ предпріятій, служащихъ не только городскому благоустройству, но и дающихъ городу доходъ, снабжаетъ Москву всѣми удобствами современной городской культуры. До сихъ поръ направленіе дѣятельности московскаго городского управленія опредѣлено въ основномъ своемъ руслѣ этими энергичными и продуктивными годами.

Москва многимъ обязана Николаю Александровичу Алексѣеву (1852 — 1893 гг.), бывшему городскимъ головой съ 1885 года и до самой смерти. Культурный и энергичный муниципальный дѣятель, Алексѣевъ, заложилъ почти всѣ основанія настоящаго благоустройства Москвы. При немъ устроены городскія бойни, городская прачечная, мостовыя, много новыхъ городскихъ училищъ и больницъ, выстроено громадное зданіе Городской Думы, основано городское страховое отъ огня общество, приведены въ приличный видъ городскіе бульвары, разбиты скверы на площадяхъ.

Размѣры статьи не позволяютъ намъ вести систематическую характеристику дѣятельности московскаго городского управленія. Ограничиваясь наиболѣе яркими и показательными моментами, отмѣтимъ состояніе городского хозяйства въ началѣ 90-хъ годовъ и затѣмъ, минуя рядъ ступеней его развитія, перейдемъ къ подведенію итоговъ, поскольку они сказались въ работѣ послѣднихъ лѣтъ.

Въ 1896 году въ городскую смѣту внесено на народное образованіе 651,703 р., въ томъ числѣ на начальныя школы — 510,244 р., вечерніе и воскресные классы — 11,100 р., городскія училища и т. п. — 41,562 р., на пособія и стипендіи въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ — 15,300 р., стипендіи въ университетѣ — 3,300 р., на профессіональное образованіе — 25,202 р., на пособіе училищамъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ — 14,600 р., на библіотеки, народныя чтенія и читальни, Румянцевскій музей и картинную Третьяковскую галлерею — 30,935 р. [1]). Смѣта на просвѣтительныя задачи ежегодно прогрессируетъ.

Къ 1895 году Москвѣ удалось вполнѣ обезпечить населеніе водой изъ мытищинскихъ источниковъ, дающихъ до $1^1/_2$ милл. ведеръ въ сутки. Колоссальная система водоснабженія устроена по всѣмъ требованіямъ техники и санитаріи. Рядъ водосборныхъ колодцевъ «бруклинской системы» заложенъ въ Мытищахъ около р. Яузы и соединенъ при посредствѣ общей всасывающей трубы съ насосами, помѣщенными въ машинномъ зданіи, устроенномъ при водосборахъ. Отсюда вода поступаетъ къ Алексѣевской водоподъемной станціи, сначала въ подземный запасный резервуаръ, вмѣстимостью въ 300,000 ведеръ, и затѣмъ нагнетается до города. Въ концѣ водовода у Крестовской заставы устроены двѣ водонапорныя башни; въ верхнемъ этажѣ каждой помѣщается резервуаръ, емкостью въ 150,000 ведеръ. Такимъ образомъ запасъ воды въ Крестовскихъ башняхъ былъ доведенъ до 300,000 ведеръ. Насколько грандіозное сооруженіе представляетъ Мытищинскій водопроводъ, можно судить по протяженію водовода: отъ Мытищинской водокачки до Алексѣевской водоподъемной станціи, длина его равняется — 6439,6 саж.; отъ послѣдней до Крестовскихъ башенъ — 1022,4 саж. Водопроводныя линіи городской сѣти безъ домовыхъ отвѣтвленій къ 1894 году равнялись 108 верстамъ. Вода отпускалась за плату по 12 коп. за 100 ведеръ. Несмотря на грандіозный размѣръ водопроводныхъ сооруженій, уже въ 1894 году разборъ воды достигалъ почти 1,500,000 ведеръ въ сутки, исчерпывая почти все количество, на которое былъ разсчитанъ Мытищинскій водопроводъ, и все растущія потребности города заставили Городскую Думу тогда же поднять вопросъ о дальнѣйшемъ увеличеніи водоснабженія Москвы, что и привело къ устройству впослѣдствіи Рублевскаго водопровода, фильтрующаго и доставляющаго воду изъ Москвы-рѣки.

Приговоромъ Думы отъ 10-го января 1889-го года постановлено ввести въ Москвѣ канализацію. Черезъ два года уже былъ разработанъ проектъ и вскорѣ было приступлено къ работамъ. Для проведенія канализаціи городъ былъ раздѣленъ на двѣ очереди, при чемъ въ первую вошла наиболѣе населенная часть города, заключенная въ черту Садовой. Стоимость канализаціи всего города была исчислена въ 17,450,000 р., изъ которыхъ 6,246,000 р. составляли расходъ на пріобрѣтеніе и устройство полей орошенія. Опредѣленіе первой очереди канализаціи чертой Садовой, т.-е. наиболѣе состоятельной части города, вызывало въ прессѣ нападки

[1]) «Дѣятельность Моск. гор. управленія по народному образованію». М. 1896 г.

на отсутствіе демократизма въ дѣятельности городского управленія: наиболѣе нуждающіяся въ санитарномъ благоустройствѣ, бѣдныя и грязныя части города, заселенныя бѣднотой, откладывались на вторую очередь. Этотъ упрекъ въ значительной степени парализуется тѣмъ соображеніемъ, что пріобщеніе къ канализаціи небольшихъ раскинутыхъ владѣній городскихъ окрайнъ было бы очень затруднено несостоятельностью ихъ владѣльцевъ. Съ другой стороны, заключенная въ первую очередь центральная часть Москвы уже не такъ незначительна: составляя по площади строительныхъ кварталовъ 31,5% всей городской площади, она по числу жителей въ началѣ 90-хъ годовъ составляла 54% и по числу владѣній 46%.

Въ смыслѣ внѣшняго благоустройства въ разсматриваемое время городскимъ управленіемъ былъ принятъ рядъ мѣръ: предпринято урегулированіе вѣковой московской неправильности улицъ, по составленному для этого и Высочайше утвержденному плану. Для большей безопасности въ пожарномъ отношеніи въ значительной части города воспрещено сооруженіе деревянныхъ построекъ. Значительно увеличена площадь древесныхъ насажденій въ городѣ. Расчищена и украшена прекрасная Сокольническая роща, устроены дорожки, пруды, цвѣтники, бесѣдки и т. п.

Къ 1895 году въ Москвѣ существовали уже 2 городскихъ безплатныхъ читальни: имени Тургенева—у Мясницкихъ Воротъ, основанная на средства Варвары Алексѣевны Морозовой, и имени Островскаго—на Смоленскомъ рынкѣ. На Воскресенской площади между 1890 и 1892 годами построено красивое и обширное зданіе Городской Думы, имѣющее три этажа и подвалъ, обошедшееся въ 650,000 рублей, съ прекраснымъ заломъ засѣданій, длиной въ 15 с., шириной 7 с. и высотой 5 с. Однако, въ послѣдніе годы и оно стало тѣснымъ разросшемуся городскому управленію.

За Покровской заставой устроены городскія бойни и скотопригонный дворъ. Бойни оборудованы съ соблюденіемъ всѣхъ требованій санитаріи. Дневной размѣръ убоя крупнаго скота можетъ быть доведенъ до 1680 головъ. Бойни состоятъ изъ 4 двухъэтажныхъ корпусовъ: въ верхнемъ этажѣ производится убой, въ нижнемъ—устроены помѣщенія для храненія мяса. При бойняхъ альбуминный и огневой салотопенный заводъ. Постройка боенъ вмѣстѣ съ подъѣздной желѣзной дорогой, мостовыми работами, канализаціей, водопроводомъ и всѣмъ оборудованіемъ стоила городу 2,076,435 рублей 36 коп.

На Краснохолмской улицѣ устроена Центральная городская прачечная и рядомъ Центральное дезинфекціонное зданіе. Оба эти учрежденія устроены для обслуживанія обширныхъ городскихъ больницъ и назначеніе ихъ не только экономическое, но и санитарное: централизуя для раціональной стирки больничное бѣлье, имѣлось въ виду предупреждать этимъ отчасти распространеніе заразныхъ болѣзней, особенно эпидемическихъ.

Изъ безконечныхъ благотворительныхъ учрежденій, созданныхъ преимущественно на частныя средства и пожертвованія и находящихся въ вѣдѣніи городского управленія, въ разсматриваемые годы сооружена ме-

жду прочимъ Городская психіатрическая больница, такъ называемая — «Канатчикова дача», находящаяся за Серпуховской заставой. Каменныя зданія образцовой больницы устроены по павильонной системѣ, но въ соотвѣтствіи съ русскимъ суровымъ климатомъ соединены теплыми переходами. Стоимость больницы — свыше 800,000 рублей, сплошь частныхъ пожертвованій, которыя сумѣлъ привлечь Н. А. Алексѣевъ.

Несмотря на всю энергію, проявляемую городскимъ управленіемъ, ограниченныя въ сравненіи съ ростомъ потребностей средства города не позволяли съ достаточной полнотой осуществлять всѣ муниципальныя задачи. Уже давно начались въ московской Думѣ разговоры о необходимости введенія всеобщаго обученія, но только теперь, въ самые послѣдніе годы, явилась возможность съ большими усиліями перейти отъ словъ къ дѣлу. Несмотря на щедрыя купеческія пожертвованія на больницы и пріюты, дѣло оказанія больничной помощи нуждающемуся населенію стояло далеко не на желательной высотѣ. Въ январѣ 1894-го года цифры отказовъ въ пріемѣ въ городскія больницы все еще весьма внушительны. Причиной отказа въ подавляющемъ количествѣ случаевъ является неимѣніе мѣста [1]). Процентное отношеніе получившихъ отказъ къ принятію въ нѣкоторыхъ больницахъ достигаетъ 50%.

Городскія больницы.	Отказано въ пріемѣ за январь 1894 года.
I-ая городская. . .	498
II-ая городская . .	164
Ст. Екатерининская.	41
Яузская.	440
Басманная	58
Мясницкая	410

Больныхъ же состояло къ 1-му февраля 1894 года:

Городскія больницы.	Состоитъ всего больныхъ къ 1-му февраля.
I-ая городская. . .	520
II-ая городская . .	404
Ст. Екатерининская.	785
Яузская.	557
Басманная	375
Мясницкая	386

[1]) «Извѣстія Моск. Гор. Думы». 1894 г. Февраль, вып. II, стр. 14.

Новое зданіе Московскаго Университета. (Перестроено).

Арх. Ф. О. Шехтель.

Домъ М. П. Рябушинскаго (бывш. С. Т. Морозова) на Спиридоновкѣ.

Чувствовались недостатки также и въ постановкѣ амбулаторнаго дѣла. Сравненіе съ Петербургомъ будетъ не въ пользу Москвы. Въ Москвѣ для подачи помощи исключительно приходящимъ больнымъ было въ 1890 году всего 4 амбулаторіи и кромѣ того амбулаторный пріемъ существовалъ при 7 городскихъ больницахъ. Сравненіе цифръ амбулаторныхъ больныхъ [1]) для трехъ русскихъ городовъ съ развитой муниципальной жизнью представляетъ такую картину:

Амбулаторіи.	Число больныхъ въ 1890 г.		
	Петербургъ.	Москва.	Рига.
Самостоятельныя	130,086	53,746	9,699
При больницахъ	104,218	111,633	—
И т о г о . . .	234,304	165,379	9,699
Число больныхъ, пользованныхъ врачами на дому . . .	37,688	—	1,329

Въ 1894 году въ Москвѣ число городскихъ амбулаторій достигало уже 12 и, конечно, соотвѣтственно увеличилось и число лицъ, пользующихся этими учрежденіями. Большое подспорье дѣлу больничной помощи въ Москвѣ составляли обильныя частныя пожертвованія: въ этомъ отношеніи Москва стояла и стоитъ впереди всѣхъ русскихъ городовъ. Въ Петербургѣ пожертвованія частныхъ лицъ составляютъ 365,000 р., т.-е. 12,3% всей суммы городскихъ благотворительныхъ капиталовъ, въ Одессѣ — 223,000 р., т.-е. 30,9%, а въ Москвѣ—3,400,000 рублей, т.-е. равняются $^2/_3$ (67,3%) всѣхъ благотворительныхъ капиталовъ.

Въ рубляхъ сумма капиталовъ даетъ такія цифры для 1890-го года: въ Москвѣ капиталы благотворительныхъ и лѣчебныхъ учрежденій равняются 5,065,217 р., а въ Петербургѣ — 2,964,800 р.; училищный капиталъ въ Москвѣ—150,062 р., въ Петербургѣ—123,300 рублей.

Особенностью муниципальной дѣятельности Москвы является организація городскихъ предпріятій, не только обслуживающихъ нужды города, но и, будучи поставлены на коммерческое основаніе, дающихъ ему довольно значительный доходъ. Система городскихъ предпріятій, развивающаяся до нашихъ дней, получила основаніе въ 80-хъ годахъ и въ этомъ отношеніи интересны данныя 1890-го года. Къ этому году Петербургъ обладалъ однимъ только городскимъ предпріятіемъ—бойнями, Варшава—5, Одесса—2, Рига—5, Москва же—6; несомнѣнно, что присутствіе опытныхъ хозяевъ—купцовъ и промышленниковъ—въ составѣ московскаго городского управленія способствовало правильной постановкѣ и процвѣтанію городскихъ предпріятій.

[1]) «Извѣстія Моск. Гор. Думы» 1894 г. Іюнь. Вып. I, стр. 115.

Въ Москвѣ въ 1890 году существовали: 1) Городскія бойни. 2) Водопроводъ. 3) Типографія. 4) Ассенизаціонный обозъ. 5) Полицейская газета. 6) Канализація. Въ разсматриваемое время городскія предпріятія Москвы еще были слабо развиты, недавно учреждены и не приносили ощутительнаго для городской кассы дохода. Бойни въ Москвѣ, если вычесть уплату процентовъ по облигаціонному займу, за счетъ котораго онѣ строились, не принесли въ 1890 году прибыли; по водопроводу получился, въ виду большихъ затратъ по переустройству, чувствительный дефицитъ въ 57,641 р. 03 к.; ассенизаціонный обозъ, основанный въ 1885 году, далъ чистой прибыли 10,106 р. 70 к.; валовой доходъ городской типографіи равнялся 81,294 р., а полицейской газеты—73,369 р.

Степень развитія и матеріальные ресурсы московскаго городского управленія въ сравненіи съ прочими крупными русскими городами въ 1890 году видны изъ таблицы:

Названіе города.	Всѣхъ расходовъ.	Обыкновенныхъ расходовъ на 1 жителя
Петербургъ.	7.992,946,196	8,165
Москва.	8.196,854,192	8,175
Варшава.	4.471,750,58[illegible]	7,114
Одесса	3.352,482,1[illegible]	9,182
Рига	3.121,440,[illegible]2	15,147

Считаясь съ цифрой обыкновенныхъ расходовъ на 1 жителя, приходится признать, что въ 1890 году городской бюджетъ наиболѣе развитъ въ Ригѣ. 1890-й годъ заключенъ Москвой съ дефицитомъ въ 88,129 рублей.

Въ началѣ 90-хъ годовъ былъ выработанъ проектъ устройства городского ломбарда, основаннаго въ интересахъ облегченія мелкаго кредита для низшихъ слоевъ городского населенія и разросшагося теперь въ громадное учрежденіе, а также въ 1894—5 годахъ открыты городскія попечительства о бѣдныхъ. Вообще въ это энергичное время въ дѣятельности московскаго городского управленія было положено основаніе большей степени демократичности. Городскія попечительства, сильно развившія за послѣдніе годы свою дѣятельность, были основаны въ количествѣ 24 при 40 участкахъ. Въ 1896 году мѣщанское попечительство разбилось на 4 отдѣльныхъ попечительства, по числу участковъ; въ концѣ 1902-го было образовано отдѣльное попечительство Хитрова рынка; попечительство это, одно изъ самыхъ дѣятельныхъ, энергично работаетъ надъ оздоровленіемъ своего района, по словамъ комиссіи попечительствъ, изслѣдовавшей въ 1897 году Хитровъ рынокъ, представляющаго «самую ужасную язву всего города». Планъ оздоровленія родился уже въ 1898 году, когда комиссія по реорганизаціи Хитрова рынка, совмѣстно съ спеціальной комиссіей при санитарной группѣ Техническаго Общества, разработала общій планъ практическихъ мѣропріятій, необходимыхъ для «оздоровленія».

Московскія городскія попечительства были первой попыткой муниципальной борьбы съ тяжелыми условіями жизни городской бѣдноты. Раньше вмѣсто ихъ существовалъ «комитетъ по разбору и призрѣнію просящихъ

милостыню», архаическое бюрократическое учрежденіе, основанное еще въ 1838 году. Дѣятельность комитета была очень незначительна.

Въ 1873 году нищихъ въ Москвѣ насчитывалось около 26,000, но комитетъ въ 1888 году разсмотрѣлъ всего лишь 811 дѣлъ о нищихъ [1]) Всѣ усилія комитета были направлены на борьбу съ нищими, при совершенно равнодушномъ отношеніи къ причинамъ этого общественнаго зла Городское управленіе, взявъ въ свои руки дѣло призрѣнія нищихъ, опре, дѣлило свои задачи въ этомъ отношеніи именно какъ борьбу съ бѣдностью а не съ нищенствомъ, какъ производнымъ явленіемъ.

Попечительствамъ въ первые же годы ихъ существованія удалось привлечь къ работѣ общественныя силы и довольно значительный притокъ частныхъ пожертвованій. Ростъ расходовъ попечительствъ говоритъ о расширеніи ихъ дѣятельности:

1895— 37,804 р.
1896— 86,993 р.
1897—111,501 р.
1898—131,238 р.
1899—156,368 р.
1900—183,117 р.
1901—194,543 р.

Дѣятельность попечительствъ заключалась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ помощи бѣднымъ: выдача пособій, платья и обуви, продуктовъ, трудовая помощь, ясли и т. д. Широкое распространеніе получило устройство безплатныхъ столовыхъ. Починъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ 1-му Хамовническому попечительству, открывшему столовую уже въ 1896 году. Въ 1901 году всѣми 5 попечительствами, имѣвшими столовыя, отпущено 230,000 обѣдовъ, отпускался и чай, а въ столовой 1-го Сущевскаго попечительства—ужины.

Попечительства не отказываются и отъ просвѣтительной дѣятельности, но широко поставить ее сумѣло только Пречистенское попечительство, пришедшее къ заключенія, что «просвѣтительная дѣятельность стоитъ въ тѣсной связи со всею дѣятельностью попечительствъ и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ ея, такъ какъ обученіе является однимъ изъ могущественныхъ орудій предупредительной благотворительности». Въ 1895 году Пречистенскимъ попечительствомъ была открыта школа, въ которой въ 1901 году было 80 учащихся. Въ 1896 году были устроены воскресные классы для взрослыхъ женщинъ, а позднѣе—вечерніе курсы для рабочихъ.

Въ 1899 году эти курсы посѣщались 320 слушателями, а воскресные классы имѣли 200 ученицъ. При школѣ и курсахъ была учреждена библіотека. При нѣкоторыхъ другихъ попечительствахъ, при чемъ примѣръ

---

[1]) «Извѣстія Моск. Гор. Думы». 1903 г. Іюнь—Іюль. №№ 11 и 13.

показало 1-е Хамовническое, были устроены учебно-ремесленныя мастерскія и швейныя мастерскія для взрослыхъ женщинъ. За послѣдніе годы многія попечительства обзавелись собственными домами, пріютами и богадѣльнями.

Сознавая, что пріюты, богадѣльни и пособія не могутъ оказывать серьезную поддержку нуждающемуся населенію, облегчая борьбу за существованіе только тѣмъ, кто уже окончательно палъ въ ней, многія попечительства обратили вниманіе на вопіющую жилищную нужду, на ужасныя квартирныя условія бѣдноты. Первой попыткой бороться съ жилищной нуждой, произведенной Лефортовскимъ и Пятницкимъ попечительствами въ началѣ ихъ дѣятельности, была выдача пособій бѣднымъ на оплату ихъ «коекъ» и «угловъ». Затѣмъ явилась мысль объ устройствѣ попечительствами собственныхъ коечныхъ и каморочныхъ квартиръ, во-первыхъ, безплатныхъ или дешевыхъ, во-вторыхъ болѣе гигіеничныхъ, чѣмъ тѣ ужасающія, сырыя и мрачныя логовища, въ которыхъ ютятся городскіе низы. Въ 1895 году открыло коечную квартиру Арбатское попечительство, за нимъ послѣдовали и другія; въ 1898 году коечныхъ квартиръ при попечительствахъ было уже 8 съ 175 призрѣваемыми. Въ 1899 году Якиманское попечительство открыло каморочную квартиру для семейныхъ, а въ 1901 году такихъ коечно-каморочныхъ квартиръ при различныхъ попечительствахъ было уже 10. Несмотря на интенсивную дѣятельность попечительствъ, не нужно доказывать, что вся работа ихъ—капля въ морѣ городской нужды.

Тѣмъ не менѣе отрицательное отношеніе къ этой «каплѣ» было бы несправедливо, — лучше капля, чѣмъ ничего, и пока у городского управленія недостанетъ силъ и доброй воли, чтобы энергично бороться съ дороговизной продуктовъ, съ жилищной нуждой, съ темнотой и болѣзнями «дна Москвы», до тѣхъ поръ попечительства — необходимый палліативъ.

За послѣднее десятилѣтіе основной тенденціей въ дѣятельности московскаго городского управленія является расширеніе городскихъ предпріятій и увеличеніе расходовъ на культурныя цѣли. Разсматривая и сравнивая расходы городского управленія за 1900, 1901 и т. д. годы, мы замѣчаемъ, что при ежедневномъ увеличеніи общей бюджетной цифры обязательные расходы, непроизводительно обременяющіе муниципальный бюджетъ, растутъ значительно медленнѣе; такимъ образомъ, несмотря на растущія и все усложняющіяся потребности громаднаго городского хозяйства, замѣчается увеличеніе расходовъ на врачебно-санитарную часть, на народное образованіе, на общественное призрѣніе. Какъ показываетъ приводимая ниже таблица, за промежутокъ 1900 — 1909 годовъ расходы на врачебно-санитарныя надобности выросли въ $2\frac{1}{2}$ раза, тоже на народное образованіе, удвоились — на общественное призрѣніе и поднялись на 20% расходы на городское благоустройство, входящее постепенно въ норму и перестающее поглощать громадныя дозы городскихъ доходовъ. Обязательные же расходы возросли за этотъ періодъ меньше чѣмъ на 20%.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Брестскій вокзалъ. 1911 г.

Расходы:

	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909
	Въ тысячахъ рублей.									
Врач.-санитарная. . . .	2036	2248	2478	2776	2884	3844	3834	4323	4681	4947
Нар. образованіе. . . .	1169	1308	1409	1521	1656	1904	2094	2250	2538	2769
Общ. призрѣніе	612	732	792	866	954	1091	1272	1306	1452	1489
Благоустройство	1601	1866	1838	1819	1742	1986	1895	1685	1873	1947
Обяз. расходы	2179	2153	2212	2238	2304	2294	2399	2464	2630	2693

Несмотря на поражающій ростъ городского хозяйства Москвы, на его огромный бюджетъ, достигающій въ послѣдніе годы размѣровъ государственнаго бюджета Болгаріи, перспективы будущаго, если, конечно, останется въ силѣ настоящее Городовое Положеніе, для московскаго городского хозяйства довольно безрадостны. Городскіе налоги доведены до предѣльныхъ, допускаемыхъ закономъ нормъ, оклады ихъ не повышаются. Ростъ ихъ, такимъ образомъ, находится въ зависимости только отъ такихъ неустойчивыхъ и ненадежныхъ факторовъ, какъ естественный ростъ города, увеличеніе населенія, развитія строительной дѣятельности, увеличенія торговыхъ оборотовъ, новыхъ промышленныхъ заведеній и т. п.

При налаженномъ ходѣ городской жизни, при нормальныхъ условіяхъ муниципальной дѣятельности, одного бы естественнаго роста доходовъ, обусловливаемаго ростомъ самого города, вполнѣ хватало бы для удовлетворенія насущныхъ городскихъ потребностей. Москва, однако, находится въ иныхъ условіяхъ, и въ ея городскомъ хозяйствѣ есть рядъ обширныхъ сторонъ, требующихъ удовлетворенія и, слѣдовательно, связанныхъ съ этимъ крупныхъ затратъ. Не завершено благоустройство города: многія части его не замощены и мостовыя — очень невысокаго качества, сдѣланы изъ дешеваго матеріала, недолговѣчны и негигіеничны; не достигнута общедоступность медицинской помощи, что, при сравнительно малой зажиточности населенія, представляется совершенно необходимымъ; санитарное состояніе города, хотя и образцовое среди русскихъ городовъ, еще далеко отъ идеала; многія городскія училища ютятся въ наемныхъ помѣщеніяхъ, плохо приспособленныхъ и дорогихъ; квартирная нужда малосостоятельнаго населенія, въ самой незначительной степени удовлетворяемая благотворительными учрежденіями, въ родѣ Солодовниковскихъ домовъ дешевыхъ квартиръ, требуетъ вмѣшательства городского управленія въ жилищный вопросъ. Одно перечисленіе подобныхъ, совершенно неотложныхъ нуждъ заняло бы нѣсколько страницъ!

Растутъ рессурсы города, но въ болѣе сильной прогрессіи растутъ и городскія нужды. Смѣта 1911 года сведена въ суммѣ 36,876,661 р. 14 к., болѣе смѣты 1910 г. на 2,632,298 р., т.-е. на 7,7%.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

Интересно сравнить суммы доходовъ той и другой смѣты по отдѣламъ [1]).

Доходы.

	1910 г.	1911 г.	Увеличеніе въ %.
Городскіе сборы и пошлины .	10.328 т. р.	10.710 т. р.	3,7
Городскія предпріятія	2.335 т. р.	2.833 т. р.	21,3
Гор. имущ. и оброчныя статьи .	1.875 т. р.	2.084 т. р.	11,1
Поступл. въ возвратъ расход.	2.109 т. р.	2.182 т. р.	3,5
Прочіе	596 т. р.	669 т. р.	12,1

Изученіе этихъ цифръ позволяетъ сдѣлать нѣсколько интересныхъ выводовъ относительно характера доходовъ московскаго городского управленія и намѣчающихся дальнѣйшихъ перспективъ. Хотя главную подавляющую часть городскихъ доходовъ составляютъ городскіе сборы и пошлины, но ихъ ежегодное увеличеніе очень незначительно: 382 т. р., или 3,7%; между тѣмъ, увеличеніе доходовъ отъ городскихъ предпріятій, равняясь 498 т. р., составляетъ уже 21,3%, увеличеніе дохода отъ городскихъ имуществъ и оброчныхъ статей равняется 269 т. р., или 11,1%; такимъ образомъ, если дальнѣйшіе годы не измѣнятъ рѣзко характера доходныхъ поступленій Москвы, то самымъ надежнымъ и прочнымъ источникомъ городского дохода должны явиться именно городскія предпріятія. Постоянный ростъ ихъ прибылей дѣлаетъ муниципальныя предпріятія все болѣе замѣтнымъ факторомъ въ московскомъ городскомъ хозяйствѣ. До сихъ поръ «золотымъ дномъ» и «дойной коровой» городского управленія былъ трамвай, отъ котораго дѣйствительныя поступленія регулярно превышали смѣтныя предположенія и только въ послѣдніе мѣсяцы 1912-го года перестающій оправдывать возлагавшіяся на него надежды. О ростѣ прибылей городскихъ предпріятій даетъ наглядное представленіе слѣдующая небольшая таблица:

Ростъ прибылей городскихъ предпріятій.

	Дѣйствит. поступленія 1909 года.	Смѣта 1910 года.	Смѣта 1911 года.
Трамвай.	1.714 т. р.	1.980 т. р.	2.224 т. р.
Газовый заводъ	123 т. р.	204 т. р.	281 т. р.
Водопроводъ.	104 т. р.	63 т. р.	164 т. р.
Бойни.	40 т. р.	62 т. р.	115 т. р.
Хозяйств. предпріятія. . . .	45 т. р.	25 т. р.	48 т. р.

[1]) «Извѣстія Моск. Гор. Думы», 1911 г. № 11.

Городскія предпріятія, дающія такую значительную прибыль, ведутся въ широкомъ масштабѣ и могутъ быть сравниваемы только съ самыми крупными частными промышленными заведеніями. Валовой доходъ трамвая на 1911 годъ исчисленъ въ суммѣ 9.531,000 р., на 506,000 р. больше предыдущаго года. Расходъ опредѣленъ въ 7.984 т. р. Разсматривая городской трамвай какъ самостоятельное предпріятіе, городское управленіе облагаетъ его розными сборами; между прочимъ изъ суммъ трамвая около 50,000 р. идетъ ежегодно на уличное освѣщеніе, на очистку улицъ, по которымъ проходятъ линіи трамвая. Московскій трамвай, несмотря на громадное протяженіе его сѣти, нельзя разсматривать какъ законченное, прочно установленное предпріятіе.

Каждый строительный сезонъ приноситъ нѣсколько новыхъ линій и послѣднимъ значительнымъ увеличеніемъ его былъ выкупъ въ 1911 году бельгійской конки, переведенной теперь на электрическую тягу. На очереди стоитъ рядъ новыхъ линій, главнымъ образомъ соединяющихъ разбросанные московскіе пригороды съ центромъ города.

Кромѣ перечисленныхъ выше городскихъ предпріятій, заслуживаетъ вниманія постановка такихъ отраслей городского хозяйства, какъ канализація и ломбардъ. Представляя муниципальныя мѣропріятія, необходимыя въ интересахъ городского населенія и благоустройства, они являются и источниками дохода для города, хотя до сихъ поръ, вслѣдствіе расширенія предпріятія и покрытія займовъ и убытковъ, не приносятъ прибыли.

Канализація, охватившая до сихъ поръ еще далеко не весь городъ и намѣченная къ значительному расширенію, разсматривается городскимъ управленіемъ, какъ предпріятіе отдѣльное отъ общаго городского хозяйства, какъ общее предпріятіе всѣхъ домовладѣльцевъ, чьи владѣнія пріобщены къ канализаціонной сѣти, находящейся только въ распоряженіи города. Такимъ образомъ канализація по теоретическому расчету не должна давать городу прибыли, поступающей въ городскіе доходы; получаемая же прибыль идетъ на погашеніе дефицитовъ прежнихъ лѣтъ, на уплату по займамъ, а возможный остатокъ ея отчисляется въ особый фондъ, наличность котораго способствуетъ удешевленію платы за пользованіе канализаціей. На подобныхъ основаніяхъ учрежденъ и городской ломбардъ. Его прибыль, уже погасивъ лежавшій на предпріятіи дефицитъ, отчисляется въ фондъ, часть котораго должна итти на облегченіе условій пользованія ссудами.

По смѣтѣ 1911 года доходы водопровода исчислены въ 2.965 т. р., больше противъ 1910 года на 193 т. р., т.-е. на 7%. Доходы городского газоваго завода исчислены въ 1.750 т. р., больше на 42, 7%. Изъ другихъ предпріятій города, объединенныхъ въ приведенной выше таблицѣ «Роста прибылей городскихъ предпріятій» подъ общимъ названіемъ «хозяйственныхъ предпріятій», укажемъ на городскую типографію, ассенизаціонный обозъ, прачечную и хлѣбопекарню. Ихъ назначеніе — обслуживать преимущественно всѣ многочисленныя городскія учрежденія, поэтому необходимо ихъ отдѣленіе отъ разсмотрѣнныхъ выше предпріятій «доход-

наго типа». Валовой доходъ подобныхъ хозяйственныхъ предпріятій на 1911 годъ исчисленъ въ 766 т. р., расходы — въ 710 т. р. и прибыль равняется 48 т. р.

Но эта скромная для общей цифры городского бюджета цифра не исчерпываетъ выгодъ, получаемыхъ московскимъ городскимъ управленіемъ отъ своихъ хозяйственныхъ предпріятій: они доставляютъ продукты и исполняютъ работы для городскихъ учрежденій по цѣнамъ значительно ниже рыночныхъ. «Такъ, напримѣръ, произведенное раньше Городской Управой изслѣдованіе показало, что одна хлѣбопекарня доставляетъ городу денежной выгоды свыше 40 т. р. въ годъ» [1]).

Чтобы наглядно представить себѣ колоссальные размѣры московскаго городского хозяйства, интересно ознакомиться съ нѣкоторыми поучительными цифрами дохода. Сборъ съ лошадей, экипажей и собакъ исчисленъ на 1911 годъ въ суммѣ 310 т. р.,—суммѣ, представляющей для многихъ русскихъ городовъ завидную цифру годовыхъ доходовъ!

Въ томъ же году по смѣтѣ исчислено дохода отъ городскихъ изданій 268 т. р.; имѣющаяся у города монополія по изданію домовыхъ книгъ, адресныхъ листковъ и т. п. печатныхъ бланковъ является очень выгодной коммерческой операціей. Валовой доходъ отъ нея исчисленъ на 1911 годъ въ 224 т. р., расходъ—въ 37 т. р. и чистая прибыль такимъ образомъ 187 т. р.

Для полной картины городского хозяйства Москвы разсмотримъ и его расходы, исчисленные по смѣтѣ 1911 года. Доходы свидѣтельствуютъ о состояніи городского хозяйства, о внѣшнихъ рессурсахъ его дѣятельности, расходы говорятъ о характерѣ и направленіи его работы.

Съ этой стороны расходная смѣта не менѣе поучительна, чѣмъ доходная. Прежде всего, обязательные расходы, тяжелой ношей лежащіе на городскомъ бюджетѣ, но къ счастью за послѣдніе годы не проявляющіе особенной тенденціи къ возрастанію. При общей суммѣ ихъ, опредѣленной на 1911 годъ въ 3.309,000 р., увеличеніе въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ равняется всего — 54 т. р. Изъ общей суммы обязательныхъ расходовъ отдѣльныя отрасли распредѣляются въ такомъ порядкѣ:

Полиція	1.611 т. р.
Воинская квартирная повинность	467 т. р.
Содержаніе пожарной команды.	412 т. р.
Жандармскій дивизіонъ	154 т. р.
Судебно-мировыя учрежденія.	439 т. р.

Изъ всѣхъ обязательныхъ расходовъ съ точки зрѣнія интересовъ муниципальнаго хозяйства только содержаніе пожарной команды должно быть дѣйствительно возложено на мѣстные доходы. Всѣ же правительственные органы, обслуживающіе порядокъ и внѣшнюю безопасность государства, должны быть отнесены за счетъ общегосударственнаго бюджета, потому что казна, взимающая съ населенія значительные сборы, должна

[1]) «Извѣстія Моск. Гор. Думы» 1911 г. № 1.

Купеческій клубъ на Малой Дмитровкѣ.

тѣмъ самымъ брать на себя всѣ свои расходы. Только муниципальная полиція, находящаяся въ вѣдѣніи городского управленія, можетъ быть содержима на мѣстныя средства. Но у насъ въ Россіи самый вопросъ о муниципальной городской стражѣ, давно осуществленный почти всюду на Западѣ, кажется крамольнымъ посягательствомъ на прерогативы правительственной власти!

На уплату городскихъ долговъ было ассигновано въ 1911 году 6.955 т. р., болѣе въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ на 1.269 т. р., т.-е. на 22, 3%; крупные размѣры этой суммы теряютъ свой устрашающій характеръ, если вспомнить, что большая часть сдѣланныхъ Москвой займовъ пошла на производительныя траты,—на городскія предпріятія, которыя черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ съ избыткомъ окупятъ свою стоимость. Совсѣмъ недавно городомъ заключенъ еще одинъ займъ на сумму 36 милліоновъ, но значительная часть его предназначена на расходы по расширенію трамвайной сѣти, на пріобщеніе нѣкоторыхъ частей города къ канализаціи и на прочія городскія предпріятія.

По смѣтѣ 1911 года на народное образованіе было ассигновано 3.704 т. р., болѣе предыдущаго года на 390 т. р. или на 11,8%; изъ этой внушительной суммы—2.727 т. р. идетъ на содержаніе народныхъ училищъ, въ томъ числѣ на открытіе новыхъ училищъ и четвертыхъ классовъ ассигновано— 106 т. р.; на содержаніе общеобразовательныхъ училищъ повышеннаго типа 5- и 4-классныхъ, дополнительныхъ, вечернихъ и воскресныхъ классовъ — расходъ опредѣленъ въ суммѣ 161 т. р. Расходъ на содержаніе профессіональныхъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній исчисленъ въ суммѣ 382 т. р.; на библіотеки и безплатныя читальни—46 т. р.; на третьяковскую галлерею, пособія музеямъ, ученымъ обществамъ и учрежденіямъ — 61 т. р.; на городской народный домъ — 55 т. р.

Хотя ассигнуемыя московскимъ городскимъ управленіемъ на народное образованіе суммы и не могутъ удовлетворить всѣхъ потребностей и выдвигаемыхъ жизнью въ этой области задачъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что просвѣтительная дѣятельность была всегда одной изъ самыхъ серьезныхъ задачъ московскаго самоуправленія. Здѣсь впервые въ Россіи заговорили о всеобщемъ обученіи, впервые и постарались осуществить на дѣлѣ эту важную культурную задачу. Ни одно просвѣтительное учрежденіе не находитъ себѣ отказа въ матеріальной поддержкѣ городского управленія. Нигдѣ въ Россіи нѣтъ такой серьезной и культурной постановки школьнаго дѣла какъ въ Москвѣ, гдѣ въ просвѣтительной работѣ городского управленія принимаютъ участіе лучшія педагогическія силы.

Нормальной постановкой дѣла врачебной помощи московское городское управленіе во многомъ обязано щедрымъ купеческимъ пожертвованіямъ на сооруженіе и содержаніе больницъ, значительно сокращающимъ ассигновки на больничное дѣло изъ городскихъ средствъ.

Московскія больницы, главнымъ образомъ сооруженныя въ послѣднія десятилѣтія, являются образцовыми для всей Россіи. Строющаяся теперь

на Ходынскомъ полѣ больница имени К. Т. Солдатенкова оборудована согласно со всѣми требованіями науки и гигіены, со всѣми новѣйшими усовершенствованіями больничнаго дѣла. Темнымъ пятномъ въ организаціи медицинской помощи населенію является до сихъ поръ существующій «больничный сборъ», главнымъ образомъ падающій на наименѣе состоятельные слои населенія, но пока необходимый, ввиду скудости городской кассы.

Отмѣна его должна стать одной изъ ближайшихъ задачъ московскаго городского управленія.

По смѣтѣ 1911 года всего на дѣло медицинской помощи ассигновано 5,013 т. р. съ превышеніемъ противъ 1910 года на 157 т. р., т.-е. на 3,2%, на содержаніе больницъ — 4,104 т. р., на амбулаторіи — 226 т. р. Между прочимъ въ 1911 г. впервые были внесены въ смѣту 3,000 рублей на раздачу молока для больныхъ и истощенныхъ дѣтей. На санитарную и ветеринарную часть ассигновано — 363 т. р.; на общественное призрѣніе 2.456 т. р., болѣе предыдущаго года на 224 т. р., т.-е. на 10%; расходы города на общественное призрѣніе въ значительной долѣ облегчаются процентами со спеціальныхъ капиталовъ и другихъ спеціальныхъ средствъ. Въ 1911 году изъ общей смѣты — 2,456 т. р., 1,431 т. р. покрывались изъ этихъ пожертвованныхъ суммъ.

Въ Москвѣ имѣется 6 городскихъ ночлежныхъ домовъ. Изъ нихъ 3 являются платными и окупаются. Такъ, напримѣръ, доходъ Ермаковскаго дома на Калачевской площади, самаго благоустроеннаго и чистаго изъ всѣхъ московскихъ «ночлежекъ», исчисленъ въ суммѣ 71 т. р.,—расходъ — 69 т. р.,—прибыль 2,000 рублей. Необходимость ночлежекъ для бездомовнаго люда и желаніе избавить Москву отъ ужасающей антигигіеничности частныхъ ночлежекъ, расположенныхъ въ районѣ Хитрова рынка, породило проектъ устройства на Хитровомъ рынкѣ громаднаго ночлежнаго дома, устроеннаго по возможности гигіенично и удобно. Съ осуществленіемъ этого, пока разрабатывающагося только, проекта Москва сможетъ «гордиться» величайшимъ въ мірѣ ночлежнымъ домомъ!

Изъ прочихъ расходовъ на благотворительныя цѣли видное мѣсто занимаетъ пособіе городскимъ попечительствамъ о бѣдныхъ, опредѣленное въ 1911 году въ 160 т. р., и работный домъ, «чистый расходъ» котораго доходитъ до 150 т. р. На содержаніе городского управленія по смѣтѣ 1911 года ассигновано 1,475 т. р.

При ограниченности городского бюджета въ сравненіи съ потребностями громаднаго города муниципалитету приходится распредѣлять потребности на болѣе и менѣе насущныя и по возможности урѣзывать вторыя. Москва при сравненіи съ западно-европейскими городами даже болѣе скромныхъ размѣровъ, при сравненіи съ Петербургомъ, Ригой, Варшавой—непріятно поражаетъ отсутствіемъ наружнаго благоустройства: кривыми и узкими улицами, невозможными мостовыми, а во многихъ мѣстахъ по окраинамъ—и полнымъ отсутствіемъ ихъ, убогимъ видомъ общественныхъ зданій. Незначительность средствъ, отпускаемыхъ на наружное благоустройство, вредно отражается не только на эстетикѣ города—гдѣ ужъ

при бѣдности думать о красотѣ!—грязныя мостовыя, пыль, долго не просыхающія лужи, грохотъ отъ неровности мостовыхъ—все это увеличиваетъ количество заразныхъ и нервныхъ заболѣваній. Связь между состояніемъ мостовыхъ и распространеніемъ туберкулезной заразы—очевидна.

Расходы на внѣшнее благоустройство почти не растутъ. Въ пятилѣтіе 1901 — 1905 годовъ въ среднемъ на наружное благоустройство Москвы расходовалось 1,850 т. р. въ годъ, въ слѣдущее 5-лѣтіе—1906—1910 гг.— 1,852 т. р. По смѣтѣ 1912 года, отчасти въ связи съ предстоящими юбилейными празднествами, ассигновано больше—до 2 милліоновъ рублей [1]) Это составляетъ меньше 10% городского бюджета. По смѣтѣ 1911 года на ремонтъ и содержаніе мостовыхъ, тротуаровъ и набережныхъ ассигновано — 754 т. р.; при громадной территоріи, занимаемой Москвой, эта сумма является очень незначительной. Только за послѣдніе годы, отчасти за счетъ городского трамвая, замащиваются брусчаткой, асфальтомъ и торцомъ главныя улицы центра города. Вмѣстѣ съ тѣмъ городскимъ управленіемъ возбуждено ходатайство объ установленіи на основаніи закона 2-го марта 1910 года особаго попуднаго сбора въ пользу города съ грузовъ, привозимыхъ въ Москву и отправляемыхъ изъ нея по желѣзнымъ дорогамъ. Попудный сборъ, устанавливаемый на десятилѣтній срокъ, по расчетамъ городского управленія, долженъ принести въ городскую кассу ежегодно около 1,900 т. р., которыя по закону городъ имѣетъ право тратить только «на устройство и улучшеніе подъѣздныхъ къ желѣзнодорожнымъ станціямъ путей... а именно: на замощеніе, шоссированіе и капитальный ремонтъ означенныхъ путей, а равно на устройство и капитальный ремонтъ мостовъ...» Изъ получающихся 19,000,000 р. городъ предполагаетъ 13 милл. рублей истратить на устройство усовершенствованныхъ мостовыхъ по магистралямъ, соединяющимъ торговый центръ—Китай-городъ съ товарными станціями желѣзныхъ дорогъ и по всему кольцу Садовыхъ. Остальные 6 милліоновъ предназначены на устройство водостоковъ вдоль перемащиваемыхъ улицъ, на уширеніе и укрѣпленіе мостовъ. Попудный сборъ оказалъ бы несомнѣнную поддержку городу, но къ сожалѣнію оппозиція биржевого комитета и промышленныхъ организацій препятствуетъ осуществленію его!

Въ ближайшемъ будущемъ неукротимыя требованія жизни скажутся еще настойчивѣе и передъ московскимъ городскимъ управленіемъ встанетъ рядъ крупныхъ задачъ, отъ которыхъ нельзя будетъ отдѣлаться отмалчиваніемъ: финансовыя реформы, переоцѣнка городскихъ недвижимостей, такъ какъ теперь городской оцѣночный сборъ исчисляется по доходности 1900 года, постройка школьныхъ зданій, благоустройство города, борьба съ дороговизной и жилищной нуждой и т. д. Все настойчивѣе и настойчивѣе раздаются голоса, требующіе коренного пересмотра всей финансовой системы городского хозяйства, считающіе, что иными средствами нельзя исправить пробѣлы и недостатки московскаго городского хозяйства. Го-

[1]) «Р. Вѣдомости», 1912 г. № 120.

родъ безмѣрно выросъ, сталъ одной изъ столицъ міра и нужно полное переустройство муниципальной организаціи. Но невозможность приступа къ кореннымъ реформамъ объясняется въ значительной степени настоящимъ составомъ Городской Думы, въ зависимости отъ взглядовъ котораго находится и управа. Московская Дума дѣлится на двѣ почти равныя партіи—«управцевъ» и «прогрессистовъ». Это равенство силъ и вызываемая имъ неустойчивость политики дѣлаютъ невозможными смѣлыя начинанія и безповоротные шаги. Только прочное большинство въ Думѣ можетъ направить городское хозяйство въ новое русло. Пока же составъ Московской Думы будетъ дѣлиться на двѣ почти равныхъ по силамъ группы, парализуя взаимно проведеніе въ жизнь широкихъ муниципальныхъ идеаловъ, паллiативы и половинчатыя рѣшенія будутъ тормозить путь къ прогрессу...

Московское старообрядчество.

А. С. Проворихина.

Обзоръ Москвы и всего внесеннаго ею въ русскую жизнь на протяженіи XIX вѣка будетъ неполонъ, если мы не отмѣтимъ того значенія, которое имѣла она въ исторіи русскаго старообрядчества. Москва издавна была идейнымъ и организаціоннымъ центромъ его, иногда только въ періоды усиленныхъ гоненій уступая мѣсто далекимъ захолустьямъ сѣвера и Поморья, куда не такъ легко проникало надзирающее око и карающая десница администраціи. Исторія жизни московскаго старообрядчества за послѣдніе полтора вѣка развертываетъ поразительную картину всевозможныхъ ухищреній, подкуповъ и колоссальной энергіи, требовавшихся цѣлымъ поколѣніямъ русскихъ гражданъ для сохраненія неприкосновенности своихъ религіозныхъ убѣжденій. Наконецъ, многочисленные общественные и торгово-промышленные дѣятели Москвы принадлежатъ къ различнымъ толкамъ старообрядчества, изъ нѣдръ котораго вышелъ рядъ именитыхъ купеческихъ родовъ...

Исторія московскаго старообрядчества, имѣвшая такое большое вліяніе на исторію всего русскаго раскола, развивалась въ двухъ центрахъ старообрядческой жизни Москвы — на Преображенскомъ и Рогожскомъ кладбищахъ. На первомъ утвердилась секта безпоповцевъ, а на второмъ поповцевъ.

Послѣ смерти Петра Великаго, какъ и при его жизни, на старообрядцевъ, особенно безпоповцевъ, продолжались жестокія гоненія, центромъ которыхъ, по старой памяти, являлась Москва. Въ результатѣ всѣхъ продолжительныхъ гоненій, перенесенныхъ «старой вѣрой», къ началу цар-

ствованія Анны Іоанновны въ Москвѣ едва насчитывалось до десяти семействъ старообрядцевъ, находившихся въ крайнѣ стѣсненномъ и униженномъ положеніи: они не имѣли права появляться на людныхъ улицахъ города и близъ кремлевскихъ стѣнъ; больше того—правительство, стараясь и внѣшнимъ образомъ отличить ихъ отъ православныхъ, приказывало имъ нашивать на верхнюю одежду «козыри» изъ желтаго сукна; въ результатѣ всѣхъ этихъ позорныхъ мѣропріятій въ народѣ о старообрядцахъ получали распространеніе самые нелѣпые слухи и навѣты: «жутко жить подлѣ безпоповца—онъ не крещенъ; претитъ душѣ съ нимъ знаться» [1]). Ограничительные законы, названные выше, примѣнялись ко всѣмъ старообрядцамъ безъ исключенія: правительство плохо было освѣдомлено относительно различныхъ старообрядческихъ толковъ и не дѣлало различія между поповцами и безпоповцами.

Тяжелая участь преслѣдуемыхъ за свою вѣру старообрядцевъ была нѣсколько смягчена въ царствованіе Петра III; вообще во вторую половину XVIII вѣка положеніе старообрядчества нѣсколько улучшается, отчасти благодаря нѣкоторому облегченію правительственнаго гнета, не прибѣгающаго къ драконовскимъ мѣрамъ, отчасти благодаря ловкому и дорого стоющему старообрядцамъ обходу законовъ и попустительству подкупленной московской администраціи.

Облегченіе старообрядческой доли въ непродолжительное царствованіе Петра III выразилось въ указѣ: «Никакого въ содержаніе закона по ихъ обыкновенію возбраненія не чинить, ибо во Всероссійской его Императорскаго Величества имперіи и иновѣрцы яко магометане и идолопоклонники состоятъ, а тѣ раскольники христіане, точію во единомъ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они бѣгая заграницу въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно, и для того Его Императорское Высочество указать соизволили о томъ сенату обстоятельное учрежденіе предложить къ Высочайшей апробаціи» [2]).

Несмотря на казалось бы безспорную истину, положенную въ основу указа Петра III, что нелѣпо и преступно преслѣдовать христіанъ-старообрядцевъ, признавая свободу исповѣданія для магометанъ и язычниковъ, она воплотилась въ жизнь только въ 1905 году. Небольшія льготы старообрядцамъ дала Екатерина II, позволившая въ 1762 году бѣжавшимъ въ Австрію вернуться на родину и поселиться на порожнихъ земляхъ Саратовской губерніи.

Сильные упорствомъ, спаянные преслѣдованіями, сплоченные въ одну могучую группу, взаимно поддерживающую другъ друга и матеріально, и духовно, московскіе старообрядцы развиваютъ колоссальную энергію и настойчивость, создавая свои религіозные и благотворительные центры, находящіеся тоже подъ запретомъ.

Въ серединѣ XVIII вѣка, повидимому, — такъ какъ исторія старообрядчества, особенно XVIII вѣка, покрыта пока мракомъ, въ виду

[1]) Кельсіевъ. Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ, ч. I.
[2]) Полное собраніе свода законовъ Россійской Имперіи, т. XV, № 2—205.

Арх. П. Е. Бондаренко. Старообрядческая церковь въ Токмаковомъ переулкѣ. 1909 г.

скрытности самихъ старообрядцевъ и тенденціозной извращенности официальныхъ документовъ и данныхъ, зарождаются въ Москвѣ первыя организованныя ячейки старообрядцевъ. Райономъ ихъ дѣйствія является восточная часть Москвы, — теперешняя Лефортовская и Рогожская части, Преображенское и окружающія мѣста. Здѣсь, вдали отъ городского центра и официальной жизни, зарождалась таинственно другая жизнь, скрыто пламенная, напряженная, самобытно русская. Подъ скромной захолустной внѣшностью тихой окраины Москвы крылись упорные споры, радость общенія преслѣдуемыхъ людей, чистое горѣніе служащихъ Богу вопреки всѣмъ запрещеніямъ и гоненіямъ душъ!

Немногочисленная секта безпоповцевъ основалась на берегу Яузы близъ Хапиловскаго пруда; съ величайшими предосторожностями собирались они по ночамъ на общія молитвы и по преданію, едва ли достовѣрному, крестили своихъ новорожденныхъ въ Хапиловскомъ прудѣ. Екатерина II дала имъ кое-какія гражданскія права, дозволивъ безпрепятственно совершать богослуженія. Позорные «козыри» съ одеждъ также были сняты и отверженность старообрядцевъ отъ общества начала исчезать. Вмѣстѣ съ тѣмъ старообрядцы, разогнанные жестокими преслѣдованіями въ непривѣтливое Поморье и на другія окраины Россіи, между прочимъ и къ Австрійской границѣ, мало-по-малу вновь стали стягиваться къ Москвѣ.

Заселяя Москву, закаленные судьбой и энергичные старообрядцы много способствовали ея экономическому подъему. Ихъ предпріимчивость, практическая сметка, воспитанная въ житейскихъ буряхъ, тѣсная сплоченность и групповая поддержка скоро выдвигаютъ старообрядцевъ въ первые ряды московскаго купечества. Въ первую половину XIX вѣка всѣ почти крупнѣйшія торговыя и промышленныя фирмы Москвы находятся въ рукахъ старообрядцевъ. Морозовы, Гучковы, Рахмановы, Шелапутины, Рябушинскіе, Кузнецовы, Горбуновы и многіе другіе московскіе милліонеры принадлежатъ къ старообрядцамъ.

Переселившіеся въ Москву изъ сѣверныхъ губерній—Архангельской, Ярославской, Тверской и др., старообрядцы приносили съ собой «безпоповщину» Ѳедосѣевскаго толка, который получилъ распространеніе въ тѣхъ мѣстахъ. Старообрядцы держались особнякомъ отъ «православныхъ господствующей вѣры» и скоро образовали въ Москвѣ, на началахъ внутренняго самоуправленія, тѣсно спаянную организацію. Прочная организація способствовала строгому соблюденію устава, который у московскихъ старообрядцевъ конца XVIII вѣка больше склонялся къ поморскому толку.

Основателемъ первой крѣпкой общины въ концѣ XVIII вѣка явился среди безпоповцевъ московскій купецъ Илья Алексѣевичъ Ковылинъ, имѣвшій близъ Хапиловскаго пруда свои заводы, и Зенковъ, въ домѣ котораго была устроена молельня. Заслуги Ковылина передъ старообрядчествомъ громадны. Энергичный, находчивый, обладающій крупнымъ состояніемъ и полезными связями въ средѣ московской администраціи—онъ сплотилъ безпоповцевъ и создалъ рядъ благотворительныхъ и просвѣти-

тѣльныхъ учрежденій, развивавшихся при благосклонномъ попустительствѣ начальства.

Крупную услугу старообрядцамъ оказалъ тревожный и несчастный для Москвы 1771-й годъ. Москву посѣтила страшная эпидемія чумы; подвозъ продуктовъ изъ окрестностей прекратился и наступилъ голодъ; растерявшееся среди всеобщей паники начальство, не имѣя силъ водворить порядокъ и справиться съ все растущей эпидеміей, охотно прибѣгало къ общественному содѣйствію и частной помощи. Этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ воспользовался Ковылинъ и подалъ прошеніе объ устройствѣ частнаго карантина близъ Преображенской заставы, гдѣ безпоповцы хоронили своихъ умершихъ. Растерянная администрація поспѣшила согласиться и охотно разрѣшила. Мѣсто для устройства карантина было арендовано у крестьянъ села Черкизова; раскинуты были, за неимѣніемъ домовъ, палатки и устроенъ санитарный пунктъ. Старообрядцы самоотверженно, не боясь заразы, ухаживали за чумными, проповѣдуя имъ о близкомъ второмъ пришествіи и концѣ свѣта, котораго всѣ старообрядческіе толки ожидали ежегодно и теперь, видя «какъ изливается на нечестивцевъ гнѣвъ Божій», твердо вѣрили, что наступили дни послѣднихъ испытаній...

«Частный карантинъ» обогатился взносами, при чемъ многіе жертвовали ему все свое имущество, и по окончаніи эпидеміи остался существовать въ качествѣ благотворительнаго учрежденія. Такъ осуществилась завѣтная мечта московскихъ старообрядцевъ-безпоповцевъ объ общежитіи и было положено основаніе донынѣ существующему Преображенскому кладбищу.

На собранныя большія средства на мѣстѣ старыхъ палатокъ и бѣдныхъ хижинъ вскорѣ устроена была сначала каменная трапезная, а потомъ молельня, сиротскій домъ и общежитія, а также дома частныхъ владѣльцевъ, пожелавшихъ остаться послѣ чумы въ Ѳедосѣевской общинѣ.

Молельня первоначально была устроена въ видѣ четвероугольной высокой избы съ осьмиконечнымъ крестомъ на крышѣ, оба общежитія: мужское и женское, окружены были высокими каменными стѣнами съ башнями по угламъ; внутри общины главный ея распорядитель, купецъ Ковылинъ, установилъ строгій порядокъ, которому подчинялись всѣ живущіе. Стараясь по возможности придать своей общинѣ монастырскій характеръ, Ковылинъ изобрѣлъ для живущихъ тамъ особые костюмы: женщины носили черные сарафаны, а мужчины кафтаны, обшитые чернымъ сукномъ.

Чтобы община могла сохраниться прочнѣе, на будущее время рѣшено было принять общій уставъ одного изъ безпоповщинскихъ толковъ; хотя новооснованная община тяготѣла больше къ Ѳедосѣевскому согласію, Ковылинъ отправился сначала къ поморцамъ и, заимствовавъ у нихъ нѣкоторыя полезныя для московской общины положенія, отвергъ ихъ уставъ въ главномъ. Церковные изслѣдователи старообрядчества увѣряютъ, что уставъ поморцевъ не былъ принятъ Ковылинымъ, потому что тѣ: 1) употребляли пищу не очищенную отъ прикосновенія никоніанцевъ и 2) молились за

царя. Въ этомъ нужно видѣть одну изъ ходячихъ клеветъ на старую вѣру. Ко времени возвращенія Ковылина въ Москву туда же прибылъ изъ Стародуба одинъ послѣдователь Ѳедосѣевскаго согласія, котораго и рѣшено было вновь послать въ Стародубъ за вѣрнымъ спискомъ Ѳедосѣевскаго устава; по возвращеніи посланнаго въ 1778 году уставъ этотъ и былъ цѣликомъ принятъ всей общиной.

Къ этому времени старообрядцамъ удалось выхлопотать себѣ еще нѣкоторыя льготы. Благодаря стараніямъ купечества, Екатерина II разрѣшила совершать въ молельнѣ богослуженія [1]).

Кругомъ Преображенскаго кладбища и Хапиловскаго пруда селились стекавшіеся со всѣхъ концовъ Москвы и перекочевывавшіе изъ другихъ городовъ старообрядцы - федосѣевцы. Они образовали цѣлый пригородъ— «Грачевскую слободку», прозванную такъ по имени купца Грачева, много жертвовавшаго на благотворительныя учрежденія общины.

Организующее вліяніе Ковылина и московской общины простиралось на всю Россію, внося въ разрозненную старообрядческую среду порядокъ и сплоченность. Слухи о благоустроенности Преображенской общины скоро достигли Петербурга и одинъ изъ руководителей тамошней Ѳедосѣевской общины Косцовъ сталъ усиленно просить Ковылина пріѣхать въ Петербургъ и устроить тамъ подобное московскому общежитіе.

Ростъ московской Ѳедосѣевской общины шелъ крупными шагами. Ея вліяніе росло съ каждымъ годомъ. Количество живущихъ на Преображенскомъ кладбищѣ къ 1800 году сильно увеличилось: многіе богатые москвичи строили внутри кладбищенской ограды или около нея дома, гдѣ проводили время Великаго поста, говѣли и причащались; строенія, окружающія кладбище, увеличивались съ каждымъ годомъ и способствовали оживленію Грачевской слободки; количество же живущихъ въ ней доходило до тысячи человѣкъ, а всего прихожанъ ѳедосѣевцевъ насчитывалось въ Москвѣ до 10 тысячъ.

Нелегальное существованіе такой громоздкой и сложной организаціи было возможно только благодаря широко поставленной системѣ взятокъ и подкуповъ. На старообрядцахъ кормились всѣ московскія «начальства», начиная съ полицейскихъ чиновъ и кончая православнымъ духовенствомъ. Колоссальныя средства, необходимыя для сохраненія общины, доставляли богатые купцы - старообрядцы, пользовавшіеся, благодаря этому, въ средѣ ѳедосѣевцевъ большимъ вліяніемъ и почетомъ. Богатые «радѣтели» были такъ же уважаемы, какъ и «наставники». Взятки были необходимы не только для поддержанія существованія всей общины. Каждый старообрядецъ, желавшій соблюдать свои религіозные обряды, былъ вынужденъ откупаться отъ православнаго духовенства. Богатые ѳедосѣевцы имѣли поэтому мало столкновеній съ духовенствомъ, но бѣдные терпѣли много притѣсненій, особенно при крещеніи и похоронахъ.

Надежда на улучшеніе своего тяжелаго положенія открылась ѳедосѣевцамъ въ 1801 году, когда императоръ Александръ I по восшествіи

---

[1]) В. Кельсіевъ. Сборникъ правит. распоряженій о раскольникахъ. Стр. 11.

своемъ на престолъ объявилъ въ манифестѣ свободу вѣроисповѣданій, запретивъ фанатизмъ и суевѣрія; основываясь на либеральныхъ словахъ манифеста, московскіе ѳедосѣевцы рѣшили освободиться отъ стѣснительной опеки православной церковной власти и сдѣлали попытку возбудить ходатайства объ облегченіи гражданскаго положенія старообрядцевъ. Прочія общины молчали и таились и только крѣпкая Преображенская община встала на защиту интересовъ старой вѣры...

Въ 1809 году Ковылинъ отправился въ Петербургъ хлопотать объ избавленіи старообрядцевъ отъ притѣсненій православнаго духовенства. «Нѣкоторые изъ старообрядцевъ, писалъ Ковылинъ, по боязни платя деньги священникамъ за вписываньe ихъ въ метрическія книги и за показаніе, будто бы они бываютъ у исповѣди и причащенія, завѣщаютъ при смерти своей схоронить ихъ на старообрядческомъ кладбищѣ; священники же въ такихъ случаяхъ, если родственники не закупятъ ихъ, входятъ въ консисторію съ жалобами, будто бы дѣти ихъ духовные погребены раскольниками. По сообщеніямъ консисторіи земскіе суды наводятъ слѣдствія тягостныя и изнурительныя для старообрядцевъ».

Ходатайство Ковылина увѣнчалось успѣхомъ. На прошеніе это императоръ отвѣтилъ указомъ: «Всѣхъ старообрядцевъ погребать съ вѣдома гражданской полиціи помимо духовенства, а чтобъ впредь не выходило споровъ съ духовенствомъ о всѣхъ схоронепныхъ старообрядцами, приказалъ въ управѣ благочинія имѣть списки» [1]). Законъ этотъ, вышедшій въ 1809 году и значительно облегчившій положеніе старообрядцевъ, первоначально распространялся только на Москву, но Ковылинъ хлопоталъ и добился распространенія его на всю Россію, что доставило Московской Ѳедосѣевской общинѣ, а въ частности Ковылину, большое уваженіе иногородпихъ общинъ. Въ маѣ этого же года Ковылинъ опять поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о предоставленіи кладбищу правъ богадѣльнаго дома, желая еще при своей жизни охранить общину отъ притязаній духовныхъ властей; а, чтобы лучше скрѣпить ея внутреннее управленіе, при прошеніи онъ вложилъ просьбу о предоставленіи общинѣ права выбирать изъ своей среды лицъ, пользующихся всеобщимъ довѣріемъ въ общинѣ, числомъ до 7-ми человѣкъ, которые носили бы названіе попечителей и управляли всѣми ея внутренними дѣлами. Хлопоты Ковылина и на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ, просьба его была уважена. Первые выбранные общиной попечители при жизни Ковылина не пользовались никакой почти властью; всѣми дѣлами завѣдывалъ добрый геній ѳедосѣевцевъ—Ковылинъ, которому община безгранично довѣряла. Популярность и значеніе московской Ѳедосѣевской общины особенно выросло послѣ дарованія упомянутыхъ выше льготъ. Ея организаторская дѣятельность поднимала самосознаніе старообрядцевъ, сплачивала ихъ надеждой на лучшія времена. Ѳедосѣевское старообрядчество объединялось вокругъ Преображенской общины, охотно примыкало къ ней, признавая ея авторитетъ и главенство, видя въ ней самую прочную опору старообрядчества.

---

[1]) Арх. министерства вн. дѣлъ 1809 г. № 5. Собр. пост. по расколу 1875 г., стр. 38.

Послѣ преобразованій 1809 года со всѣхъ концовъ Россіи стекались въ Москву представители Ѳедосѣевскаго толка, чтобы благодарить Илью Ковылина за его труды на пользу старообрядчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ московская община была добровольно признана идейнымъ и организаціоннымъ центромъ безпоповщины. Всѣми иногородними обществами было признано за московской общиной право поставлять наставниковъ по всему Ѳедосѣевскому согласію въ Россіи.

Если вспомнить о той фактической строгости, съ которой старообрядцы блюдутъ чистоту своего ученія и авторитетъ своихъ наставниковъ, станетъ ясно, что довѣріе къ Преображенской общинѣ стало почти безграничнымъ. Съ этихъ поръ наставникомъ Ѳедосѣевскаго согласія въ Россіи могъ быть поставленъ только тотъ, кого признаетъ московская община и выдастъ на это званіе грамату за подписью настоятеля и попечителей Преображенскаго кладбища. Въ короткое время главенство московской общины признали всѣ безпоповщинскіе толки въ Россіи. Можно сказать, что періодъ этотъ въ жизни общины былъ временемъ наивысшаго расцвѣта ея; въ концѣ 1809 года умеръ Ковылинъ, завѣщавъ все свое имущество, очень значительное, устроенной имъ общинѣ; смерть его сразу подорвала благосостояніе общины, хотя новый настоятель Грачевъ, выбранный послѣ смерти Ковылина, и заслуживалъ общаго довѣрія прихожанъ, рѣшено было на будущее время привести въ извѣстность капиталы и имущество кладбища; управленіе общиной, фактически находившееся въ рукахъ Ковылина, тоже было взято въ руки всѣхъ семи попечителей. Обозрѣніе имуществъ кладбища открыло, что оно обладаетъ значительными средствами: кромѣ дома и мельницы, завѣщанныхъ Ковылинымъ, общинѣ принадлежали въ разныхъ частяхъ города и въ уѣздѣ пожертвованные въ разное время: кирпичные заводы, сѣнокосные луга, пастбища, земли, рыбныя ловли, а также золото, серебро, драгоцѣнные камни и прочія цѣнности, всего на сумму до двухъ милліоновъ рублей [1]). Во время Отечественной войны находящееся на кладбищѣ цѣнное имущество было вывезено въ село Ивановское Владимірской губерніи, куда отправлены были также женщины и дѣти изъ Преображенскаго общежитія, такъ что на кладбищѣ остался одинъ только попечитель Никифоровъ, который, при вступленіи Наполеона въ Москву, выпросилъ у него для охраны кладбища отъ хищеній небольшой отрядъ солдатъ, который и охранялъ кладбище до самаго выступленія французовъ. Послѣ 1812 года общество вновь поселилось на кладбищѣ, но времена уже начали мѣняться; по отношенію къ старообрядцамъ начались репрессіи, да и въ самой общинѣ пошли несогласія. Умерли 4 старыхъ попечителя, при замѣнѣ ихъ новыми образовались 2 партіи, изъ которыхъ каждая выдвигала своихъ кандидатовъ; общество тоже раздѣлилось на партіи: одна требовала вновь пересмотра имущества общины, другая на это не соглашалась, можетъ быть потому, что большая часть капиталовъ общинныхъ находилась у нихъ въ дѣлѣ.

Эти разногласія и недоразумѣнія, дававшія сильное оружіе въ руки всѣхъ враговъ старообрядчества несправедливо относить за счетъ отдѣль-

[1]) В. Кельсіевъ. Сбор. правит. свѣд., стр. 35.

ныхъ личностей или даже, какъ это дѣлаютъ православные обличители-историки раскола, приписывать ихъ внутренней несостоятельности Ѳедосѣевскаго ученія. Больше всего въ этомъ виновато безправное положеніе общины, не пользовавшейся никакими имущественными и гражданскими правами, державшейся не на опредѣленныхъ юридическихъ основаніяхъ, а на доброй волѣ и энергіи своихъ отдѣльныхъ членовъ. Винить же за это меньше всего слѣдуетъ старообрядчество...

Между тѣмъ упадокъ и развалъ Преображенской общины все увеличивался.

Несогласія усиливались до такой степени, что невозможно стало производить богослуженія въ молельняхъ; одна изъ партій обратилась къ свѣтской власти, прося утвердить ея кандидатовъ, то же самое сдѣлала и другая. Часть прихожанъ, считая грѣховнымъ обращеніе къ свѣтской власти, какъ несогласное съ Ѳедосѣевскимъ уставомъ, отдѣлилась отъ кладбища и устроила частную молельню. Конечно, все это сильно ослабило общину и захватило спохватиться тѣхъ, кто понималъ какъ нужна солидарность отовсюду тѣснимымъ старообрядцамъ. Наконецъ, съ большимъ трудомъ, стараніями вліятельныхъ членовъ несогласія общины были улажены, но глухое недовольство продолжалось; начались доносы, правительство, измѣнившее курсъ, уже и безъ того было настроено совсѣмъ недружелюбно къ раскольникамъ и постоянными напоминаніями о себѣ ѳедосѣевцы только ускоряли печальную развязку. Вслѣдствіе доносовъ самихъ же членовъ стали производить въ стѣнахъ кладбища внезапныя ревизіи. Правительству донесли, что на кладбищѣ проживаетъ безъ паспорта начётчикъ Гнусинъ, который проповѣдуетъ о скоромъ пришествіи Христа на землю и концѣ міра: «Антихристъ правитъ царствомъ, седьмой фіалъ льется на Россію, но не смущайтесь, братіе, и не обращайтесь вспять, ратоборствуйте противъ искушеній».

По прошествіи ста лѣтъ трудно установить точныя границы правды и лжи, но позволительно усомниться, чтобы ѳедосѣевцы, нѣсколько десятилѣтій жившіе мирно и не высказывавшіе никакихъ противоправительственныхъ ученій, вдругъ, подъ вліяніемъ начётчика Гнусина, оказались опасными разрушителями. Въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ о проповѣдяхъ Гнусина нѣтъ никакихъ новыхъ въ исторіи русской религіозной мысли идей: тревожное предчувствіе конца міра, мрачное сознаніе грѣховности всего существующаго и трепетное ожиданіе свѣтлаго пришествія—все это исконные элементы народной мистики!

По официальнымъ свѣдѣніямъ въ молельнѣ Преображенской общины хранились двѣ нарисованныя Гнуснымъ картины, изображавшія Александра I съ подписью «антихристъ»; картины эти будто бы попали въ руки слѣдственной власти и тогда правительство потребовало выдачи Гнусина, но его удалось скрыть.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1820 году велѣно было подвергнуть строгой провѣркѣ всѣхъ жительствующихъ на Преображенскомъ кладбищѣ и полиціи данъ приказъ неослабно наблюдать за живущими въ богадѣленномъ домѣ и о всѣхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ ихъ доносить по начальству.

Особняки Понизовскаго и Миндовскаго на Поварской улицѣ

Кромѣ того, выработаны были для кладбища слѣдующія инструкціи: «1) Чтобъ во внутреннее управленіе общины власти вмѣшательства не имѣли, предоставивъ раскольникамъ самимъ разбираться въ своихъ несогласіяхъ, если же будутъ отъ нихъ жалобы, то разбирать ихъ какъ личныя обиды, а отнюдь не общества, кое никакого законами утвержденнаго существованія не имѣетъ. 2) Чтобъ къ поимкѣ и отысканію Гнусина было употреблено всевозможное стараніе [1]). Такимъ образомъ послѣ этой инструкціи Преображенское кладбище было лишено своей прежней, довольно, правда, шаткой автономіи... «Пресѣченіе» раскола смѣнило прежнее благожелательное отношеніе къ нему.

Эта новая правительственная точка зрѣнія въ послѣдующее время стала неуклонно проводиться въ жизнь. Въ 1823 году послѣдовали для кладбища новыя ограниченія, приравнявшія его къ обычной городской богадѣльнѣ; повелѣно было: «1) Метрическихъ книгъ по Преображенскому кладбищу не заводить. 2) Строго воспрещать переходъ въ Ѳедосѣевскую секту, а также преслѣдовать тѣхъ, кто будетъ совращать православныхъ. 3) Мѣстному начальству поступать съ нимъ (Преображенскимъ кладбищемъ), какъ съ богадѣльней, а не допускать, чтобъ оно присвояло себѣ какія-либо права, какъ заведеніе раскольнической секты. 4) Подкидышей воспитывать тамъ только до 14 лѣтъ. 5) Престарѣлыхъ принимать не моложе 50 лѣтъ. 6) Полиціи слѣдить, чтобъ подъ видомъ больныхъ въ домѣ не проживали здоровые. 7) Молельныхъ келлій въ домѣ не умножать. 8) Имѣть только одного попечителя дома, который бы былъ отвѣтственъ передъ властями за совершающееся въ немъ» [2]). Законъ этотъ сильно взволновалъ безпоповцевъ, но онъ не былъ послѣдней мѣрой «укрощенія» раскольниковъ. Новый оберъ-прокуроръ синода кн. Голицынъ устранилъ отъ завѣдыванія домомъ оберъ-полицеймейстера, назначивъ туда новаго чиновника—«смотрителя дома» [3]), который поставленъ былъ въ прямую зависимость отъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Всѣ эти порожденныя петербургской канцелярской мыслью распоряженія не могли искоренить ѳедосѣевцевъ. Сильно разросшуюся и окрѣпшую организацію ихъ невозможно было сломить циркулярами. Московское начальство сквозь пальцы смотрѣло на происходящее на кладбищѣ, зная, что чуть не половина коренныхъ жителей города принадлежитъ къ старообрядческимъ толкамъ.

Взяточники-смотрители передавали безпоповцамъ все, что предпринималось противъ нихъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ что, суровый теоретически, законъ этотъ практически очень мало измѣнилъ внутреннюю жизнь кладбища. Такая зависимость отъ произвола мелкаго чиновничества началась на Преображенскомъ кладбищѣ уже давно, почти со дня смерти Ковылина, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ общество лишилось многихъ солидныхъ связей.

---

1) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, дѣло 1819 г. № 3. Собр. пост. по раск. 1875 г., стр. 63—65.

2) «Организація и самоуправленіе Ѳедосѣевской общины въ Москвѣ». Ст. Васильева «Христ. чтен.» 1887 г., № 9—12.

3) Собраніе постановленій по расколу, 1875 г., стр. 70—71.

По восшествіи на престолъ Николая I гоненія на старообрядцевъ еще болѣе усилились, стали появляться одинъ за другимъ новые ограничительные законы.

Новый правительственный курсъ сильнѣе всего сказывался на безпоповцахъ, какъ наиболѣе прочной и развѣтвленной старообрядческой организаціи. Избавленію отъ гоненій на этотъ разъ не могли помочь обыкновенно благотворно дѣйствовавшія на разгнѣванное начальство богатыя пожертвованія на различныя благотворительныя учрежденія Москвы.

Въ 1826 году вышло повелѣніе уничтожить всѣ молельни, основанныя не менѣе какъ за 10 лѣтъ до изданія указа. Указъ этотъ, весьма грозный для старообрядцевъ, еще было возможно парализовать взятками, такъ что въ самой Москвѣ и уѣздахъ было показано самое ничтожное количество молеленъ, подлежащихъ уничтоженію...

Тревога среди старообрядцевъ, вызванная внезапно разразившимися преслѣдованіями, вызывала въ ихъ средѣ нервное состояніе, склонное къ воспріятію всякихъ мистическихъ призывовъ и грозныхъ предчувствій. Опять всплываетъ на поверхность, вѣчно дремлющая въ душевной глубинѣ русскаго вѣрующаго человѣка, увѣренность въ близкой кончинѣ міра и проповѣдь Гнусина, распространяемая по Россіи его многочисленными приверженцами, на этотъ разъ попадаетъ на весьма воспріимчивую почву. Встревоженному сердцу ѳедосѣевцевъ вспомнились дѣдовскіе разсказы и преданія о кровавыхъ Петровскихъ гоненіяхъ, о бѣгствѣ въ дебри Поморья и Керженца, о мученическомъ вѣнцѣ пострадавшихъ за вѣру отъ никоніанцевъ...

Напряженную атмосферу еще болѣе сгустила разразившаяся въ 1831 году холерная эпидемія. Толки о кончинѣ міра легко переводились на фактическую почву: массовыя смерти «отъ мора» чудились послѣднимъ испытаніемъ, посланнымъ обреченной на гибель землѣ. Въ Москвѣ создалась обстановка, напоминающая тревожный годъ чумы 1771 года. Среди всеобщей растерянности и страха только проповѣдывавшіе близкій конецъ міра ѳедосѣевцы чувствовали себя подготовленными. Опять толпы смятенныхъ москвичей бросились къ Преображенскому кладбищу, гдѣ ихъ встрѣчала успокаивающая торжественная проповѣдь и призывъ къ покаянію, гдѣ они находили пріютъ и внимательный уходъ.

Преображенская община, впервые зародившаяся въ чумную эпидемію 1771 года, пріобрѣла большое вліяніе въ холерную 1831 г. Масса новыхъ приверженцевъ примкнула къ гонимымъ ѳедосѣевцамъ. При усиленной христіанской помощи, оказываемой ими жертвамъ эпидеміи, оказалась недостаточной существовавшая Грачевская больница. Старообрядцамъ пришлось открыть другую въ домѣ купца Бавыкина въ Лефортовѣ, существующую до нашихъ дней.

По окончаніи эпидеміи, дома Преображенскаго кладбища едва могли вмѣстить въ себѣ всѣхъ желающихъ тамъ остаться. Воспитательный домъ, построенный съ самаго основанія общины, принималъ не только подкидышей: зачастую туда отдавали дѣтей и сами родители, желая воспитать ихъ въ правилахъ «древняго благочестія»; дѣтей привозили не только изъ Москвы, но подчасъ изъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи. Мальчиковъ, помѣ-

щавшихся тамъ, обыкновенно подготовляли къ дѣятельности наставниковъ, а дѣвочекъ или оставляли при общежитіи, или возвращали родителямъ.

Въ 1834 году вышелъ законъ объ отобраніи дѣтей изъ Преображенскаго воспитательнаго дома, но этотъ жестокій законъ былъ приведенъ въ исполненіе лишь отчасти, такъ какъ предупрежденные о грозящей опасности старообрядцы поспѣшно размѣстили большую часть дѣтей по окружающимъ деревнямъ; отобранныя же дѣти были обращены, по повелѣнію Николая I, въ военныхъ кантонистовъ! Къ счастью, такая мѣра скоро была признана нецѣлесообразной самимъ правительствомъ и отобранныя дѣти были вновь возвращены родителямъ...

24-го декабря появился новый законъ: всѣхъ воспитанниковъ на Преображенскомъ кладбищѣ считать военными кантонистами; дѣтей моложе 3-хъ лѣтъ оставлять пока на кладбищѣ, а старше — отправлять въ воспитательные дома, а съ 16 лѣтъ посылать въ карабинерные полки. Старообрядцы уже были приготовлены къ этому закону: воспитанники всѣ были разобраны родителями и воспитательный домъ прекратилъ свое прежнее существованіе, какъ разсадникъ старообрядческаго просвѣщенія безпоповщинскаго толка. Каждый годъ приносилъ новые скорпіоны для безпоповцевъ. Послѣ сокращенія ихъ просвѣтительной дѣятельности начались попытки подрыва матеріальнаго благосостоянія ихъ общины. Въ этомъ была логика и отчасти—жестокая иронія надъ административными нравами Николаевской Россіи: пока старообрядцы были сильны капиталами, трудно было бороться съ ними покладистому начальству! Еще въ 1831 году кн. Голицынъ обратилъ вниманіе на недвижимыя имущества богадѣльни; пользуясь тѣмъ, что въ законѣ 1809 года ничего о нихъ не было сказано, онъ собралъ свѣдѣнія и въ 1836 году подалъ государю докладную записку, въ результатѣ которой въ 1838 году вышло повелѣніе: «Всѣ недвижимыя имѣнія, во владѣніи Преображенскаго Богадѣленнаго дома находящіяся и на пользу его пожертвованныя, продать въ установленный срокъ для лицъ, получающихъ недвижимое имѣніе, но не имѣющихъ права владѣть онымъ, и вырученныя за это деньги отдать въ пользу Преображенскаго богадѣленнаго дома» [1]). Но старообрядцамъ удалось обойти суровый указъ: по довѣрію общины имѣнье это пріобрѣлъ купецъ Гучковъ за 75,000, при чемъ фактически имъ продолжало владѣть общество...

Въ значительной долѣ усилія преслѣдователей Преображенской общины разбивались о стойкость ея защитниковъ. Объединенные не писанными законами, а общей вѣрой и любовью къ своему духовному пристанищу, они были сильны нравственной чистотой, передъ которой безплодна физическая сила. Вообще, благодаря гоненіямъ, члены общества сильнѣе чувствовали свою сплоченность, и это развивало въ нихъ взаимное довѣріе, болѣе напоминающее первые вѣка христіанства, чѣмъ современность. Такъ, когда умеръ наставникъ Никифоровъ, во владѣніе всѣмъ громаднымъ имуществомъ общины совершенно безотчетно вступилъ новый на-

[1]) Собраніе постановленій по расколу 1875 г., стр. 231—232.

ставникъ Кузьминъ, который не имѣлъ никакого представленія о количествѣ капиталовъ общества. По московскимъ преданіямъ, община, чуждаясь мірской суетности, совершенно не имѣла точнаго представленія о своихъ финансовыхъ рессурсахъ. Подвести итоги собраннымъ средствамъ помогъ случай: Въ 1840 году было предписано гр. Строганову—московскому генералъ-губернатору, произвести въ богадѣльнѣ внезапную ревизію; попечители кладбища, опасаясь конфискаціи, спѣшно должны были сосчитать капиталы и переправить ихъ въ сундукахъ къ тому же Гучкову. По подсчету, капиталовъ оказалось до 12 милліоновъ рублей; деньги эти долгое время такъ и хранились у Гучкова и позднѣе, по старообрядческимъ преданіямъ, легли въ основу благосостоянія его рода.

Въ 1847 году, по докладу гр. Перовскаго, послѣдовало распоряженіе о подчиненіи Преображенскаго богадѣленнаго дома вѣдѣнію московскаго попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія и о причисленіи его къ городскимъ богоугоднымъ заведеніямъ, стоящимъ подъ личнымъ Его Величества направленіемъ; деньги – 75 тысячъ, вырученныхъ отъ продажи недвижимаго имущества, были вытребованы у общества и внесены въ Московскій Опекунскій совѣтъ; одновременно были уничтожены отдѣльныя кельи, крещальня и крестильный домъ запечатаны и т. д. [1]). Но, несмотря на всѣ эти суровыя ограниченія и полный разгромъ всего созданнаго трудами нѣсколькихъ поколѣній старообрядцевъ, характеръ учрежденія, очевидно, мало измѣнился. Надо думать, что московская власть опять смягчила замыслъ центральной, судя по донесенію гр. Закревскаго, сообщавшаго, что «Преображенскій богадѣленный домъ остается въ мнѣніи раскольниковъ, принадлежащихъ къ Ѳедосѣевскому безпоповщинскому толку, ихъ монастыремъ и центромъ, гдѣ сосредоточиваются и обсуждаются всѣ дѣйствія этихъ сектаторовъ». Въ виду этого въ 1853 году вышло новое Высочайшее повелѣніе: «1) Богадѣленный домъ, находящійся на Преображенскомъ кладбищѣ, подчинить вѣдѣнію совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества и ограничить значеніемъ благотворительнаго и притомъ временнаго учрежденія до смерти, выбытія или перемѣщенія призрѣваемыхъ тамъ въ правительственныя богоугодныя заведенія. 2) Призрѣваемыхъ въ кельяхъ перевести въ общее зданіе, а кельи снести. 3) По уменьшеніи призрѣваемыхъ лишніе корпуса сносить. 4) Довольствоваться только домашними молельнями. 5) Запретить содержаніе пѣвчихъ. 6) Воспретить посѣщеніе молелень посторонними. 7) Средствами призрѣваемыхъ должны быть пожертвованія и проценты съ капитала. 8) Выборъ должностныхъ лицъ поручить смотрителю съ утвержденія Человѣколюбиваго общества» [2]). Такимъ образомъ, погибло окончательно самоуправленіе общины; главные руководители ея были по Высочайшему распоряженію сосланы въ «отдаленные монастыри», призрѣваемые были переведены

---

[1]) Арх. мивист. вн. дѣлъ, дѣло 1850 г. № 153.
[2]) Арх. министерства вн. дѣлъ, дѣло 1853 г. № 5.

Домъ А. И. Коншиной. На Пречистенкѣ. 1910 г.

изъ келлій въ общія зданія, на кладбищѣ была открыта единовѣрческая церковь, древнія книги и иконы частью распроданы, частью уничтожены.

Не ограничиваясь преслѣдованіемъ старообрядчества, суровая рука Николаевскаго царствованія обрушилась и на отдѣльныхъ старообрядцевъ: уже давно начались стѣсненія старообрядцевъ въ гражданскихъ правахъ; въ концѣ царствованія Александра I они уже терпѣли кое-какія мелкія притѣсненія, но все же гуманный духъ его эпохи не позволялъ правительству бороться противъ религіи гражданскими притѣсненіями. Николай I оказался рѣшительнѣе своего предшественника, и въ 40-хъ годахъ запретилъ награждать старообрядцевъ знаками отличій и выдавать имъ какія-либо награды. Послѣднимъ камнемъ, почти лишеніемъ гражданскихъ правъ, былъ законъ 1854 года, запрещавшій раскольникамъ записываться въ купцы и имѣть купеческіе капиталы, чѣмъ сравнивалъ ихъ съ мѣщанами, подвергая рекрутской очереди и возможности тѣлеснаго наказанія. «Такому ограниченію правъ, пишетъ Мельниковъ въ своей запискѣ, составленной для вел. кн. Константина Павловича [1]),—подвергались значительные капиталисты, лица торговыхъ домовъ, начавшихъ свои обороты съ самаго изданія городового положенія, люди, фабричная и торговая дѣятельность которыхъ кормила и кормитъ сотни тысячъ подданныхъ Имперіи»...

Послѣдняя возможность существованія общины была совершенно парализована указомъ 1856 года. Управленіе общиной съ этого года предоставлено было комиссару и смотрителю, и это ставило его въ полнѣйшую зависимость отъ Императорскаго Человѣколюбиваго общества. Такимъ образомъ, Преображенское кладбище, около 100 лѣтъ занимавшее видное мѣсто въ жизни Москвы и еще болѣе видное въ исторіи русскаго старообрядчества, искусственно задушенное, перестало существовать, какъ центръ безпоповщинской секты, хотя по старой памяти Москва еще долго считалась центромъ безпоповщины. Молельни перенесены были въ частные дома, но сама секта съ разрушеніемъ объединяющаго центра стала падать, безпоповцы, все еще относясь отрицательно къ господствующей церкви, массами переходили въ поповщину и единовѣріе.

Мы прослѣдили исторію московской безпоповщины на протяженіи цѣлаго вѣка. Вся эта исторія съ внѣшней стороны состояла изъ безпрестанныхъ гоненій и репрессій съ одной стороны и увертокъ—съ другой. Внутренняя исторія безпоповщины нами почти не задѣвалась, но въ этомъ нельзя видѣть упущенія. Безпоповщина—наиболѣе косная, наименѣе дѣятельная идейно изъ русскихъ старообрядческихъ сектъ. За все разсмотрѣнное нами время она не переживала никакой внутренней эволюціи, не выдвигала ни новыхъ догматовъ, ни новаго отношенія къ вопросамъ общественной и личной жизни. Она застыла въ своемъ ветхомъ укладѣ, остававшемся неприкосновеннымъ на всемъ протяженіи ея писанной исторіи, сложившемся, повидимому, еще въ допетровскія времена и съ тѣхъ поръ не двинувшагося ни впередъ, ни назадъ...

Главная сила безпоповщины была, по наблюденію ея болѣе объек-

---

[1]) Кельсіевъ. Сборникъ правительств. свѣдѣній о раскольникахъ.

тивныхъ изслѣдователей, въ томъ ореолѣ мученичества, которымъ окружали ее правительственныя гоненія. Предоставленная сама себѣ, безпоповщина очень быстро заглохла бы отъ внутренней безсодержательности или же сошла бы со своей непримиримой и косной позиціи. Кромѣ этого основного закона, справедливаго для всѣхъ преслѣдуемыхъ религіозныхъ и идейныхъ движеній, которыя въ испытываемыхъ ими преслѣдованіяхъ черпаютъ новую силу для себя, для безпоповщины можно еще отмѣтить тѣсную зависимость между гоненіями и успѣшностью ея пропаганды.

Въ основѣ всей религіозной философіи безпоповцевъ лежитъ страшный призракъ конца міра. Фанатическая проповѣдь смерти всего сущаго находила опору въ душевной смятенности, вызываемой эпидеміями, войнами, стихійными катастрофами и т. п. Въ такіе моменты проповѣдь конца міра, симптомами близости котораго являлись всѣ подобныя бѣдствія, находила массы послѣдователей. Еще убѣдительнѣе предвѣщали конецъ міра тѣ гоненія, которыя обрушивались на проповѣдниковъ истины, на безпоповцевъ. Вотъ почему всѣ преслѣдованія правительства въ фанатизированномъ сознаніи принимали мистическій отпечатокъ «антихристосовыхъ дѣяній» и давали подтвержденіе отвлеченнымъ положеніямъ проповѣди безпоповцевъ...

Это соображеніе подтверждается тѣмъ, что съ прекращеніемъ правительственныхъ преслѣдованій и дарованіемъ вѣроисповѣдной свободы, безпоповцы не возродились къ новой жизни, какъ возродились другія, болѣе жизнеспособныя секты. Послѣ 17-го апрѣля 1905 года, въ эпоху оживленія всего старообрядчества, безпоповщина почти не развивается и влачитъ жалкое существованіе. Очень долго безпоповцы не могли созвать собора, отчасти по малой численности своихъ общинъ, отчасти по разрозненности и уединенности своихъ послѣдователей. Съ прекращеніемъ гоненій уже не въ чѣмъ было черпать воодушевленія и подтвержденія проповѣди о концѣ міра...

За послѣдніе годы у безпоповцевъ было нѣсколько общихъ и помѣстныхъ соборовъ; результатомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ явилось присоединеніе къ господствующей церкви или къ поповщинѣ. Культурный ростъ безпоповщины совершается крайне замедленнымъ темпомъ, косность и обособленность являются непреодолимымъ препятствіемъ. Въ настоящее время послѣдователи этого заглохшаго толка еще существуютъ кой-гдѣ въ Россіи, но, насколько можно судить, держатся они лишь благодаря личному авторитету нѣсколькихъ фанатическихъ наставниковъ. Безъ большой смѣлости можно утверждать, что безпоповщина принадлежитъ уже исторіи русской религіозной мысли и нѣтъ никакихъ доказательствъ возможности ея возрожденія и прежней мощи...

II.

Еще болѣе значительное мѣсто въ исторіи русскаго раскола, чѣмъ безпоповщина, занимаетъ поповщина — самое сильное и наиболѣе культурное согласіе старообрядчества.

Исторія поповщинской секты играла очень значительную роль въ старообрядческой жизни Москвы, тѣмъ болѣе, что секта эта и въ настоящее время не потеряла своей силы, имѣетъ большое распространеніе въ Россіи и попрежнему считаетъ Москву и Рогожское кладбище своимъ центромъ. Наконецъ и сама исторія поповцевъ тѣснѣе сплетена съ общей жизнью Москвы, чѣмъ непродолжительное, но яркое существованіе безпоповщины. Это происходило оттого, что русское общество и населеніе Москвы относились къ ней гораздо снисходительнѣе, чѣмъ къ другимъ толкамъ, да и сами поповцы были гораздо общительнѣе безпоповцевъ, не такъ гнушались «мірщины» и никогда не отличались сектантскимъ фанатизмомъ. Въ началѣ, когда правительство не различало старообрядческихъ толковъ, издаваемые относительно раскольниковъ законы обыкновенно касались всѣхъ старообрядческихъ толковъ, всѣхъ раскольниковъ. Поэтому въ серединѣ XVIII вѣка одинакова была ихъ участь въ Москвѣ; въ правленіе Анны Іоанновны, какъ и безпоповцы, несли они тяжелые налоги и, для огражденія православныхъ отъ соблазна, щеголяли съ желтыми козырями на платьѣ.

Ранняя исторія старообрядческихъ сектъ покрыта мракомъ неизвѣстности и нѣтъ надежды, чтобы эта важнѣйшая страница русской культуры когда-либо раскрылась при достаточномъ свѣтѣ. Надо думать, по нѣкоторымъ отрывочнымъ указаніямъ, что поповцы основались и организовались въ Москвѣ раньше безпоповцевъ [1]). Извѣстно, что уже въ серединѣ XVIII вѣка московская поповщина имѣла общественныя молельни, устроенныя въ домахъ богатыхъ людей, и кромѣ того два особыхъ кладбища: одно—близъ Донского монастыря, другое—за Тверскими воротами.

Возможно, что уже въ то время существовала организованная община; по крайней мѣрѣ обиліе учрежденій—нѣсколько молелень, правда, небольшихъ и помѣщавшихся въ частныхъ домахъ, и два отдѣльныхъ кладбища—свидѣтельствуетъ о значительномъ числѣ послѣдователей поповщинскаго согласія. Послѣдующая же его исторія показываетъ, что оно имѣло крѣпкіе корни въ средѣ московскаго населенія. При каждомъ кладбищѣ были устроены часовни и отдѣльные дома, въ которыхъ жили бѣглые отъ православной церкви попы и дьячки. Во время чумы 1771 года, сыгравшей, по странной ироніи судьбы, такую видную роль въ исторіи русскаго старообрядчества, московской поповщинѣ по ея просьбѣ было отведено мѣсто за Покровской заставой на землѣ, принадлежавшей деревнѣ Новоандроновкѣ, населенной тоже старообрядцами. Здѣсь, взамѣнъ прежнихъ двухъ кладбищъ, устроено знаменитое впослѣдствіи Рогожское кладбище, которое первоначально тоже служило карантиномъ для бѣжавшихъ изъ города жителей [2]).

Въ это время не было разницы между положеніемъ поповщины и безпоповщины. Либеральныя распоряженія Екатерины II, о которыхъ говорилось выше, коснулись одинаково и тѣхъ и другихъ.

1770 годы были важной гранью въ исторіи старообрядчества. Отсюда

[1]) Мельниковъ. Историческіе очерки поповщины.

[2]) Н. Поповъ. Сборникъ для исторіи старообрядчества. Стр. 1—38.

начинается рядъ правительственныхъ уступокъ и послабленій, дающихъ нѣкоторый просторъ религіозному самоопредѣленію русскаго раскола.

Около того же времени на Рогожскомъ кладбищѣ поставлена была поповцами первая небольшая деревянная часовня, а въ 1776 году она была замѣнена обширной каменной во имя Николая Чудотворца. Немного позднѣе тамъ же построены были еще двѣ часовни, но всѣ онѣ не были освящены. Поэтому въ нихъ нельзя было совершать литургіи.

Это странное явленіе объясняется тѣмъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка московскіе старообрядцы не пользовались правомъ совершать литургію. Только одни Иргизскіе скиты, образованные изъ австрійскихъ переселенцевъ, имѣли право совершать основную христіанскую службу.

Довольно значительная численно, московская поповщина въ 1770 годахъ не пользуется извѣстностью и вліяніемъ въ старообрядческомъ мірѣ Россіи. Московская община принадлежала въ Вѣтковскому согласію и большимъ уваженіемъ среди ея членовъ пользовался попъ Михаилъ изъ Стародубской Покровской общины. Съ 1779 года начинается оживленіе московской общины и значительный подъемъ ея. Въ этомъ году москвичи отдѣляются отъ Вѣтковскаго согласія и образовываютъ новую въ исторіи русскаго раскола секту перемазанцевъ, къ которой скоро примкнули почти всѣ поповцы другихъ городовъ, что сильно подняло значеніе Московской общины въ глазахъ поповцевъ Еще выше поднялось значеніе Московской общины въ 1813 году, когда, по преданію, казацкій атаманъ—знаменитый Платовъ, подарилъ московскимъ старообрядцамъ освященный антиминсъ. Съ этимъ даромъ явилась возможность совершать литургію, хотя и съ величайшей осторожностью, такъ какъ разъѣзжать по Россіи и совершать требы могли только одни Иргизскіе священники, но и они не имѣли на это формальнаго права и зависѣли отъ усмотрѣнія начальства. Обыкновенно губернаторы и градоначальники руководствовались въ данномъ случаѣ словами Императора Александра князю Куракину, генералъ-губернатору Малороссіи: «Раскольничьихъ священниковъ терпѣть, смотря на нихъ, такъ сказать, сквозь пальцы, и не подавать имъ явнаго вида покровительства»; ясно, конечно, что ближайшему начальству этими словами представлялся самый широкій произволъ. Именитое и богатое купечество, которое составляло большую часть московскихъ старообрядцевъ, уживалось съ начальствомъ, благодаря подаркамъ и связямъ, очень хорошо; бѣглые священники господствующей церкви всегда находили на Рогожскомъ кладбищѣ радушный пріютъ и спасались отъ преслѣдованія властей; эти бѣглые священники обыкновенно на Рогожскомъ же кладбищѣ и «переправлялись» въ старообрядчество, потомъ «перемазывались» и разсылались отсюда во всѣ концы Россіи, по всѣмъ требовавшимъ священниковъ старообрядческимъ общинамъ и скитамъ.

Въ 1812 году во время нашествія на Москву французовъ, Рогожскіе старообрядцы переселили обитателей кладбища во Владимірскую губернію, куда вывезли и часть цѣннаго имущества кладбища; остальное священникъ Ястребовъ скрылъ въ могилахъ. Французы нѣсколько разъ были на кладбищѣ, но, не найдя ничего особенно цѣннаго, посдирали драго-

цѣнные оклады съ иконъ, даже обратили одну изъ церквей въ конюшню, но кладбища не сожгли, такъ что послѣ ихъ ухода Ястребовъ, вынувъ спрятанное изъ тайниковъ, вновь привелъ все къ переселенію своихъ въ прежній порядокъ. За это впослѣдствіи священникъ Ястребовъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ всѣхъ прихожанъ и вообще сыгралъ въ жизни общины не малую роль. Онъ жилъ на кладбищѣ больше 45 лѣтъ, и можно сказать, что чуть не половина его исторіи прошла на глазахъ свящ. Ястребова. Онъ всегда принималъ въ судьбахъ кладбища горячее участіе: ни одно болѣе или менѣе важное дѣло не рѣшалось безъ его вѣдома. Ястребовъ былъ патріархомъ поповцевъ, подобно Ковылину для безпоповцевъ. Приблизительно съ 1800 года кладбище начинаетъ замѣтно обстраиваться; кромѣ общежитій и часовенъ, здѣсь была устроена больница, школа, сиротскій домъ, библіотека, богатая рѣдкими изданіями, архивъ и кладбищенская контора.

Съ теченіемъ времени богатые купцы понастроили внутри ограды цѣлый рядъ небольшихъ домовъ, пріѣзжая сюда, какъ и на Преображенское кладбище, говѣть и даже проводя здѣсь весь Великій постъ. Дома эти были деревянные, за исключеніемъ каменнаго дома купца Тарабѣева, обращеннаго теперь въ больницу. Къ 50 годамъ такихъ домовъ насчитывалось около 36. Пріѣзжающіе именитые гости обыкновенно останавливались въ конторѣ, тамъ же иногда происходили впослѣдствіи и соборы, а для публики, менѣе требовательной, существовалъ такъ называемый «пріютъ». Пріютъ этотъ всегда былъ набитъ пріѣзжающими, такъ какъ съ давнихъ поръ старообрядцы со всей Россіи считали особой честью вѣнчаться или крестить дѣтей въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ. Благодаря многочисленности съѣзжавшихся, священники зачастую старались подогнать сразу нѣсколько свадебъ или крестинъ.

Исторія старообрядчества болѣе разработана съ догматической стороны, чѣмъ съ бытовой. Между тѣмъ она дала бы много интересныхъ страницъ и красочныхъ моментовъ стараго московскаго и вообще русскаго быта. Описанныя выше переселенія для отправленія религіозныхъ обрядовъ въ Москву на Рогожское кладбище, всѣ эти гуртовыя свадьбы и крестины—все это необыкновенно любопытныя черточки прошлой жизни. Та среда, съ которой соприкасалось и теперь соприкасается старообрядчество, можетъ-быть, справедливо заслуживаетъ упреки въ косности, въ непримиримой обособленности отъ міровой культуры, но нельзя отрицать, что въ ней больше всего русской самобытности.

Съ этой точки зрѣнія исторія Рогожскаго кладбища весьма поучительна. Кочеваніе въ Москву для вѣнчанья и крестинъ, совершавшееся по тому бездорожному времени съ громадными трудностями, съ большой тратой времени и средствъ, говоритъ не только о трогательной любви и подчиненности центральной московской святынѣ. Была въ немъ и нѣкотораго рода необходимость, заставлявшая старообрядцевъ для совершенія религіозныхъ обрядовъ отправляться за десятки и сотни верстъ, покидая заволжскія степи, сѣверные лѣса, песчаные волжскіе берега...

«Оскудѣніе священства», отсутствіе у русскихъ старообрядцевъ свя-

щенниковъ, отчасти по неимѣнію средствъ для поддержанія церковной организаціи, отчасти благодаря запрещеніямъ правительства, обходить которыя умѣли только богатые и вліятельные московскіе поповцы. Немногочисленныя свидѣтельства современниковъ, разсказывающихъ о бытѣ московскаго старообрядчества, сообщаютъ, что бывали случаи, когда нѣсколько свадебъ съ цѣлыми поѣздами, съѣхавшихся изъ разныхъ угловъ Россіи, цѣлыми недѣлями ждали своей очереди.

На Рогожскомъ кладбищѣ кипѣла своеобразная жизнь. Съ первыхъ десятилѣтій XIX вѣка получилъ широкое распространеніе обычай, сдѣлавъ вкладъ въ пользу кладбища, селиться на немъ часто со всей семьей, проводя остатокъ дней въ уединеніи и тишинѣ, въ нѣкоторомъ подобіи монастырскаго житья. Къ подобному удаленію отъ міра было склонно купечество, преимущественно его средніе слои, и не только изъ одной Москвы. Изъ такихъ домовъ выросъ цѣлый поселокъ — общежитіе, но впослѣдствіи, при правительственной ревизіи и оцѣнкѣ имущества кладбища, такіе дома были признаны властями собственностью кладбища и отобраны отъ ихъ владѣльцевъ...

Въ началѣ XIX вѣка, какъ было указано выше, правительство, слабо освѣдомленное въ различіяхъ старообрядческихъ толковъ, не издавало спеціальныхъ указовъ о поповцахъ. Однако на отправленіе богослуженія у нихъ Александръ I въ 1803 году дозволилъ властямъ, что называется только смотрѣть сквозь пальцы, но въ то же время обѣщалъ въ манифестѣ вѣротерпимость. Старообрядцы, особенно поповцы, ободренные словами манифеста, нерѣдко жаловались императору на притѣсненія, чинимыя имъ православнымъ духовенствомъ и свѣтской властью. Особенно трудно было имъ, какъ и безпоповцамъ, вѣнчать и хоронить своихъ умершихъ; господствующей церковью браки ихъ не признавались и нѣкоторымъ лицамъ приходилось, чтобы скрѣпить бракъ и оформить его юридически, дважды вѣнчаться — въ православной церкви и старообрядческой. Много хлопотъ доставляло поповцамъ и бѣглое священство; священниковъ приходилось скрывать отъ властей съ большимъ трудомъ и рискомъ.

И такимъ образомъ, не запрещенная офиціально, существующая съ вѣдома мѣстныхъ и центральныхъ властей, многочисленная община поповцевъ не пользовалась открытымъ законнымъ признаніемъ. Поповцевъ не преслѣдовали, о нихъ знали, но дѣлали видъ, что не знали, и цѣлая сѣть уловокъ, мелочныхъ ухищреній и унизительныхъ зависимостей отъ доброй воли представителей администраціи, крайне осложняла и запутывала положеніе Рогожской общины.

Всю фальшь и все недостойное лицемѣріе такого страннаго положенія вещей, не терпимаго въ благоустроенномъ государствѣ, правительство сознало только въ концѣ царствованія императора Александра I.

Послѣ долгихъ приготовленій и колебаній, наконецъ, въ 1822 году вышелъ такъ долго жданый законъ о старообрядческомъ духовенствѣ; по этому закону бѣглый священникъ господствующей церкви не преслѣдовался, если не совершилъ какого-нибудь уголовнаго преступленія; «бѣглому» духовенству дозволено было невозбранно переходить въ старооб-

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

Видъ на Рогожскомъ старообрядческое кладбище.

Никольскій единовѣрческій монастырь.

рядчество и на мѣстахъ вести метрическія книги, которыя только въ случаѣ недоразумѣній должны были представлять гражданскому начальству. Въ этомъ законѣ, вызвавшемъ большую радость среди московской поповщины, нельзя видѣть либеральнаго мѣропріятія правительства, перваго шага къ установленію въ Россіи вѣроисповѣдной свободы. Это была уступка, вызванная сознаніемъ невозможности бороться съ изступленной энергіей и рѣшимостью старообрядчества, не склоннаго поступаться ни на іоту своими религіозными принципами и слишкомъ многочисленнаго и замѣтнаго въ русской жизни, чтобы подвергнуться рѣшительному усмиренію и искорененію.

Тотъ же законъ, давая одной рукой—въ первыхъ своихъ пунктахъ—признаніе правъ старообрядческаго духовенства, другой, въ послѣдующихъ — ограничивалъ церковное строительство старообрядцевъ: старыя часовни велѣно было оставить въ неприкосновенности, а новыхъ не разрѣшать строить ни подъ какимъ основаніемъ [1]).

Московское старообрядчество, дававшее тонъ всей старообрядческой жизни Россіи и ближе стоящее къ источнику правительственныхъ распоряженій и законовъ, очень внимательно слѣдило за разработкой закона 1822 года.

Хотя законъ этотъ и считался въ правительственныхъ сферахъ строго секретнымъ, на Рогожскомъ кладбищѣ онъ сталъ извѣстенъ чуть ли не за годъ до его опубликованія. Нѣсколько разъ въ теченіе этого года собирались по этому поводу совѣщанія, что-то въ родѣ помѣстныхъ соборовъ. На эти совѣщанія приглашались представители иногородныхъ общинъ изъ тяготѣющаго къ Москвѣ района. Такъ были на совѣщаніи делегаты изъ Коломны, Егорьевска, Подольска, Вереи, Гуслицъ и т. д.

Послѣ обсужденія проекта закона, встрѣченнаго въ общемъ старообрядцами-поповцами очень сочувственно, и всѣхъ выгодъ, приносимыхъ имъ старообрядчеству, было вынесено приблизительно слѣдующее постановленіе: «Пока еще законъ не вошелъ въ силу, заставить всѣхъ своихъ священниковъ привести въ порядокъ записи своихъ прихожанъ въ видѣ метрикъ, какъ дѣлалось это у православныхъ а самый законъ, чтобы всѣ старообрядцы знали, что имѣютъ они право дѣлать и что не имѣютъ, разослать въ массѣ экземпляровъ по всѣмъ поповщинскимъ общинамъ». Ко времени изданія этого закона московская община имѣла 9 священниковъ и 3-хъ діаконовъ, да и впредь поповцы были достаточно обезпечены духовенствомъ. Время между 1822-мъ и 1827-мъ годами слѣдуетъ считать полосой наивысшаго расцвѣта Рогожскаго кладбища; въ 1827 году въ одной Московской губерніи официально прихожанъ его числилось до 95 тысячъ; далеко по округѣ Москва поставляла своихъ священниковъ; изъ женскихъ обителей кладбища ежегодно по всей Россіи разсылались такъ называемыя «читалки» въ богатыя старообрядческія семейства, что давало общинѣ крупный доходъ; свадьбы и крестины тоже обогащали общину, такъ какъ половина дохода съ нихъ шла въ пользу кладбища, но,

---

1) «Собраніе постановленій по расколу» 1875 г.

конечно, самый крупный доходъ кладбища составляли многочисленныя и очень щедрыя пожертвованія. Деньги общины обыкновенно хранились у частныхъ лицъ,—попечителей кладбища, одно время у Шелапутина, потомъ у Рахманова, а на самомъ кладбищѣ находилась лишь незначительная часть, назначенная на необходимые расходы.

Если не либеральный, то все же достаточно мягкій и терпимый, законъ 1822 года очень ненадолго оградилъ московскую Рогожскую общину отъ притѣсненій и преслѣдованій. Въ этой шаткости и неустойчивости правительственной политики по отношенію къ старообрядцамъ ясно сказывается двойственность его мѣропріятій: съ одной стороны, мистическій клерикализмъ конца Александровскаго царствованія требовалъ пресѣченія и сокращенія старообрядческой пропаганды, уничтоженія даже самыхъ ненавистныхъ фанатикамъ православія раскольничьихъ кладбищъ и часовенъ, съ другой стороны трезвый государственный расчетъ говорилъ о невозможности преслѣдовать по религіознымъ соображеніямъ многочисленный слой населенія, играющій къ тому же видную роль въ экономической жизни страны...

Уже въ 1823 году политика правительства по отношенію къ старообрядцамъ начинаетъ мѣняться. Поводы къ этому новому курсу самые ничтожные, словно намѣренно выисканные: съ самаго начала царствованія Александра I старообрядцами на Рогожскомъ кладбищѣ устраивались грандіозные крестные ходы, на которые стекалась вся Москва, бывали и представители администраціи.

Официальнаго разрѣшенія на эти крестные ходы не испрашивалось, но точно такъ же не было и запрещенія: оно явилось только тогда, когда это показалось желательнымъ въ интересахъ новаго поворота въ отношеніи власти къ старообрядцамъ.

Въ 1823 году одинъ купецъ донесъ о бывшемъ 6-го января крестномъ ходѣ мѣстному начальству и доносу былъ данъ ходъ.

Неожиданно сдѣланъ былъ осмотръ всѣхъ заведеній Рогожскаго кладбища и въ алтарѣ Рождественской часовни найдена была полотняная церковь; она была отобрана, а алтари запечатаны. Старообрядцы пришли въ смятеніе, но, благодаря хлопотамъ тогдашнихъ попечителей кладбища Шелапутина и Соколова, часовни черезъ нѣсколько времени были вновь открыты, но только было запрещено служить въ нихъ литургію.

Такимъ образомъ приходилось теперь совершать литургію очень рѣдко, втайнѣ и съ большими предосторожностями; мѣстомъ богослуженія стали кельи женскихъ обителей Рогожскаго кладбища, которыя тоже имѣли свои полотняныя церкви, но и такое шаткое положеніе дѣлъ у поповцевъ существовало недолго: упорная и продолжительная кампанія правительства противъ старообрядцевъ еще ухудшила ихъ положеніе...

Въ 20 и 30 годахъ московская община испытывала большія затрудненія въ вопросѣ о священствѣ. Ко внутреннимъ неурядицамъ, вызваннымъ «оскудѣніемъ священства», прибавились еще правительственныя репрессіи противъ поповцевъ, на этотъ разъ направленныя въ сторону всяческихъ стѣсненій ихъ духовенства и воспрепятствованія православнаго духовенства

«перебѣгать» къ старообрядчеству. Вопросъ о духовенствѣ съ давнихъ поръ былъ больнымъ для старообрядчества.

Съ расширеніемъ же общинъ, съ количественнымъ ростомъ прихожанъ онъ становился самымъ серьезнымъ вопросомъ старообрядческой жизни, особенно остро поставленнымъ въ Москвѣ, разсылавшей духовенство по провинціальнымъ общинамъ.

Съ самаго начала раскола поповцамъ приходилось испытывать недостатокъ въ священствѣ. Когда перемерли священники, поставленные до Никона, за отсутствіемъ церковной іерархіи, могущей посвящать, приходилось принимать бѣглыхъ поповъ господствующей церкви, «переправляя» ихъ, а затѣмъ по правилу собора 1779 года—«перемазывая».

Законъ 1822 года, если бъ онъ вошелъ въ жизнь безъ промежуточныхъ истолкованій и разъясненій административными органами, облегчилъ бы запутанное и трудное положеніе поповцевъ въ вопросѣ о священствѣ.

Казалось, новый законъ совершенно отстранялъ отъ нихъ угрозу остаться безъ священства, но на практикѣ уже по самому этому закону, еще при Александрѣ I, творились различныя несправедливости и стѣсненія.

Законъ запрещалъ преслѣдовать «бѣглыхъ» священниковъ, не совершившихъ уголовнаго преступленія. Но въ умѣлыхъ рукахъ былъ произведенъ «нажимъ на законъ»: подъ рубрику «уголовныхъ преступленій» можно было подвести множество случаевъ, а нѣкоторые усердные чины администраціи уже самый фактъ оставленія священникомъ мѣста своего служенія разсматривали какъ уголовное преступленіе.

Излишне говорить, что при такомъ толкованіи самый законъ о непреслѣдованіи бѣглаго духовенства становился излишнимъ. Санкцію подобному толкованію далъ Святѣйшій Синодъ, на рѣшеніе котораго вопросъ былъ представленъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Синодъ постановилъ, что побѣгъ священника есть преступленіе тяжкое...

Разъясненный такимъ образомъ законъ былъ поданъ императору Николаю I, который относился къ раскольникамъ очень сурово, рѣшивъ во что бы то ни стало уничтожить старообрядчество. Поэтому новымъ закономъ 1827 года было повелѣно: «1) Нынѣ находящихся поповъ оставить на мѣстахъ служенія въ покоѣ, но новыхъ отнюдь не принимать. 2) Воспрещено исправлять починками и возобновлять молитвенные дома. 3) Отбирать книги раскольничьи, противныя церкви, и отправлять на разсмотрѣніе Св. Синода» [1]).

Этимъ закономъ открывается эра гоненій, тянущихся на протяженіи всей Николаевской эпохи...

Старообрядцы московскіе, особенно поповцы, имѣли очень сильныхъ покровителей, поэтому у нихъ имѣлась возможность на нѣкоторое время отстоять свои церкви и библіотеки. Что же касается священства, то его осталось въ Москвѣ къ этому времени лишь 3 священника и два діакона, между тѣмъ прихожанъ насчитывалось въ самой Москвѣ до 68 тысячъ.

---

[1]) «Сборникъ постановленій по расколу». 1875 г.

Кромѣ того, иногородних̀ъ пріѣзжих̀ъ за разными требами набиралось за годъ до 30,000. Положеніе малочисленнаго духовенства было невозможное: нѣкоторые разсказы объ его службѣ кажутся анекдотами, а между тѣмъ являются подлинной россійской дѣйствительностью. Такъ, въ день иногда приходилось совершать до 20 свадебъ «гуськомъ», отпѣвали тоже сразу чуть не 50 человѣкъ; діаконы старались служить одновременно въ двухъ церквахъ; возгласивъ въ одной «вонмемъ!» бѣжитъ въ другую возглашать «главы наша Господеви преклонимъ». При исповѣди изнемогающему духовенству тоже приходилось прибѣгать къ различнымъ ухищреніямъ, лишь бы исповѣдать всю свою безчисленную паству.

Такъ обстояло дѣло въ Москвѣ, но еще плачевнѣе было положеніе въ остальной Россіи и даже въ Московской губерніи. Еще раньше было запрещено старообрядческимъ священникамъ разъѣзжать съ требами по уѣздамъ, а между тѣмъ въ одной Московской губерніи насчитывалось до 186,000 раскольниковъ. И въ христіанскомъ государствѣ вѣрующимъ христіанамъ приходилось прибѣгать къ мучительнымъ и унижающимъ уловкамъ, словно жили они среди враждебных̀ъ иновѣрцевъ! Священникамъ приходилось переѣзжать съ большими предосторожностями, словно разбойникамъ, прятаться подъ рогожами или путешествовать по уѣзду съ какимъ-нибудь товаромъ, объѣзжая вѣрующих̀ъ для совершенія требъ!.

Каждое десятилѣтіе приносило все новыя и новыя стѣсненія московскимъ поповцамъ.

Въ 1834 году было запрещено въ Рогожскомъ сиротскомъ домѣ держать дѣтей старше 3-хъ лѣтъ; по достиженіи этого возраста велѣно было отдавать их̀ъ въ Императорскій воспитательный домъ; въ 1835 году кладбище было переименовано Рогожскимъ богадѣленнымъ домомъ и на немъ, какъ въ богадѣльнѣ, разрѣшено было жить только «престарѣлымъ и страждущимъ», да небольшому числу прислуги; впрочемъ, строенія кладбища не были тронуты, все продолжало существовать попрежнему; въ этомъ же году закрыто и Рогожское училище, при чемъ учениковъ велѣно было раздать родителямъ, а безродных̀ъ взять въ кантонисты. Рогожскіе попечители тайно перенесли это училище за 9 верстъ отъ Москвы въ деревню Новинки, гдѣ училище и существовало тайно до 1839 года. Московскіе старообрядцы упорно боролись за свое училище; поэтому, когда въ 1839 году мѣстопребываніе училища было открыто, они вновь перенесли его въ село Коломенское и только въ 1841 году его пришлось закрыть совершенно.

Въ 1853 году московскіе поповцы понесли тяжелую потерю: умеръ священникъ Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ. Съ его смертью община лишалась не только священника, 48 лѣтъ служившаго на кладбищѣ, но и мудраго, всѣми уважаемаго человѣка, къ совѣтамъ котораго прислушивались всѣ старообрядцы. По смерти Ястребова на кладбищѣ остался одинъ только священникъ Русановъ. Между тѣмъ правительствомъ начали издаваться все болѣе и болѣе стѣснительные для старообрядцевъ законы и уже недалеко было то время, когда Москва—центръ поповцевъ, должна была

остаться совсѣмъ безъ священства. Старообрядчество уже давно предвидѣло это и всѣми силами стремилось пріобрѣсти себѣ архіерея, но пока всѣ попытки въ этомъ направленіи кончались неудачей: собирались соборы помѣстные и общіе, но разрѣшить этотъ важнѣйшій для всего согласія вопросъ все же не удавалось. Наконецъ, въ 1832 [1]) году въ Москвѣ былъ созванъ торжественный соборъ; въ началѣ онъ касался мѣстныхъ дѣлъ, возникавшихъ въ связи съ оскудѣніемъ священства, но затѣмъ вниманіе перешло и на главное зло старообрядчества. До сихъ поръ поповцы искали архіерея въ Россіи, теперь же рѣшили искать его въ Австріи, такъ какъ туда съ начала гоненій переселялась масса русскихъ старообрядцевъ. Рѣшено было въ Бѣлой Криницѣ устроить монастырь и переселить туда архіерея.

Воодушевленными участниками собора тутъ же были собраны на это дѣло и деньги, около 2-хъ милліоновъ рублей. Послѣ этого всѣ члены собора дали другъ другу клятвенное обѣщаніе хранить все рѣшенное въ тайнѣ. Поиски старообрядцевъ въ 1846 году увѣнчались успѣхомъ: былъ найденъ и поселенъ въ Бѣлой Криницѣ архіерей Арсеній, но пріѣхать въ Москву или прислать своихъ священниковъ онъ пока еще не могъ, такъ какъ въ это время на старообрядцевъ снова обрушились сильныя гоненія и долго нельзя было созвать въ Москвѣ собора.

Къ гоненіямъ религіознымъ на старообрядцевъ-поповцевъ присоединились и гоненія гражданскихъ властей. Ихъ, какъ и безпоповцевъ, лишали за приверженность къ расколу гражданскихъ правъ. Послѣ ревизіи 50-го года велѣно было женъ старообрядцевъ записывать въ отдѣльные отъ нихъ списки, а дѣтей считать незаконными; священниковъ ихъ и важныхъ по своему вліянію мірянъ безъ суда и слѣдствія стали ссылать въ отдаленные монастыри. Въ 1853 году, желая окончательно отрѣзать старообрядцамъ возможность богослуженія, императоръ Николай I велѣлъ обратить часовню Николая Чудотворца на Рогожскомъ кладбищѣ въ единовѣрческій храмъ; отняты были также богослужебныя книги и священническія облаченія [2]). Въ 1854 году старообрядцамъ, какъ мы уже знаемъ, запрещено было записываться въ купцы, поэтому старообрядцы московскіе, за мѣсяцъ до объявленія купеческихъ капиталовъ, во множествѣ стали переходить въ единовѣріе, но уже въ этомъ же году въ Синодѣ возникло нѣсколько дѣлъ о мнимомъ обращеніи, было обнаружено, что единовѣрческое духовенство выдавало обращавшимся только свидѣтельства, не совершая установленныхъ церковныхъ обрядовъ. Когда же перешелъ въ единовѣріе послѣдній священникъ поповцевъ Русановъ, службы на Рогожскомъ кладбищѣ на нѣкоторое время прекратились совсѣмъ. Часть часовенъ была обращена въ единовѣрческія церкви, имущество рогожцевъ—описано, великолѣпная библіотека старинныхъ книгъ и архивъ—подверглись контролю Святѣйшаго Синода и большая часть ихъ уничтожена.

Послѣ этого варварскаго уничтоженія историческихъ сокровищъ между

[1]) Мельниковъ. Очерки поповщины. Часть II, стр. 26.

[2]) Кельсіевъ. Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ. Записка Мельникова.

А. М. Опекушинъ.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Памятникъ **АЛЕКСАНДРУ III.**

московскими старообрядцами долго ходили слухи, что главную часть архива, самыя важныя его бумаги удалось спасти въ колокольнѣ Рождественской церкви.

Таково было заключеніе николаевскихъ репрессій, поставившихъ цѣлью стереть съ лица земли старообрядчество.

Въ 1855 году явилась долго жданная возможность перевести въ Москву Бѣлокриницкаго архіерея Арсенія, но тутъ внутри самой Рогожской общины возникли разногласія, сильно вредившія общему дѣлу старообрядцевъ, окруженныхъ могущественными, не знающими пощады, врагами. Это—«расколъ въ расколѣ» былъ вызванъ тѣмъ, что часть московскихъ поповцевъ не хотѣла признавать священниковъ и архіерея австрійскаго постановленія. Произошло раздѣленіе на пріемлющихъ и не пріемлющихъ австрійскаго постановленія, вслѣдствіе чего московская община, истощенная гоненіями, еще болѣе ослабѣла Наконецъ, 21 января слѣдующаго года на Рогожскомъ кладбищѣ возобновилось совершеніе церковныхъ службъ полнымъ чиномъ, какъ не бывало уже давно. Когда слухи объ этомъ дошли до свѣдѣнія правительства, алтари ихъ вновь были запечатаны. Но не уступающіе старообрядцы поставили тогда рядомъ со старыми алтарями—походные и продолжали служить. Вскорѣ объ этомъ тоже дознались власти и походные алтари у старообрядцевъ были отобраны. Приходилось совершать богослуженія съ большой таинственностью въ частныхъ молельняхъ; въ это время большой извѣстностью пользовалась Шибаевская молельня, существовавшая еще съ 1784 года; съ 1865 года въ ней стали служить постоянно священники австрійскаго постановленія. Въ настоящее время этотъ молитвенный домъ, мѣсто вѣкового моленія поповцевъ, передѣланъ въ великолѣпный старообрядческій храмъ Покрово-Успенской старообрядческой общины и помѣщается въ Гавриковомъ переулкѣ. Въ царствованіе Александра II надзоръ за старообрядцами былъ нѣсколько ослабленъ: они, благодаря этому, получили возможность безпрепятственно совершать богослуженія, но безъ особыхъ распоряженій о томъ правительства.

Вообще во вторую половину XIX вѣка суровыя преслѣдованія старообрядцевъ отошли въ вѣчность и подобно тому, какъ, начиная съ первыхъ годовъ XIX столѣтія и до конца николаевскаго царствованія, гоненія все росли, при чемъ 1855 годъ былъ кульминаціоннымъ пунктомъ,—во второй половинѣ, все прогрессируя, идутъ уступки и возвращеніе отобранныхъ у старообрядцевъ правъ, пока 1905 годъ не приноситъ имъ право вѣроисповѣднаго самоопредѣленія.

Въ 60 годахъ, по совѣту московскаго генералъ-губернатора гр. А. А. Закревскаго, старообрядцы подали на имя Императора Александра II прошеніе, въ которомъ, описывая всѣ обиды и притѣсненія, перенесенныя ими за послѣдніе годы,—отнятіе церквей, иконъ, имущества и запрещеніе богослуженія, просили дать имъ свободу богослуженія, а также облегчить переходъ въ купеческое сословіе, разрѣшивъ полученіе торговыхъ свидѣтельствъ. Послѣ нѣкоторыхъ частичныхъ облегченій положенія старо-

обрядцевъ, принесенныхъ законами 1864, 1867 и 1874 годовъ, послѣдовалъ законъ 1883 года, вернувшій имъ не только гражданскія права, но и религіозную свободу, хотя и условную, конечно. По новому закону было велѣно: «1) Паспорта и отпуски выдавать раскольникамъ на общемъ основаніи. 2) Всѣмъ дозволено вести торговлю тоже на общемъ основаніи. 3) Дозволяется занимать общественныя должности, но чтобъ при старшинѣ-раскольникѣ помощникъ былъ православный. 4) Дозволяется творить общественную молитву въ предназначенныхъ для сего зданіяхъ. 5) Дозволяется исправлять постройки и воздвигать новыя съ разрѣшенія начальства. 6) Распечатывать молитвенныя зданія съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. 7) Священники ихъ не признаются государствомъ, а лишь состоятъ въ томъ сословіи, въ которомъ существовали до священства. 8) Безусловно воспрещается пѣніе, крестные ходы, публичное исповѣданіе вѣры. 9) Распечатаніе монастырей и скитовъ не допускается» [1]).

Въ основу этого закона, какъ и многихъ послѣдующихъ мѣропріятій правительства, положено опасеніе распространенія старообрядчества, боязнь его пропаганды. Трудно опредѣлить логическія основанія подобнаго взгляда: совершенно неясно, въ чемъ предполагается сила раскола, способная соблазнить православныхъ вѣрующихъ. Между тѣмъ ореолъ запретности, гонимости и даже нѣкотораго мученичества несомнѣнно подкупаетъ экзальтированное и ищущее сознаніе!

Въ 80-хъ годахъ Рогожское кладбище нѣсколько оживляется, но не пользуется той силой и значеніемъ, которыми отмѣчена его дѣятельность въ первую половину XIX столѣтія. Въ 1881 году священству австрійскаго постановленія дается разрѣшеніе совершать службы на Рогожскомъ кладбищѣ и въ основныхъ чертахъ возобновляется прежнее теченіе старообрядческой жизни. Созываются соборы, на которыхъ предсѣдательствуетъ бѣлокриницкій архіерей. Службы разрѣшены и совершаются, но значительно урѣзаны: нельзя по-старому совершать службу «благолѣпно, по уставу, съ патереснымъ пѣніемъ». Въ 90-хъ годахъ начинается идейное оживленіе старообрядчества, замѣчаются признаки несомнѣннаго культурнаго подъема. Является потребность въ печатномъ органѣ, обсуждающемъ вопросы старообрядческой жизни и религіи,—за границей издаются старообрядческія газеты и журналъ «Старообрядецъ»...

За послѣднія десятилѣтія московское старообрядчество переживаетъ большую культурную эволюцію. Косное, замкнутое, огражденное китайской стѣной догматовъ и традиціи отъ всего враждебнаго, «мірского» начала, не мечтающее о сознательной и планомѣрной борьбѣ за право религіознаго самоопредѣленія, старообрядчество за послѣдніе годы начинаетъ признавать, что активнымъ участіемъ въ общественной жизни оно значительно укрѣпитъ свои позиціи. Но отрицательное отношеніе къ свѣтской наукѣ и мірской культурѣ до самаго послѣдняго времени оставалось темнымъ пятномъ большинства старообрядческихъ толковъ.

---

[1]) «Собраніе узаконеній и распоряженій правительства», кн. I, 1883 г. № 469

Съ 900-хъ годовъ, въ эпоху общественнаго подъема просыпается и Рогожское кладбище. Происходитъ рядъ частныхъ совѣщаній старообрядцевъ и въ первую очередь выдвигается вопросъ объ осуществленіи въ Россіи свободы совѣсти, о возвращеніи поповцамъ хотя бы той довольно ограниченной свободы, которою они пользовались когда-то. Въ началѣ 1905 года уполномоченный московскими старообрядцами купецъ Сироткинъ подалъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ прошеніе о снятіи печатей съ алтарей Рогожскаго кладбища. Вскорѣ послѣдовало разрѣшеніе и около полувѣка запечатанные и запущенные храмы, съ святынями, покрытыми толстымъ слоемъ пыли и грязи, были возвращены старообрядческому народу. То былъ торжественный и радостный моментъ, одинъ изъ тѣхъ обманчивыхъ дней, въ которые легко было повѣрить, что для Россіи наступила новая эра...

17-го апрѣля 1905 года появился манифестъ о вѣротерпимости, которымъ старообрядцы уравнивались въ правахъ съ представителями инославныхъ вѣроисповѣданій. Противорѣчивая и колеблющаяся въ зависимости отъ силы общественнаго возбужденія политика правительства сказалась и въ отношеніи старообрядцевъ. Нѣкоторыя неясности закона 17-го апрѣля были разъяснены и дополнены въ мартѣ 1906 года, при чемъ новыя дополненія сильно сократили дарованныя въ апрѣлѣ льготы. Въ октябрѣ того же года потребовался новый Высочайшій указъ объ устройствѣ старообрядческихъ общинъ или приходовъ, расширившій нѣсколько ихъ права.

По этому закону старообрядческія общины были юридически признаны; онѣ могли имѣть церковную и общественную собственность, строить храмы, пріобрѣтать движимое и недвижимое имущество, устраивать различныя богоугодныя и образовательныя учрежденія. Священнослужителямъ ихъ были предоставлены права православныхъ священниковъ. Съ этихъ поръ жизнь московскихъ старообрядческихъ общинъ входитъ въ новое русло свободнаго развитія. Намѣчается и рѣшается цѣлый рядъ вопросовъ церковной жизни. Въ 1906 году въ Москвѣ устраивается съѣздъ для обсужденія соединенія съ отдѣлившимися въ 1862 году бѣглопоповцами и для учрежденія въ Москвѣ митрополіи. Въ это время кромѣ Бѣлокриницкой митрополіи существовала еще Нижегородская. На многочисленныхъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ улаживались всѣ наболѣвшіе вопросы старообрядческой жизни и между прочимъ—о старообрядческой школѣ, уже разрѣшенной и близкой къ осуществленію. Обширное хозяйство Рогожскаго кладбища приняло такіе размѣры, что потребовалось значительное расширеніе власти попечителей. Во главѣ каждой общины стоитъ выборный совѣтъ.

Въ промежутокъ между 1906 и 1910 годомъ жизнь старообрядчества неустанно кипѣла въ процессѣ переустройства и налаживанія новаго уклада. Теперь же наступаетъ менѣе шумный и болѣе спокойный періодъ ея органическаго развитія. Взамѣнъ общихъ соборовъ ежегодно происходятъ помѣстные. Общіе для всего старообрядчества «боевые» вопросы уступаютъ мѣсто повседневной работѣ.

За послѣдніе 2—3 года въ средѣ московскаго старообрядчества намѣ-

чается разногласіе по вопросу объ участіи мірянъ въ соборахъ и вообще въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ церковной жизни. Въ 1910 году на Рогожскомъ кладбищѣ состоялся освященный соборъ архіепископовъ, безъ участія мірянъ [1]). Такова тенденція теперешняго старообрядческаго московскаго митрополита Іоанна, стремящагося отстранить мірянъ отъ церковныхъ соборовъ. Но эти внутреннія разногласія старообрядчества уже принадлежатъ будущему. Наше время завершаетъ долгій обособленный періодъ жизни московскаго старообрядчества—его борьбу за вѣру. Побѣда досталась не скоро, но величественныя страницы отстаиванія права вѣрить и молиться по-своему останутся яркимъ свидѣтельствомъ стойкости и мощи русскаго народа!

---

[1]) «Церковь», 1911 г. № 3.

Могила А. П. Чехова въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Фототипо-гравюра Т-ва „Образованіе"

Памятникъ М. Д. Скобелеву на Тверской площади. 1912 г.

няго времени — Лейбницемъ и Вольфомъ—родилась мысль о научномъ и образовательномъ учрежденіи въ Россіи. Лейбницъ въ своемъ представленіи царю, относящемся къ 1712—16 годамъ, указывалъ на необходимость для Россіи высшаго образовательнаго учрежденія и «ученой коллегіи»; Вольфъ въ 1723 году доказывалъ, что по трудности склонить лучшихъ ученыхъ ѣхать въ Россію слѣдуетъ предпочесть учрежденіе университета, который въ скоромъ времени можетъ подготовить собственныхъ ученыхъ для академіи [1]). Лейбницъ, въ согласіи съ мыслями самого Петра, указалъ ему на Москву, какъ на городъ, предназначенный въ первую голову стать «разсадникомъ просвѣщенія» въ Россіи [2]).

Петръ упорно и долго совѣтовался съ иностранными учеными относительно основанія русскаго университета, сознавая всю сложность и отвѣтственность предпринятаго дѣла. Кромѣ многочисленныхъ спеціальныхъ школъ, онъ дѣлалъ попытки учрежденія школъ, преподающихъ гуманитарныя науки, но онѣ существовали недолго и не удовлетворяли широкихъ замысловъ Петра. Съ 1703 года въ Москвѣ существуетъ общеобразовательная гимназія Эрнеста Глюка. Кромѣ древнихъ и новыхъ языковъ, въ ея программу входили: географія, «ифика» (этика), политика, объясненіе древнихъ историковъ и поэтовъ (Курція, Іустина, Виргилія и Горація) и картезіанская философія. Въ 1705 году Глюкъ умеръ и его «гимназія» перешла въ завѣдываніе магистра философіи Іоганна Вернера Паузе. По инструкціи, выданной ему въ 1706 году, въ гимназіи предполагалось устроить 6 классовъ, при чемъ ея широкая программа обнимала слѣдующіе предметы: латинскій, французскій, итальянскій, шведскій, еврейскій и греческій языки, счетоводство, геометрію, физику, астрономію, грамматику, риторику, логику, исторію, политику, музыку и «пристойное обхожденіе». Гимназія Паузе просуществовала недолго; она распалась вслѣдствіе ссоры его съ учениками и ихъ родителями, обвинившими его въ нападкахъ на почитаніе иконъ.

Москва, за исключеніемъ небольшой кучки либеральныхъ сторонниковъ петровскихъ реформъ, все еще жила въ традиціонной русской враждѣ къ свѣтскимъ наукамъ. Отрицалась наука вообще,—«вредное суемысліе», подозрительно относились патріархальные москвичи къ книгамъ, къ Западу и всему идущему оттуда, ко всему, что выходило за предѣлы церковной идеологіи, даже не противорѣча ей. Воспитаніе юношеству давалось незначительное, не обременяющее излишнимъ балластомъ знаній, насквозь проникнутое религіозной нетерпимостью. Въ правилахъ юношеству, изданныхъ въ Москвѣ въ 1702—4 годахъ, дается наставленіе не читать вредоносныхъ книгъ. Несомнѣнно, что подъ категорію «вредоносности» подводилась почти вся свѣтская образованность. Даже языки раздѣлялись москвичами на «избранные Богомъ» и «богомерзкіе».

Неудача свѣтскихъ школъ и «гимназій» коренится въ этой замкнутости Москвы. Ясно, что мысль Петра объ основаніи въ Москвѣ университета не могла осуществиться, вслѣдствіе враждебнаго настроенія об-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1876 г. № 9. Статья В. Иконникова «Русскіе университеты».
[2]) С. Шевыревъ. Исторія Московскаго университета. М. 1855 г.

щества, гибельнаго тамъ, гдѣ были безполезны мѣры принужденія и административнаго воздѣйствія.

Въ 1724 году Петръ Великій утвердилъ проектъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Въ сравненіи съ первоначальными планами государя, проектъ Академіи, соединяющій университетъ и ученую коллегію, нужно признать значительно суженнымъ. Общее невѣжество, отсутствіе стремленія русскихъ людей къ наукамъ, доходившее до того, что новоучрежденная Академія была, по словамъ Шевырева, «открытой гостиницею для ученыхъ всего міра, и особенно Германіи», что приходилось выписывать изъ Западной Европы не только профессоровъ, но и студентовъ, которые могли бы окончить подъ руководствомъ профессоровъ свои ученыя занятія и учить, въ свою очередь, русское юношество въ академической гимназіи; всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства стояли на пути петровскихъ предначертаній. Не удивительно, что учрежденіе ученой коллегіи—Академіи наукъ, не зависящей отъ косности общества и пополняемой иностранными учеными, оказалось дѣломъ гораздо болѣе легкимъ, чѣмъ основаніе русскаго университета. Ученая дѣятельность Академіи наукъ развивалась въ ущербъ учебной. Въ 1733 году Даніилъ Бенулли, по возвращеніи изъ Россіи, писалъ Эйлеру въ Петербургъ: «Можно говорить, что хочешь, однако почетъ Академіи отъ иностранцевъ по большей части въ зависимости отъ математическихъ и физическихъ наукъ... Я не могу вамъ достаточно выразить, съ какою жадностью повсюду спрашиваютъ о петербургскихъ мемуарахъ. Желательно, поэтому, чтобы поспѣшили печатаньемъ ихъ» [1]). Педагогическая же дѣятельность петербургской академіи была менѣе блестяща: по регламенту 1747 года было положено имѣть 30 студентовъ и 20 гимназистовъ, но къ концу царствованія Елизаветы систематическія лекціи вовсе прекратились, въ 1763 году было всего 17 студентовъ.

Несмотря на незначительные практическіе результаты дѣятельности петербургской академіи, на ея оторванность отъ русскаго общества, ея заслуга, какъ научнаго учрежденія, упрочившаго въ Россіи научную работу и потребность въ широкомъ и систематическомъ, при этомъ «свѣтскомъ» образованіи, весьма значительна. Благодаря ей, удалось основаніе въ 1750-хъ годахъ Московскаго университета, потребность въ которомъ стала ощутительной образованному русскому обществу. Съ основаніемъ Московскаго университета неразрывно связаны два имени—М. В. Ломоносова и И. И. Шувалова. Ломоносовъ руководилъ идейно, кипѣлъ со войственной ему пылкостью, создавалъ вокругъ новаго культурнаго дѣла атмосферу энтузіазма и патріотическаго одушевленія, Шуваловъ—одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ вельможъ XVIII вѣка, пользуясь своимъ громаднымъ вліяніемъ, являлся организаторомъ, по словамъ Указа 24-го января 1755 года,—«изобрѣтателемъ того полезнаго дѣла».

Выборъ Москвы, какъ мѣста перваго русскаго университета, вполнѣ понятенъ. Здѣсь жило множество дворянъ, не занятыхъ придворной и во-

---

[1]) Пекарскій. Исторія Академіи наукъ, т. I.

енной службой, болѣе склонныхъ, чѣмъ петербургскіе дворяне, къ занятіямъ наукой и искусствомъ. Московскій университетъ, по мысли его основателей, предназначался для мелкаго дворянства, хотя и не носилъ ясно выраженнаго сословнаго характера. Наука уже и тогда казалась не вполнѣ дворянскимъ дѣломъ, во всякомъ случаѣ — не истиннымъ призваніемъ дворянства! Малосостоятельные слои московскаго дворянства должны были поставлять достаточные кадры молодежи для университета и гимназіи при немъ. При наличности университета въ Москвѣ большая часть студентовъ имѣла возможность жить дома, у родственниковъ или знакомыхъ; наконецъ, въ Москвѣ, при большой потребности въ образованіи, не было хорошихъ учителей, и въ видахъ избавленія дворянства отъ ига полуученыхъ иностранныхъ педагоговъ-авантюристовъ, университетъ требовался именно въ Москвѣ. Тѣ сомнѣнія, которыя возникали въ московскомъ обществѣ въ эпоху Петра I при столкновеніи съ западной наукой, теперь уже не имѣли мѣста, и университетъ былъ встрѣченъ общимъ сочувствіемъ.

Университетъ былъ подчиненъ непосредственно сенату, а служащіе въ немъ — университетскому суду. Во главѣ его стояли «кураторы» — И. И. Шуваловъ и «архіятеръ», т.-е. придворный врачъ — Блюментростъ. При университетѣ учреждались двѣ гимназіи, въ угоду сословному міровоззрѣнію, одна — для дворянъ, другая — для разночинцевъ. Назначались для преподаванія на трехъ факультетахъ 10 профессоровъ. Раздѣленіе на факультеты почти совпадаетъ съ современнымъ, нехватаетъ только отдѣленія естественныхъ и математическихъ наукъ, т.-е. какъ разъ тѣхъ отраслей знанія, которыя были особенно развиты при петербургской Академіи наукъ. Въ юридическій факультетъ входили три профессора: 1) натуральнаго и народнаго права, 2) русской юриспруденціи, обязанный особенно обучать внутреннимъ государственнымъ правамъ, 3) политики, обязанный показывать взаимныя отношенія государствъ прошлаго и настоящаго времени. Философскій факультетъ состоялъ изъ 4 профессоровъ: 1) философіи, который долженъ былъ обучать логикѣ, метафизикѣ и нравоученію, 2) физики, 3) краснорѣчія, 4) «исторіи универсальной и россійской», древностей и геральдики. Медицинскій факультетъ имѣлъ 3 профессоровъ — химіи, натуральной исторіи и анатоміи. Профессоръ долженъ былъ преподавать по «руководству», одобренному и предписанному кураторомъ и собраніемъ. Такъ какъ большинство профессоровъ были иностранцы, то лекціи могли читаться по-русски и по-латински, смотря по предмету и происхожденію профессора.

Открытъ былъ Московскій университетъ 22-го апрѣля 1755 года, при очень торжественномъ церемоніалѣ, съ роскошной иллюминаціей университетскаго зданія. Первоначально университетъ помѣщался на Красной площади у Воскресенскихъ воротъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь выстроенъ Историческій музей. Здѣсь стояло зданіе, очень похожее на теперешній домъ Губернскаго правленія, съ такою же вышкой, выстроенное въ серединѣ XVIII вѣка. Въ немъ помѣстился Московскій университетъ, его типографія, арендованная Н. И. Новиковымъ, арендовавшимъ одновременно и «Московскія Вѣдомости», печатавшіяся въ то время въ количествѣ

4,000 экземпляровъ. Тутъ же помѣщалась газетная лавка [1]). Въ 1759 году зданіе у Воскресенскихъ воротъ оказалось тѣсно и для университета былъ пріобрѣтенъ домъ кн. Волконскаго на Моховой. Новое помѣщеніе тоже недолго удовлетворяло потребностямъ Московскаго университета и въ 1785 году возникъ снова вопросъ о новомъ зданіи. Самодуръ-филантропъ, выстроившій московскій Воспитательный домъ, пресловутый Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ предложилъ громадное милліонное пожертвованіе на сооруженіе зданія для университета. Но по какому-то причудливому капризу или по какимъ-нибудь таинственнымъ соображеніямъ настаивалъ на возведеніи университетскихъ зданій на Воробьевыхъ горахъ...

Въ 1785 году для университета былъ пріобрѣтенъ домъ князя Барятинскаго на Моховой, значительно перестроенъ, а въ 1788 году была выстроена при немъ церковь во имя св. Татіаны. Эти постройки были расположены на мѣстѣ теперешняго «Стараго университета» и существовали до пожара 1812 года. Послѣ пожара, около 1819 года, по проекту архитектора Доменико Джилярди выстроено теперешнее величественное «Старое зданіе».

При своемъ основаніи Московскій университетъ не получилъ никакихъ особенныхъ правъ, несмотря на старанія Ломоносова, мечтавшаго о предоставленіи университету «вольностей: лейденскаго и другихъ иностранныхъ университетовъ...» [2]). Дѣятельность профессоровъ находилась подъ стѣснительнымъ наблюденіемъ куратора. Лекціи читались 5 разъ въ недѣлю; въ субботу лекцій не полагалось и профессора засѣдали на собраніи «Конференціи», подъ предсѣдательствомъ директора университета. Лекціи допускались, по тогдашней терминологіи, «публичныя» и «приватныя». «Приватныя» лекціи были близки къ теперешнимъ необязательнымъ курсамъ. «Каждый профессоръ былъ обязанъ ежедневно, кромѣ воскресенья и субботы, не менѣе двухъ часовъ, читать свою науку публично для всѣхъ студентовъ, не требуя съ нихъ никакой платы; кромѣ того, онъ имѣлъ право читать для желающихъ приватные курсы, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы публичные не потерпѣли отъ того никакой остановки, ни препятствія» [3]).

Студенты въ университетъ принимались по экзамену. Курсъ былъ опредѣленъ трехгодичный. Студенты считались какъ бы чиновниками и при поступленіи въ университетъ получали право носить шпагу. Въ послѣднюю субботу каждаго мѣсяца они «должны были держать между собою приватные диспуты, подъ руководствомъ профессоровъ, на тезисы, за три дня имъ объявленные». Въ концѣ же каждаго полугодія назначались публичные диспуты, на которые въ видѣ представителей общественнаго мнѣнія приглашались «любители наукъ». По окончаніи курса выдавались аттестаты, дававшіе право «опредѣляться прямо въ гражданскую службу и имѣть преимущества передъ другими» [4]).

---

[1]) Никифоровъ. Старая Москва. т. I.
[2]) Пекарскій. Исторія Академіи наукъ, т. II.
[3]) Шевыревъ. Исторія Московскаго университета.
[4]) Тамъ же.

Открытіе университета совершилось съ помпой, характеризующей весьма ярко напыщенные нравы эпохи, 26-го апрѣля 1755 года, на слѣдующій день послѣ коронаціи Елизаветы Петровны. Мы остановимся подробнѣе на описаніи этого торжества: оно показываетъ то значеніе, которое придавали современники открываемому университету, а также ихъ взгляды на характеръ научнаго преподаванія, на задачи науки.

Вмѣстѣ съ университетомъ были открыты и обѣ гимназіи. Въ восьмомъ часу утра въ помѣщеніи университета собрались учителя и ученики и начался молебенъ въ Казанскомъ соборѣ. На торжество были приглашены «знатныя особы», родители учащихся, проживающіе въ Москвѣ иностранцы и именитое купечество. Послѣ молебна въ университетской залѣ начались рѣчи, при чемъ для доказательства универсальности науки рѣчи говорились на 4 языкахъ: русскую рѣчь произнесъ магистръ Барсовъ, латинскую — магистръ Поповскій, французскую — учитель Лабомъ, нѣмецкую — учитель Литкенъ.

Извѣстенъ текстъ рѣчи Барсова «О пользѣ учрежденія Московскаго университета». Ея основныя положенія и общій духъ крайнѣ характерны для воззрѣній тогдашняго русскаго общества на задачи науки. Рѣчь началась высокопарнымъ исчисленіемъ благодѣяній императрицы, въ числѣ которыхъ занимаетъ видное мѣсто учрежденіе университета. Вся рѣчь густо пропитана низкопоклонствомъ и желаніемъ засвидѣтельствовать необходимость научныхъ познаній для утвержденія на христіанской религіозной точкѣ зрѣнія. Исходя отъ непреложнаго факта грѣхопаденія человѣка, Барсовъ пришелъ къ выводу, что цѣлью наукъ является вознагражденіе понесеннаго при грѣхопаденіи урона, нанесеннаго «онымъ громкимъ паденіемъ естества нашего»...

Въ такомъ духѣ велась и дальнѣйшая рѣчь. Затѣмъ послѣдовало обильное угощеніе и роскошная аллегорическая иллюминація. Иллюминація «изображала Парнасъ. Минерва ставитъ на немъ обелискъ во славу императрицы. У подошвы обелиска многіе младенцы упражняются въ наукахъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ незабвенное имя Шувалова. Рогъ изобилія и источникъ водъ тутъ же, какъ символы будущихъ плодовъ ученія. Ученикъ съ книгою всходитъ по ступенямъ къ Минервѣ, которая принимаетъ его съ любовью. Съ пальмоваго дерева младенецъ ломаетъ вѣтви и держитъ въ рукѣ вѣнцы и медали: награды, всегда готовыя для успѣвающихъ»—сообщаетъ Шевыревъ. Въ память основанія университета была выбита медаль.

Первые два года существованія Московскаго университета прошли въ организаціонныхъ заботахъ, въ постепенномъ налаживаніи сложнаго и къ тому же новаго для Россіи дѣла высшаго преподаванія. Уже въ 1755 году былъ заполненъ комплектъ 50 казеннокоштныхъ студентовъ, набранныхъ частью изъ семинарій и духовныхъ академій. Ученіе, какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіяхъ, было плохо налажено, но это не мѣшало устраивать очень часто торжественныя засѣданія, акты и иллюминаціи,— все это въ предвкушеніи великаго будущаго перваго русскаго университета. Одинъ изъ первыхъ его дѣятелей профессоръ Поповскій говорилъ

Фото-типо-гравюра Т-ва „Образованіе“.

„Мамоновская дача“.—бывшее имѣніе гр. Дмитріева-Мамонова.

на торжественномъ актѣ 26-го апрѣля 1756 года о значеніи университета: «Безчисленныя тысячи нашего потомства прежде еще своего рожденія симъ благодѣяніемъ уже обязаны... Дождемся блаженнаго онаго времени, когда изъ сего премудрою государынею учрежденнаго мѣста—произойдутъ судіи, правду отъ клеветы отдѣляющіе, полководцы, на морѣ и на землѣ спокойство своего отечества утверждающіе, когда процвѣтутъ здѣсь мужи, закрытыя натуры таинства открывающіе...»

1756 годъ былъ для университета годомъ упроченія и расширенія его правъ, его дѣятельности, контингента его слушателей. Указомъ отъ 17-го мая было позволено «недорослямъ изъ шляхетства, бывшимъ въ указные сроки на смотрахъ, учиться въ университетѣ до 16 лѣтъ, а по склонности къ наукамъ и до 20»; нѣкоторыя другія права, данныя воспитанникамъ университета, какъ-то—опредѣленіе «успѣвшихъ въ наукахъ» въ штатскіе чины и предоставленіе имъ ранговъ оберъ-офицеровъ арміи, разрѣшеніе записаннымъ въ военную и гражданскую службу одновременно учиться и числиться на службѣ съ производствомъ чиновъ,—всѣ эти льготы, приравнявшія ученіе службѣ, привлекли къ университету многочисленныхъ представителей московскаго дворянства. Потребности университета расширились, первоначальное помѣщеніе оказалось тѣсно и пришлось перевести его на Моховую, пріобрѣтя для этого домъ Главной Аптеки.

Указомъ 5-го марта подтверждено, что Московскій университетъ не подчиненъ никакому иному мѣсту, кромѣ Правительствующаго Сената. Указомъ 8-го марта велѣно Синоду передать университету гражданскую часть духовной типографіи со всѣми инструментами и книгами, печатанными гражданской печатью. Университетская типографія снабжала университетъ и гимназіи учебными пособіями. Открытая въ апрѣлѣ 1756 года при университетѣ книжная лавка снабжала его книгами, выписанными изъ-за границы. 26-го апрѣля 1756 года вышелъ первый номеръ «Московскихъ Вѣдомостей»; кромѣ университетскихъ новостей, вродѣ сообщеній о диспутахъ, о торжествахъ, объ именахъ произведенныхъ въ студенты, о наградахъ и т. п., «Московскія Вѣдомости» сообщали о выдающихся событіяхъ въ Россіи и Западной Европѣ.

Наконецъ, 3-го іюля 1756 года была открыта для «любителей наукъ и охотниковъ до чтенія» библіотека, составленая «изъ знатнаго числа книгъ на всѣхъ почти Европейскихъ языкахъ».

На торжественныхъ актахъ и публичныхъ диспутахъ произносились рѣчи—«О причинахъ наукъ», «О преизяществѣ краснорѣчія», «О средствѣ, какимъ образомъ наукамъ обучать и обучаться».

Всѣ эти культурныя предпріятія университета—газета, типографія, книжная лавка, диспуты, общеніе съ людьми науки—замѣтно оживляли умственную жизнь Москвы, способствовали росту въ ней не столько научныхъ, сколько литературныхъ интересовъ. И съ каждымъ десятилѣтіемъ все тѣснѣе и неразрывнѣе становится связь между московскимъ обществомъ и университетомъ. Расширяется кругъ лицъ, причастныхъ къ наукѣ, демократизируются знанія, выходя изъ тѣсной касты жрецовъ науки и захватывая всѣ слои образованнаго общества.

Научная жизнь университета развивается очень быстро, хотя на характерѣ преподаваемыхъ наукъ лежитъ отпечатокъ неопредѣленности, спутанности всѣхъ понятій и схоластической религіозности, а также отсутствія научныхъ методовъ,—которымъ отмѣчена европейская наука первой половины XVIII вѣка. Чтобы дать представленіе о схоластической сложности тогдашнихъ научныхъ понятій, приводимъ рядъ тезисовъ, выставленныхъ на публичномъ студенческомъ диспутѣ по философіи, подъ руководствомъ профессора Фроманна:

«1) Логика не есть навыкъ и орудіе къ познанію прочихъ наукъ, но дѣйствительно между науками должна почитаться.

2) Логика приноситъ великую пользу, хотя и не избѣжала совсѣмъ отъ подозрѣнія, будто бы она не была полезна.

3) Логика не есть только умозрительная наука, но и къ дѣйствію клонится.

4) Однако, несмотря на то, прочимъ наукамъ по справедливости предпочитается.

5) Кто не имѣетъ знаковъ—подробнаго понятія, о томъ не должно думать, будто бы онъ имѣлъ идею только кофузную (т.-е. смѣшанную).

6) Знакъ возможности какой-нибудь вещи состоитъ въ томъ, когда мы разумѣемъ способъ, какъ она въ бытіе притти можетъ.

7) А знакъ бытія въ томъ, когда она или себя самую понимаетъ, или другимъ представляться можетъ.

8) Душа человѣческая сама себѣ всегда извѣстна.

9) Однако не всегда имѣетъ подробныя о вещахъ идеи.

10) Исправленіе разума есть начало душевной воли и т. д.

11) Нѣтъ рока, и онъ есть одинъ вымыселъ ложныхъ философовъ [1])».

Въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранился латинскій текстъ этихъ тезисовъ, при чемъ защищавшіе и опровергавшіе ихъ студенты въ угоду пышному вѣку обозначены названіями городовъ, изъ семинарій которыхъ они перешли въ университетъ: Любинскій—Kiovensis, Рудаковъ—Pereslaviensis, Дмитріевъ—Mosquensis, Ѳедоровъ—Susdalensis и даже Садовскій—Nisnenovgrodensis...

При основаніи университета въ составъ его профессоровъ вошло двое русскихъ — ординарный профессоръ элоквенціи и магистръ философіи Николай Ильичъ Поповскій (1730 — 1760 г.) и «Краснорѣчія публичный и ординарный профессоръ» Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ (1730—1791 г.).

Оба они были учениками Петербургской Академіи наукъ. Остальные профессора были сплошь иностранцы: магистръ тюбингенскаго университета Шаденъ, профессоръ «исторіи и правъ» Дильтей, воспитанникъ инсбрукскаго, страсбургскаго и вѣнскаго университетовъ, которымъ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ держался весь юридическій факультетъ, Іоганнъ Генрихъ Фроманнъ, преподававшій логику, метафизику и правоученіе, Рейхнеръ и Келлнеръ—ученики лейпцигскаго университета, Ростъ

[1]) Шевыревъ. Исторія Московскаго университета. Стр. 74.

изъ Геттингена, положившій основаніе математическому отдѣлу философскаго факультета и Керштенсъ, представлявшій собой медицинскій факультетъ.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ профессоровъ перваго призыва наиболѣе яркими и типичными фигурами являются Барсовъ и Дильтей. Знакомство съ ихъ научными воззрѣніями и педагогическими пріемами вводитъ насъ во внутреннюю жизнь первыхъ лѣтъ Московскаго университета, рисуя одновременно и ея слабыя, отрицательныя стороны и тѣ сѣмена будущаго научнаго расцвѣта, которыя намѣтились уже въ то время.

Филиппъ Генрихъ Дильтей—туманный метафизикъ, близкій подчасъ къ схоластикѣ, читалъ въ Москвѣ естественное право. Малая доступность лекцій заставила разбѣжаться почти всѣхъ его слушателей... Родомъ тирольцъ, онъ былъ вызванъ въ Россію, какъ профессоръ исторіи и правъ, по особому контракту съ жалованьемъ въ 500 рублей. Объявленіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объ его первой лекціи гласило такъ: «Профессоръ за благо разсудилъ, что онъ не безполезно учинитъ, есть ли о нуждѣ и пользѣ права перстомъ Божескимъ во всѣхъ сердцахъ написаннаго и чрезъ справедливое разсужденіе всему человѣческому роду объявленнаго, рѣчь свою предлагать будетъ». Дильтей, какъ видно изъ его дальнѣйшей дѣятельности, былъ профессіональнымъ пачетчикомъ, ремесленникомъ науки, эксплоатировавшимъ свои знанія въ денежныхъ цѣляхъ и мало заботившемся о своей наукѣ. Въ ущербъ университетскимъ занятіямъ пошли его публичныя лекціи, за которыя онъ бралъ по 12 рублей со слушателя, требуя половину денегъ впередъ. Это партикулярное занятіе приносило предпріимчивому ученому хорошій гонораръ. Съ другой стороны нужно отдать справедливость Дильтею,—на немъ въ продолженіе 10 лѣтъ держался весь юридическій факультетъ. Въ его «Каталогѣ чтеній» помѣщалось—естественное право, римское, феодальное, уголовное, государственное—и все это предлагалось на 4 языкахъ, по выбору слушателей, по 8 часовъ въ недѣлю. Дильтей энергично устраивалъ студенческіе диспуты.

Первый изъ нихъ былъ устроенъ 17-го декабря 1756 года подъ вычурнымъ заглавіемъ: «Опытъ успѣховъ въ естественномъ правѣ, который подъ руководствомъ Филиппа Генриха Дильтея, обѣихъ правъ доктора, Курфиршеской Могунтинской Академіи Полезныхъ Наукъ Члена, Правъ и исторіи профессора, окажутъ студенты Иванъ Алексѣевъ и Матвѣй Елисѣевъ, отвѣтствуя на вопросы и противныя мнѣнія которыя предложены быть имѣютъ отъ студентовъ же Семена Герасимова, Сергѣя Малиновскаго, Антона Котцаурека и Петра Ямпольскаго въ Университетской Аудиторіи поутру декабря 17 дня».

Въ числѣ тезисовъ были и такія сумбурныя схоластическія положенія, какъ «совѣсть есть и предыдущая или послѣдующая, или достовѣрная, или вѣроятная, или правая, или ложная, или сомнительная, или напослѣдокъ безчувственная». Преподаваніе и усвоеніе подобныхъ истинъ едва ли могло способствовать развитію ума, давать полезныя для практики свѣдѣнія, а между тѣмъ первыя десятилѣтія работы Московскаго универ-

ситета прошли подъ знакомъ подобной замысловатой науки. Неисправность разбросавшагося Дильтея привела университетскаго директора Ададурова въ 1765 году къ убѣжденію, что «отъ Дильтея никакого плода нѣтъ», начались колебанія его карьеры; конференція подвергла профессора экзамену, нашла способнымъ и снова допустила къ преподаванію.

Особенно трудно пришлось Дильтею при переходѣ отъ естественнаго права къ русскому. Ему пришлось признать свою неподготовленность и неспособность орієнтироваться въ чуждой для него области. Онъ ограничился примѣненіемъ русскихъ законовъ къ готовой системѣ римскаго права. Противорѣчія, которыя должны были бы неминуемо сказаться, скрывались той отвлеченной философіей и теоретическими разсужденіями, которыя отличаютъ науку XVIII вѣка. Въ 1781 году Дильтей умеръ въ Петербургѣ [1]).

Вторую крупную фигуру Московскаго университета, хотя и совершенно иного склада, представлялъ Антонъ Барсовъ. Москвичъ по рожденію, онъ вмѣстѣ съ Поповскимъ учился сначала въ московской Славяно-Греко-Латинской Академіи и въ 1748 году поступилъ въ петербургскую Академію наукъ, гдѣ слушалъ лекціи математики у проф. Рихмана, «элоквенціи», т.-е. краснорѣчія—у Тредьяковскаго, римской словесности—у Крузіаса, новой исторіи—у Штубе, исторіи Новаго Завѣта—у Фишера, логики и метафизики—у Брауна. Когда въ 1750 году студентамъ было предложено избрать себѣ науки по склонности, Барсовъ избралъ себѣ философію и астрономію, что при тогдашней спутанности всѣхъ наукъ не помѣшало ему преподавать въ Московскомъ университетѣ «элоквенцію», математику и сочинять грамматику.

При открытіи въ Москвѣ университета Барсовъ былъ приглашенъ въ качествѣ профессора математики, которую и преподавалъ до 1761 года, когда, по смерти Поповскаго, опредѣленъ былъ на его мѣсто профессоромъ краснорѣчія—«за ревность къ публичной съ начала университета службѣ и познаніе наукъ, и по другимъ добрымъ качествамъ». По этому поводу онъ выступилъ съ рѣчью «О пользѣ краснорѣчія въ Россійской имперіи». Симпатіи и склонности Барсова несомнѣнно цѣликомъ лежали къ «элоквенціи» и профессоромъ математики онъ былъ только по должности. Вся его научная дѣятельность прошла на почвѣ службы «элоквенціи». Наука эта обладала весьма растяжимыми границами и, начинаясь съ ораторскаго искусства, включала литературу, теорію словесности, критику и т. д. «Въ преподаваніи элоквенціи Барсовъ постоянно излагалъ основанія риторики по Эрнестію, также и по Бургію (Elementa oratoria); объяснялъ нѣкоторыя рѣчи Цицерона, пѣсни изъ Энеиды, комедіи Плавта и Теренція, оды и посланія Горація, отрывки изъ первой книги Ксенофонтовыхъ воспоминаній о Сократѣ, оды, похвальныя слова и героическую поэму Ломоносова; показывалъ употребительнѣйшіе размѣры въ Русскомъ и Латинскомъ языкахъ; упражнялъ слушателей въ переводахъ съ древнихъ на Русскій языкъ и съ Русскаго на Латинскій,

[1]) «Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета», т. I. М. 1855 г.

равно и въ сочиненіяхъ, стихами и прозой, на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ» [1]).

Важность этихъ обширныхъ занятій становится понятной, если принять во вниманіе ту среду, въ которой протекала дѣятельность Московскаго университета во вторую половину XVIII вѣка. Обезпеченная и свободная дворянская молодежь, только что соприкоснувшаяся съ культурой, жадно впитывала въ себя ростки образованности. Эстетическіе и литературные интересы пробуждались прежде и сильнѣе научныхъ, можетъ быть потому, что наука требуетъ всего человѣка, не принимаетъ легкаго поклоненія, въ литературѣ же можно дилетантствовать. Кромѣ того, «элоквенція» съ ея богатствомъ образовъ и историческаго матеріала давала какъ разъ тотъ минимумъ внѣшней образованности, который требовался отъ русскаго дворянина конца XVIII вѣка. Научныя знанія остались бы мертвымъ балластомъ въ головѣ культурнаго помѣщика или офицера, но знаніе литературы, умѣніе сложить мадригалъ или сентиментальный экспромтъ, продекламировать нѣсколько высокопарныхъ латинскихъ или французскихъ стиховъ,—все это придавало культурный блескъ юношѣ. Литературная образованность, однимъ изъ виднѣйшихъ источниковъ которой были университетскія лекціи и профессора элоквенціи, быстро прививалась въ Москвѣ и къ концу вѣка вызвала въ ней цѣлый потокъ всякихъ журналовъ, альманаховъ, стихотвореній оригинальныхъ и переводныхъ. На этой дилетантской почвѣ показывались первые ростки русской литературы. Вокругъ Московскаго университета складывался талантъ Карамзина, Жуковскаго и многихъ болѣе мелкихъ литературныхъ именъ конца XVIII вѣка, способствовавшихъ могучему взлету русской литературы, преимущественно—поэзіи, отъ тяжелаго и грубоватаго Державина къ тонкому мастерству Жуковскаго, Батюшкова, молодого Пушкина. Русская литературная образованность начала XIX вѣка питалась тремя источниками—античной поэзіей, преимущественно латинской, французскимъ творчествомъ XVIII вѣка и позднѣе—нѣмецкимъ сентиментальнымъ романтизмомъ; сначала шли переводы, затѣмъ подражанія и наконецъ самостоятельное творчество. И всѣ эти три ключа русской образованности шли черезъ Московскій университетъ, главнымъ образомъ черезъ профессоровъ элоквенціи, первой крупной фигурой изъ которыхъ былъ Барсовъ...

Кромѣ чисто литературныхъ интересовъ, въ насажденіи которыхъ среди московской университетской молодежи мы видимъ его главную заслугу, профессоръ Барсовъ интересовался русской исторіей, русскимъ языкомъ и древней словесностью. Въ 1771 году Барсовъ издалъ, какъ учебное руководство для гимназій, «Краткія правила Россійской грамматики»—первую, кажется, изъ русскихъ книгъ, имѣвшую громадный тиражъ, выдержавшую десять изданій. Въ 1785 году онъ представилъ на разсмотрѣніе училищнаго совѣта «Обстоятельную Россійскую Грамматику» въ 4 частяхъ, сочиненную для народныхъ училищъ. Новизна положеній по-

[1]) «Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета», т. I. М. 1855 г.

мѣшала ей быть изданной. Въ разработкѣ теоріи русскаго языка Барсовъ является достойнымъ преемникомъ Ломоносова. Интересно отмѣтить, что онъ мечталъ объ уничтоженіи звука ѣ, о замѣнѣ его въ серединѣ словъ апострофомъ.

Практическая дѣятельность—чтеніе многочисленныхъ лекцій, а также и цензура печатаемыхъ при университетской типографіи книгъ, сокращали количество научныхъ трудовъ Барсова. Главныя заслуги его—въ области преподаванія. Ученики Барсова оставили интересныя воспоминанія о немъ, рельефно рисующія намъ типъ русскаго ученаго XVIII вѣка; яркую характеристику Барсова даетъ его ученикъ И. Ѳ. Тимковскій: «Старикъ былъ немного низкаго росту, кубической толщины, имѣлъ огромное лицо и парикъ, профиль овальный, носъ большой, отъ полнаго лица обвислыя щеки, толстые выпуклые глаза, языкъ съ присыкомъ, говорилъ красно, писалъ сухо. Съ природною ему важностью соединялъ шутки и насмѣшку; богатый имѣлъ запасъ пословицъ; говоря шутку, почти всякій разъ опускалъ лицо, заслонялъ брови рукою и глядѣлъ изподлобья... Знакомя съ авторами въ прозѣ и поэзіи, проходилъ ихъ мѣстами и всегда обложенъ былъ разными ихъ изданіями, для критики и варіантовъ. Страшна была полная книгъ красная сафьянная киса его, которую, вынувъ изъ кареты, пока самъ онъ всходилъ, опираясь на высокую трость съ золотою головкою, вносилъ передъ нимъ на плечахъ Кселифонтъ и опорожнялъ, укладывая книги на столѣ»...

Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ находимъ любопытнѣйшія бытовыя страницы жизни Московскаго университета въ концѣ XVIII вѣка,—его нравы, патріархальность отношеній между студентами и профессорами, крайнюю простоту педагогическихъ пріемовъ; Барсовъ на лекціяхъ—«не щадилъ ѣдкихъ упрековъ студентамъ въ отлучкахъ, въ ошибкахъ, или разсѣянiи»: «Добро пожаловать! Что, судырь, на именинахъ погуляли, али по можжевельничку плясали?—Что, судырь, на васъ голова али чайникъ?—Какой звѣрекъ у васъ, судырь, пробѣжалъ въ очахъ?»—Ошлбся ли кто въ анализѣ, въ выговорѣ, или декламаціи мѣстъ, или въ сочиненіи на словѣ пропустилъ букву, или запятую въ письмѣ, передразнитъ, переиначитъ и шумитъ: «По-вашему это малость! Нѣтъ, судырь! Изъ малаго составляется большое! Какой изъ васъ будетъ студентъ?—И, поворотя лицомъ въ одну сторону, а глазами въ другую, продолжаетъ: «Будетъ верхолетъ, судырь, чумичка!»

О преподавательскихъ пріемахъ Барсова замѣчаетъ Тимковскій: «Излагая писателей, онъ примѣнялся въ изложеніи къ ихъ характеру: былъ важенъ и разсудителенъ при чтеніи историковъ; оживлялъ движеніе рѣчей ораторскихъ; восторженъ и копотливъ въ одахъ и эпопеѣ; нѣжился съ Ѳеокритомъ; бывалъ веселъ, шутливъ и любезенъ въ сатирахъ Горація и Ювенала, въ комедіяхъ Плавта и Теренція. Можно сказать, что онъ душевно былъ добръ и влюбленъ въ изящество».

Къ Барсову былъ близокъ Карамзинъ и вообще въ московскомъ обществѣ онъ игралъ видную роль. «Въ университетскомъ правленіи,—говоритъ М. Н. Муравьевъ,—имѣлъ великое вліяніе и уваженіе въ разсужденіи по-

стоявшихъ правилъ, которымъ послѣдовалъ. Нравы его были непорицательной честности, и важность его не мѣшала добросердечію и пріятности обхожденія. Онъ былъ уважаемъ въ публикѣ московской и имѣлъ пріятелей въ отличномъ кругѣ людей» [1]).

Теперь Барсовъ незаслуженно прочно забытъ. Но имя его навѣрно многимъ кажется знакомымъ. На старыхъ Екатерининскихъ книгахъ, въ ихъ вѣковыхъ кожаныхъ переплетахъ постоянно приходится встрѣчать имя цензора Антона Барсова. А между тѣмъ онъ былъ изъ первыхъ создателей той благопріятной, литературно-образованной почвы, на которой выростали таланты Богдановича, Карамзина, Жуковскаго и многихъ ихъ современниковъ!

Московское общество скоро свыклось и даже сроднилось съ университетомъ. Въ 1760 году въ гимназіяхъ при Московскомъ университетѣ числилось 118 учениковъ, первые студенты, какъ было сказано выше, были набраны изъ духовной академіи и семинаріи. Въ 1758 году было уже 15 своихъ, т.-е. воспитанныхъ въ университетской гимназіи, студентовъ, а въ 1760 году ихъ было уже 30, при чемъ нѣкоторымъ было подъ 40 лѣтъ [2]).

Въ большинствѣ своемъ первые питомцы Московскаго университета оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды. Изъ ихъ рядовъ вышло нѣсколько профессоровъ, писателей (Фонвизинъ, Богдановичъ) и государственныхъ дѣятелей, оставившихъ свой слѣдъ въ русской исторіи. Но условія обученія были на теперешній взглядъ невозможныя. Набранные со всѣхъ концовъ Западной Европы профессора, въ большинствѣ—ученые невысокаго разбора, чтеніе лекцій на 4 языкахъ, бѣдность университета, доходившая до того, что профессора и учителя по мѣсяцамъ не получали жалованья, а ученики терпѣли нужду въ пищѣ и одеждѣ, отсутствіе книгъ и учебныхъ приспособленій—все это вредно отзывалось на просвѣтительной работѣ университета. Тѣмъ не менѣе вниманіе общества къ университету растетъ, среди его слушателей встрѣчаются аристократическія и титулованныя фамиліи: кн. Хованскаго, Долгорукаго, Прозоровскаго, Шереметева и другихъ. Число студентовъ растетъ и, хотя не уступаетъ ему въ ростѣ ежегодный списокъ исключаемыхъ изъ университета и гимназіи за нерадѣніе, есть свидѣтельства о серьезности и учености московскихъ студентовъ. Болотовъ въ своихъ извѣстныхъ «Запискахъ» говоритъ: «... побуждало меня къ множайшему занимапію себя книгами и науками знакомство съ присланными къ намъ (въ Кенигсбергъ) изъ Москвы студентами. Всѣ они были не вертопрахи и не шалуны, а прилежные и къ наукамъ склонные молодые люди...»

Ежегодно выпускаемые «Каталоги лекцій» Московскаго университета, т.-е. нѣчто вродѣ современныхъ обзоровъ преподаванія, свидѣтельствуютъ о расширеніи программы, объ ея растущей систематичности. Въ первомъ объявленіи о началѣ лекцій названы только три профессора: Дильтей, читающій публично—«Курсъ естественнаго и народнаго права и всеоб-

[1]) «Труды любителей россійской словесности», 1804 годъ.
[2]) «Вѣстникъ Европы», 1876 г., № 10; ст. В. Иконникова.

Кн. С. Н. Трубецкой. Ректоръ Московскаго Университета. † 1905 г.

Н. А. Алексѣевъ. Городской Голова. † 1893 г.

щей исторіи», а «приватно»—«Право естественное на французскомъ языкѣ, также для желающихъ гражданское римское и право государственное Римской Имперіи, на латинскомъ или французскомъ, итальянскомъ или нѣмецкомъ языкахъ». Поповскій объяснялъ Саллюстія, предлагалъ «основанія слога по Гейнекцію и риторику по Эрнестію, упражнялъ студентовъ въ сочиненіяхъ: латинскихъ и русскихъ». Фроманнъ читалъ публично метафизику и логику, «упражнялъ студентовъ въ диспутахъ». Кромѣ того, университетъ предлагалъ искусныхъ учителей для гимнастическихъ упражненій.

Въ объявленіи о лекціяхъ второй половины 1757 года программа курса кажется значительно болѣе разработанной. Кромѣ уже извѣстныхъ Дильтея, Поповскаго и Фроманна, — аббатъ Франкози читалъ на французскомъ языкѣ курсъ экспериментальной физики, Шаденъ преподавалъ греческій языкъ, греческія и римскія древности, «введеніе въ свободныя науки», для желающихъ — нумизматику и геральдику; Барсовъ — математику по-русски; магистръ Данило Савичъ—географію, Келлнеръ—всеобщую исторію и нѣмецкое краснорѣчіе, Панафило — итальянскій и греческій языки, Ростъ—англійскій языкъ и для желающихъ—механику, военную и гражданскую архитектуру и «первыя три части чистой математики»; Гильомъ Рауль—французскій языкъ, съ объясненіемъ латинскихъ авторовъ на французскомъ и французскихъ на латинскомъ языкѣ; Рейхель—грамматику нѣмецкаго языка и правила нѣмецкаго краснорѣчія, равно исторіи философіи и литературы. Наконецъ, при университетѣ были учителя фехтованія и рисованія.

Въ 1760 году на казенномъ коштѣ было 30 студентовъ, изъ нихъ четверо «назначали себя» для театра; учениковъ гимназіи было 100, съ такимъ распредѣленіемъ: 12 благородныхъ и 12 разночинцевъ должны были заниматься французскимъ и нѣмецкимъ языками, не изучая древнихъ языковъ; «76 шли латинскими классами». Сверхъ этихъ 100 учениковъ гимназіи — 18 учениковъ изъ разночинцевъ составляли труппу московскаго театра и содержались на счетъ антрепренера Локателли, державшаго русскій театръ и итальянскую оперу. Изъ числа этихъ 18—десять обучалось вокальной и инструментальной музыкѣ, двое—театральной живописи и шестеро — танцамъ. Такимъ образомъ Московскій университетъ на первыхъ порахъ своего существованія былъ какой-то энциклопедической академіей, поставлявшей образованныхъ людей по всѣмъ профессіямъ, начиная отъ переводчиковъ для русской арміи, находящейся во время Семилѣтней войны въ Германіи, и кончая театральной живописью...

Тормозящимъ факторомъ въ первые годы дѣятельности университета были иностранные профессора—ремесленники науки, въ большинствѣ своемъ относившіеся къ университету и своимъ научнымъ занятіямъ только съ точки зрѣнія выгоднаго заработка. Ихъ вѣчныя дрязги изъ-за старшинства, насмѣшливое отношеніе ко всѣмъ культурнымъ начинаніямъ университета и пренебрежительное отношеніе къ чужой, кормящей ихъ странѣ, наконецъ, ихъ неприспособленность къ русскимъ условіямъ—все это отнюдь не способствовало процвѣтанію еще не окрѣпшаго университета.

С. Шевыревъ даетъ нѣсколько типичныхъ штриховъ изъ біографіи профессора Рейхеля: «Онъ, до полученія мѣста профессора, долженъ былъ жить учителемъ въ частномъ домѣ и терпѣлъ горькую нужду. Лекціи ему назначены были послѣ обѣда, отъ 4 до 6 часовъ. Все утро посвящалъ урокамъ въ домѣ, гдѣ жилъ. По обычаю русскихъ баръ поздно обѣдать, весьма часто на тощій желудокъ отправлялся онъ въ университетъ на лекцію, а зимой возвращаться послѣ 6 часовъ домой; въ ночной темнотѣ была новая для него непріятность: профессоръ опасался сдѣлаться жертвой множества собакъ, бѣгавшихъ по улицамъ».

Съ расширеніемъ преподаванія въ университетѣ растетъ и его вліяніе на московское общество. Въ 1760 — 61 годахъ университетъ уже вполнѣ налаженъ, хотя и ощущается недостатокъ въ старательныхъ и особенно русскихъ профессорахъ. Культурное вліяніе университета становится все сильнѣе. Издательская и литературная дѣятельность превращаетъ его въ яркій свѣточъ просвѣщенія въ Москвѣ. Университетская газета «Московскія Вѣдомости» расходится цѣликомъ, и уже въ 1760 году невозможно найти въ книжной лавкѣ комплекта за прошлый годъ. Печатаются не только курсы профессоровъ и учебныя руководства. Университетская типографія выпускаетъ сочиненія Ломоносова, переводъ въ стихахъ Поповскаго «Опыта о человѣкѣ» Попе, изъ-за котораго вышли недоразумѣнія съ духовной цензурой, его же переводъ книги Локка о воспитаніи, «Записки графа Монтекукули или главныя правила военной науки вообще», разсужденія Боссюэта, комедіи Мольера, оды, комедіи и трагедіи Хераскова.

Кромѣ «Вѣдомостей» возникаетъ при университетѣ еще нѣсколько періодическихъ изданій. Въ 1760—62 годахъ выходитъ «Полезное увеселеніе», издаваемое Херасковымъ, наполненное стихотвореніями, переводами и прозаическими опытами. Въ «Полезномъ увеселеніи» принимаютъ участіе и студенты. Въ 1762 году уже упоминавшійся профессоръ Рейхель предпринимаетъ періодическое изданіе подъ затѣйливымъ названіемъ «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія, или смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, тако жъ до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ». Изданіе это, почти сплошь заполненное переводами, скоро прекратилось.

Царствованіе Екатерины II было временемъ неуклоннаго расширенія и прогресса Московскаго университета: увеличеніе контингента учащихся, введеніе преподаванія на русскомъ языкѣ, увеличеніе числа русскихъ профессоровъ,—все это способствовало процвѣтанію академической жизни.

Въ 1763 году окончательно отдѣлена отъ Московскаго университета и переведена въ Петербургъ Академія Художествъ, до сихъ поръ существовавшая въ видѣ вспомогательнаго учрежденія при университетѣ. Въ 1782 году увеличена на 6,000 р. «штатная сумма» на содержаніе университета и мотивомъ къ этому увеличенію ассигновки была та польза, «которую многія мѣста заимствуютъ отъ умноженія въ Московскомъ

университетѣ наукъ и учащихся и для дальнѣйшаго того распространенія...» [1]).

Въ отношеніи правительства къ университету на всемъ протяженіи царствованія Екатерины II замѣчается стремленіе расширить его просвѣтительную работу, дѣлая его разсадникомъ культурныхъ силъ и преподавателей для всей Россіи. Указомъ 1-го сентября 1782 года была учреждена «Комиссія для народныхъ училищъ» и Московскій университетъ, вмѣстѣ съ Академіей Наукъ призваны помогать ея работѣ. Комиссія эта—говоритъ указъ,—«...ни отъ кого лучшаго пособія заимствовать не можетъ, какъ отъ нашихъ здѣшней Академіи Наукъ и Московскаго университета». Въ 1785 году университетъ долженъ былъ помогать московскому главнокомандующему завести въ Москвѣ по всѣмъ частямъ города народныя училища. Сенатъ въ 1777 году запросилъ университетъ, можетъ ли онъ «экзаменованными и достойными» учителями удовлетворить всю имѣющуюся нужду въ нихъ, а также снабдить хорошими преподавателями всѣхъ лицъ, которымъ могутъ потребоваться учителя для воспитанія дѣтей. Но университетъ, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ объ имѣющемся спросѣ, не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. И въ дальнѣйшемъ Сенатъ неоднократно интересовался, какое количество дипломированныхъ учителей уже выпустилъ и можетъ выпускать ежегодно университетъ? Такимъ образомъ Московскій университетъ становился какъ бы оплотомъ русской образованности, помогая правительству въ его борьбѣ съ заполонившими Россію иностранцами-преподавателями и гувернерами. На университетъ еще въ 1757 году было возложено, плохо однако исполнявшееся, порученіе экзаменовать и снабжать удостовѣреніями иностранныхъ учителей и содержателей пансіоновъ. Наконецъ, указомъ 29-го сентября 1791 года университету дано право выдавать своимъ ученикамъ степень доктора медицины; благодаря этому нововведенію, былъ окончательно упроченъ его медицинскій факультетъ, потому что раньше это право принадлежало только «Медицинской коллегіи».

Въ это же царствованіе значительно улучшилось и помѣщеніе университета: въ 1785 году для него пріобрѣтенъ домъ кн. Барятинскаго на Моховой, а въ 1786 году заложенъ новый университетскій корпусъ, на постройку котораго отпущено 125,000 рублей. Въ 1787 году годовое содержаніе университета увеличено еще на 9,000 рублей. Зданіе университета было закончено только въ 1793 году.

Процвѣтанію университета много способствовало московское общество, которое теперь не только сумѣло оцѣнить пользу научныхъ учрежденій, но и активно содѣйствовать имъ. Въ 1779 году Прокофій Демидовъ пожертвовалъ университету 20,000 рублей; эта сумма образовала т. н. «Демидовскій пансіонъ», на проценты съ котораго содержалось въ университетѣ шесть студентовъ, предназначенныхъ къ занятію профессорскихъ каѳедръ.

Наслѣдники Демидова пожертвовали университету собранный имъ роскошный гербарій и часть библіотеки. Въ 1783 году Я. Б. Твердыи-

[1]) Указъ 1-го іюня 1782 года.

шевъ пожертвовалъ университету 20,000 рублей на содержаніе студентовъ. Въ 1782 году неизвѣстное лицо предложило университету учредить «Семинарію переводчиковъ» для переложенія лучшихъ иностранныхъ писателей и особенно нравоучительныхъ сочиненій на русскій языкъ». Неизвѣстный бралъ на свое иждивеніе 6 студентовъ-переводчиковъ и, кромѣ того, друзья жертвователя предлагали содержать еще 10.

Затѣмъ при университетѣ на частныя средства было организовано знаменитое «Ученое дружеское общество», поставившее себѣ цѣлью способствовать «распространенію русской словесности». Съ этимъ обществомъ связана дѣятельность Новикова и первые литературные успѣхи Карамзина. Энтузіазмъ, окружавшій университетъ, способствовалъ тому, что нѣкоторые преподаватели читали безвозмездно публичныя лекціи. Перечисленіе всѣхъ пожертвованій, сдѣланныхъ Московскому университету русскимъ обществомъ въ царствованіе Екатерины II, можно довести до безконечности: Никита Демидовъ въ 1779 году прислалъ 55,000 листовъ желѣза и, кромѣ того, 800 пудовъ на нужды университетскихъ зданій; П. С. Сумароковъ подарилъ въ 1780 году университету свой домъ съ садомъ и оранжереями; Б. С. Салтыковъ, «любимецъ Шувалова и пріятный собесѣдникъ Вольтера въ его Фернейскомъ уединеніи», прислалъ въ подарокъ 500,000 кирпича; былъ пожертвованъ рядъ минералогическихъ, ботаническихъ коллекцій и т. д.

Въ 1762 году куратором университета назначенъ В. Е. Ададуровъ, пробывшій въ этой должности до 1771 года, а 13-го іюля 1763 года директоромъ назначенъ поэтъ Мих. Матв. Хераскова,—и съ именемъ этихъ двухъ лицъ, особенно Хераскова, связана одна изъ наиболѣе памятныхъ полосъ въ лѣтописи Московскаго университета. Въ кураторство Ададурова былъ выработанъ проектъ устава и штатовъ университета и въ 1767 году отправленъ въ Сенатъ. Это было важнымъ начинаніемъ во внутренней жизни университета. Затѣмъ Ададуровъ значительно расширилъ контингентъ профессоровъ-нѣмцевъ, пригласивъ профессора юриспруденціи Лангера и Эразмуса для подкрѣпленія научныхъ силъ медицинскаго факультета, состоявшаго изъ одного Керштенса. Эразмусъ, бывшій съ 1757 года докторомъ при «повивальномъ домѣ» въ Москвѣ, открылъ каѳедру анатоміи, хирургіи и повивальнаго искусства.

Ададурову принадлежитъ также починъ въ увеличеніи количества русскихъ ученыхъ при университетѣ. Изъ молодыхъ русскихъ ученыхъ былъ набранъ рядъ профессоровъ—Аничковъ, Афонинъ, Веніаминовъ, Десницкій, Зыбелинъ, Третьяковъ, Синьковскій, Страховъ и др. Почти всѣ они, исключая спеціализировавшихся на математикѣ, пополняли свое образованіе за границей. Въ 1765 году были приняты въ число профессоровъ Семенъ Зыбелинъ и Петръ Веніаминовъ, изъ первыхъ воспитанниковъ университета, нѣсколько лѣтъ усовершенствовавшіеся въ Кенигсбергѣ и Лейденѣ. Въ Москвѣ Зыбелинъ открылъ курсъ «Теоретической медицины», а Веніаминовъ—«Ботанической философіи». Въ 1767 году приступили къ чтенію лекцій Третьяковъ и Десницкій, слушавшіе въ Шотландіи въ Глазго юридическіе, медицинскіе и математическіе предметы.

К. С. Станиславскій. Основатель Художественнаго Театра.

Они пожелали читать лекціи на русскомъ языкѣ, но кураторъ приказалъ читать на латинскомъ, чтобы профессорамъ-иностранцамъ было удобнѣе убѣдиться въ ихъ годности. Ихъ экзаменовали сначала по юридическимъ наукамъ, а затѣмъ по математическимъ, по вторымъ—вопреки ихъ волѣ, такъ какъ оба молодыхъ ученыхъ ссылались на то, что математическія науки, хотя и слушались ими, но не являются ихъ спеціальностью. Позднѣе, около 1769 года магистръ Аничковъ, читавшій математику, логику и метафизику, хотѣлъ получить званіе ординарнаго профессора, но его диссертація «О началѣ и происшествіи натуральнаго богопочитанія» показалась нѣмецкимъ профессорамъ «противной истинамъ Религіи», и каѳедра Аничкову послѣ долгихъ препирательствъ была дана только въ 1771 году. Въ 1770 году сталъ читать естественную исторію и земледѣліе Афонинъ, воспитанникъ Московскаго университета, начиная съ 1758 года учившійся въ Кенигсбергѣ и Упсалѣ подъ руководствомъ Линнея.

Въ концѣ 1767 года въ Московскомъ университетѣ было уже 6, считая старика Барсова, русскихъ профессоровъ. 15-го января 1768 года въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано объявленіе: «Съ сего 1768 года въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ для лучшаго распространенія въ Россіи наукъ начались лекціи во всѣхъ трехъ факультетахъ природными Россіянами на Россійскомъ языкѣ. Любители наукъ могутъ въ тѣ дни и часы слушать, которыя онымъ въ лекціонномъ каталогѣ напечатаны».

Характеръ преподаванія въ Московскомъ университетѣ въ концѣ XVIII вѣка отличался тѣмъ же подчиненіемъ науки требованіямъ вѣры и религіи, какое мы замѣчали при самомъ основаніи университета.

Несмотря на крайнюю боязнь вольнодумства, проникавшую не только въ правительственныя сферы, но и въ ученую конференцію, несомнѣнно, что научные методы изслѣдованія начинаютъ господствовать надъ прежнимъ методомъ схоластическихъ разсужденій, что новыя вѣянія западной мысли, хотя и робко, но все же пробиваются въ Московскій университетъ, что ширится объемъ научно изслѣдуемыхъ областей.

Какъ указываетъ проф. Иконниковъ [1])—профессоръ Шаденъ, объявившій въ 1791 году курсъ лекцій по нравственной философіи, проявляетъ нѣкоторое знакомство съ критической философіей Канта. Профессоръ всеобщей исторіи Рейхель въ 1772—3 году читалъ свою науку подъ именемъ статистики, подробно знакомилъ своихъ слушателей съ событіями новаго времени, съ современными государственными учрежденіями. Научной постановкѣ юридическихъ наукъ много способствовалъ Карлъ-Генрихъ Лангеръ, читавшій въ Москвѣ «естественное и народное право» съ 1764 года по 1774.

«Происхожденіе общества онъ выводитъ изъ необходимости защиты и безопасности, а законы—изъ того положенія, что власть общая, верховная беретъ на себя отмщеніе всѣхъ обидъ, наносимыхъ частнымъ лицамъ,

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1876 г. № 10. Ст. «Русскіе университеты».

какъ только онѣ касаются общей безопасности. Слѣдуетъ замѣтить также, что онъ нападаетъ на пытки...» [1])

Виднымъ проявленіемъ ученой дѣятельности университета были многочисленныя торжественныя рѣчи профессоровъ, произносившіяся очень часто, во всѣхъ случаяхъ, когда нужно было показать обществу или важнымъ гостямъ краснорѣчіе профессоровъ и блескъ учености Московскаго университета. Трудно предположить, чтобы эти высокопарныя рѣчи, обыкновенно произносившіяся на латинскомъ языкѣ, имѣли какое-нибудь практическое значеніе, хотя и утверждаетъ всѣмъ довольный Шевыревъ, что «Университетское краснорѣчіе боролось съ предразсудками невѣжества, которое враждовало съ науками; разъясняло многіе вопросы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наука можетъ быть приложена къ жизни; наконецъ утверждало самыя основанія наукъ въ Россіи, согласно съ основаніямъ отечественной жизни, возбуждало къ нимъ любовь и открывало великія надежды въ будущемъ для ихъ развитія».

Рѣчи эти, подверженныя самой строгой цензурѣ директора во избѣжаніе «дерзновенныхъ выраженій», которыхъ, однако, едва ли можно было ожидать, произносились на самыя разнородныя темы: Зыбелинъ говорилъ 5-го декабря 1768 года «О пользѣ прививной оспы и о преимуществѣ опой передъ естественною съ моральными и физическими доказательствами противу неправомыслящихъ». Ростъ говорилъ «О проницательномъ дѣйствіи малѣйшихъ частицъ, которыя изъ тѣлъ, особенно животныхъ, проистекаютъ», «О удобнѣйшемъ приготовленіи лучшей соли изъ соляныхъ источниковъ». Зыбелинъ говорилъ «О причинѣ внутренняго союза частей между собою и о происходящей изъ того крѣпости въ тѣлѣ человѣческомъ». Веніаминовъ въ 1769 году говорилъ «О постахъ, какъ средствѣ, предохранительномъ отъ болѣзней». Керстенсъ въ 1769 году говорилъ «Наставленія и правила врачебныя для деревенскихъ жителей, служащія къ умноженію не довольнаго (т.-е. недостаточнаго) числа людей въ Россіи». Эразмусъ говорилъ «О противностяхъ анатомическаго ученія увеселеніемъ и превеликою онаго пользою несравненно превышаемыхъ». Аничковъ въ 1770 году—«О свойствахъ познанія человѣческаго и о средствахъ, предохраняющихъ умъ смертнаго отъ разныхъ заблужденій».

При обиліи нѣмцевъ-профессоровъ, при вліятельномъ ихъ положеніи въ конференціи университета неудивительно, что Московскій университетъ во вторую половину XVIII вѣка представляетъ изъ себя точную копію германскихъ университетовъ: та же «школьность» преподаванія, отчужденность отъ жизни, та же боязнь свободной и критической мысли, тотъ же кастовый духъ. Исторія съ проф. Мельманомъ, ученикомъ Канта, вызваннымъ въ Россію въ 1786 году и читавшимъ въ университетѣ съ 1792 г., показываетъ тѣ рамки, которыми ограничивалась свобода научной мысли московскихъ профессоровъ. Его обвинили въ антирелигіозномъ образѣ мыслей, вызывали для бесѣды съ митрополитомъ Платономъ, давшимъ однако о Мельманѣ удовлетворительный отзывъ; но профессоръ Чебота-

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1876 г., № 10. Ст. «Русскіе университеты». стр. 508.

рзвъ энергично принялся за «геттингенскаго вольнодумца», выставилъ его противникомъ христіанской религіи и откровенія и въ заключеніе конференція университета допросила Мельмана объ его мнѣніяхъ, кураторы отставили его отъ преподаванія, и либеральный нѣмецъ былъ высланъ изъ Москвы...

Если въ научномъ отношеніи Московскій университетъ прогрессировалъ слабо, то въ отношеніи литературы и эстетики его работа была очень значительна. Вокругъ университета постоянно кипятъ литературные интересы, развиваются вкусы, усваиваются западныя вліянія. Дѣятели университета все развиваютъ свою литературную дѣятельность, выпуская періодическія изданія, философскія разсужденія и переводы. Въ 1763 году Херасковъ издаетъ ежемѣсячные «Свободные часы», а Богдановичъ, авторъ «Душеньки»,—«Невинное упражненіе»; въ 1764 г. студентъ Вас. Сапковскій—«Доброе намѣреніе» и т. д. Богдановичъ перевелъ «Тысячу и одну ночь», Фонвизинъ—«Жизнь Сифа, царя Египетскаго», было издано «Собраніе 4291 древней русской пословицы», «Басни и Эпистолы» Хераскова, «Исторія россійская» Татищева.

Внутренній распорядокъ университета и положеніе учащихся отличались строгимъ вмѣшательствомъ начальства и суровостью. Студенты, а также и ученики гимназіи помѣщались въ старомъ университетскомъ зданіи у Воскресенскихъ воротъ. Своекоштные приходили на уроки дважды—до и послѣ обѣда. Студенты, даже гуляя за городомъ, были обязаны строго соблюдать форму, нося мундиры зеленаго цвѣта съ краснымъ воротникомъ, обшлагами и подбоемъ. Имъ полагались треугольныя шляпы и шпаги, которыя торжественно вручались на актахъ. Студентовъ заставляли ходить съ напудренными волосами. За провинности наказывали лишеніемъ шпаги. За болѣе крупные проступки сажали на хлѣбъ и воду, одѣвали на три дня въ крестьянское платье, лишали мѣсячнаго жалованья. Въ каждой комнатѣ пансіонеровъ полагалось имѣть по три экземпляра Библіи—славянской, латинской, французской и нѣмецкой, при чемъ студентовъ заставляли по воскресеньямъ читать ее.

Университетскіе акты проходили съ еще большей торжественностью, чѣмъ во времена Елизаветы. Любителемъ торжественности былъ особенно кураторъ Мелиссино (1771—1778 гг.) При церемоніи производства учениковъ въ студенты одинъ изъ нихъ обращался съ «просительной» латинской рѣчью къ директору, директоръ съ такой же рѣчью къ куратору, кураторъ произносилъ латинское похвальное слово ректору, профессорамъ и студентамъ и начиналъ собственноручно раздавать студентамъ шпаги и медали. Благодарные новоиспеченные студенты читали рѣчи и стихи...

Въ 1777 году былъ вновь заведенъ университетскій театръ. 25-го апрѣля студенты «представляли передъ публикой» трагедію Сумарокова—«Синавъ и Труворъ» и комедію «Нечаянное возвращеніе». Обыкновенно же студенческіе спектакли ставились во время рождественскихъ каникулъ, а также на масленицу. Женскія роли исполнялись учениками гимназіи.

Репертуаръ состоялъ изъ комедій и оперъ: шли «Недоросль», «Скупой», «Такъ и должно»; изъ оперъ ставились «Мельникъ-колдунъ» Аблесимова, «Добрые солдаты» Хераскова, «Севильскій цырюльникъ». Для развлеченія студентовъ устраивались также на святки «маскарады», а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ — вечерніе танцы и концерты. Особенно поощрялись литературныя упражненія студентовъ и даже ученики Благороднаго пансіона въ 1787 году издали сборникъ своихъ сочиненій и переводовъ «Распускающійся цвѣтокъ».

Въ общемъ питомцы университета хранили о немъ благодарное воспоминаніе. Во многихъ мемуарахъ и запискахъ находимъ мы восторженные отзывы объ «искусныхъ воздѣлателяхъ словеснаго вертограда» — Барсовѣ, Рейхелѣ, Ростѣ, о незабвенныхъ стѣпахъ «храма Музъ», озарившихъ «первыми лучами умственнаго свѣта»...

Въ 1779 году учрежденъ при университетѣ «Благородный пансіонъ», тѣсно связанный съ нимъ. Изъ внѣшнихъ событій университетской жизни яркимъ пятномъ было празднованіе 24-го апрѣля 1780 года 25-лѣтняго юбилея существованія университета. На торжествѣ поэтъ Костровъ читалъ оду, въ которой такъ привѣтствовалъ университетъ:

Се двадесять пять лѣтъ свершилось,
Какъ онъ воздвигнутъ въ градѣ семъ,
И какъ пространное открылось
Любезнымъ Музамъ поле въ немъ.
О сладкое воспоминанье
И мыслямъ лестное мечтанье,
Когда представлю оной день,
Въ которой во струяхъ Кастальскихъ,
Притекшихъ къ намъ отъ мѣстъ Ѳессальскихъ,
Москвы изобразилась тѣнь.

Отношеніе правительства въ общемъ благожелательное, однако, не лишено и нѣкоторыхъ курьезныхъ и противорѣчивыхъ чертъ: съ одной стороны превознесеніе науки и восхваленіе ея работниковъ, съ другой — пожалованіе офицерской шпаги считается высшей наградой для студента. Въ воспоминаніяхъ Лубяновскаго [1]), воспитывавшагося въ Московскомъ университетѣ въ 1790 годахъ, разсказывается, какъ въ декабрѣ 1796 года университетъ постигла милость: было Высочайше приказано пригласить на службу 12 человѣкъ изъ казенныхъ студентовъ и немедленно послать ихъ въ Петербургъ. На многообѣщающее предложеніе отозвались самые отличные по успѣхамъ и поведенію. Позднѣе Лубяновскій въ Петербургѣ отыскалъ 6 изъ нихъ въ сырыхъ и темныхъ подвалахъ канцеляріи петербургскаго коменданта Аракчеева. «Унылые, блѣдные, въ унтеръ-офицерскихъ доспѣхахъ, они переписывали на-бѣло формулярные списки нижнихъ военныхъ чиновъ, и не забыть мнѣ отчаянія, съ которымъ они, не смѣя оторваться отъ дѣла, подъ надзоромъ стараго безпощаднаго капрала, томными глазами высказывали все, что было у нихъ на сердцѣ; недолго и пожили на бѣломъ свѣтѣ».

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1872 г.

Царствованіе Павла I было мертвой полосой въ жизни Московскаго университета. Къ напряженной работѣ по обуздыванію и сокращенію былъ привлеченъ и университетъ: ему было повелѣно избрать двухъ профессоровъ для цензуры — одного въ Москвѣ, а другого въ Радзивилловскую таможню. Въ эту мрачную эпоху, когда до невозможности былъ стѣсненъ выпускъ новыхъ книгъ, когда было запрещено въ 1800 году привозить изъ-за границы не только книги, но и ноты, при чемъ исключеніе было сдѣлано только для книгъ на тунгузскомъ языкѣ, нужныхъ для богослуженія бурятъ, въ это время дѣятели Московскаго университета показали, какъ умѣли раболѣпствовать и пресмыкаться ученые люди XVIII вѣка. Профессоръ Геймъ на университетскомъ торжествѣ въ 1799 году на нѣмецкомъ языкѣ привѣтствовалъ драконовскія мѣропріятія Павла: «Мудрую прозорливость свою императоръ Павелъ доказалъ въ споспѣшествованіи истинному преуспѣянію наукъ чрезъ учрежденіе строгой и бдящей цензуры книжной... Сколь счастливою почитать должна себя Россія потому, что ученость въ ней благоразумными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія...»

Литературное движеніе вокругъ Московскаго университета продолжалось и при Павлѣ. Каждый годъ приноситъ новые поэтическіе сборники и журналы, и въ нихъ встрѣчаются имена всѣхъ тѣхъ, кто позднѣе создалъ небывалый подъемъ русской литературы. Въ 1799 году выходитъ «Ипокрена или утѣхи любословія». Тутъ появляются юношескія произведенія Жуковскаго. Въ 1800 году выходитъ «Утренняя Заря»—сборникъ воспитанниковъ благороднаго пансіона и т. д.

Съ «дней Александровыхъ прекраснымъ началомъ» въ жизни и дѣятельности Московскаго университета наступаетъ новая полоса расцвѣта. Области запретнаго въ наукѣ суживаются очень скоро. Уже при самомъ вступленіи на престолъ Александра I отмѣняются стѣснительные указы Павла, ограничивавшіе свободу слова и печати. Безпрепятственно переводится Бэконъ, Бентамъ и Адамъ Смитъ; на изданіе послѣдняго переводчикъ даже получаетъ субсидію въ размѣрѣ 5,000 р.

Русское просвѣщеніе быстро прогрессировало. Заботы о народномъ образованіи охватывали всю школу, начиная отъ низшихъ училищъ и кончая университетами. Рѣшено было открыть нѣсколько новыхъ университетовъ и въ первую очередь были поставлены: Казань, Харьковъ, Петербургъ; въ дальнѣйшемъ намѣчены—Кіевъ, Тобольскъ и Устюгъ Великій. Въ 1804 году русскіе университеты получили автономію, многимъ сторонамъ которой могли бы завидовать и наши современные университеты. Выборные на одинъ годъ, во избѣжаніе «злоупотребленія власти», ректора, выборные деканы, университетскій судъ съ широкими полномочіями и т. д. Идеаломъ для устройства русскихъ университетовъ сталъ наиболѣе свободный германскій университетъ—Геттингенскій. Университетамъ было разрѣшено издавать ученыя сочиненія подъ собственной отвѣтственностью, выписывать изъ-за границы книги безъ разрѣшенія цензуры, выписывать журналы помимо почтамта, распоряжаться университетскими доходами и т. д. Для облегченія доступа въ университеты при

нихъ были устроены приготовительныя училища и допускался пріемъ въ университетъ безъ знанія латинскаго языка. Наконецъ, доступъ въ университеты былъ открытъ для всѣхъ.

М. Н. Муравьевъ, бывшій съ 1803 года попечителемъ Московскаго университета, описываетъ его состояніе довольно мрачными красками. Отсутствіе учебныхъ пособій, нерадѣніе профессоровъ, бѣдность вспомогательныхъ средствъ и библіотеки—все это требовало реформированія. Профессора попрежнему выписываются изъ-за границы, но уже со строгимъ разборомъ и попадаютъ въ Москву крупныя научныя величины, въ родѣ Христана Шлецера, перваго въ Россіи профессора политической экономіи, выписаннаго въ 1800 году изъ Геттингена, Іогапна Буле, прибывшаго въ 1804 году и читавшаго въ Москвѣ критическую метафизику, естественное, публичное и народное право, теорію и исторію изящныхъ искусствъ, греческую и римскую литературы; такое совмѣщеніе самыхъ разнородныхъ наукъ отдаетъ чѣмъ-то старомоднымъ: съ начала XIX вѣка раздѣленіе по ученымъ спеціальностямъ проводится гораздо строже. Число русскихъ профессоровъ увеличивается—Снѣгиревъ, Брянцевъ, Любимовъ, Цвѣтаевъ и др. По количеству слушателей Московскій университетъ неустанно прогрессируетъ: въ 1812 году въ немъ было 215 студентовъ, а въ 1822—23 гг. уже—695.

Хотя при основаніи Московскаго университета его устроители имѣли въ виду дать высшее образованіе дворянской молодежи, дворянство шло неохотно въ университеты, стремясь къ сословному образованію. Такую роль сословнаго учебнаго заведенія игралъ въ Москвѣ Благородный пансіонъ, въ 1818 году получившій права, сравнявшія его съ университетомъ въ глазахъ общества. Съ подобной же военно-сословной тенденціей былъ организованъ Харьковскій университетъ...

Насколько расширилась программа университета и составъ его преподавателей въ началѣ новаго вѣка въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видѣли въ 1770-хъ и 1780-хъ годахъ, можно видѣть изъ объявленія о лекціяхъ на 1802—3-й годъ. На юридическомъ факультетѣ преподавали 4 профессора—Скіаданъ, Баузе, Горюшкинъ и Шлецеръ. На медицинскомъ—Керрестури читалъ зимой анатомію, а лѣтомъ судебную медицину, Андреевскій былъ при немъ адъюнктомъ и прозекторомъ, читалъ остеологію и «разнималъ трупы», Политковскій — химію и практическую медицину, Рихтеръ—хирургію и повивальное искусство, Барсукъ-Моисеевъ—физіологію, патологію и терапію; на философскомъ — Чеботаревъ читалъ параллельно «латинскую и россійскую словесность», Баузе — общую энциклопедію наукъ, Страховъ—физику, Брянцевъ—логику и метафизику, Панкевичъ—оптику, основанія перспективы, катоптрику и діоптрику, Аршеневскій—геометрію, Черепановъ—всеобщую исторію и т. д. Въ послѣдующіе годы, во время попечительства М. Н. Муравьева, преподаваніе еще болѣе расширилось. Принимались также мѣры къ популяризаціи научныхъ знаній въ обществѣ.

Въ сентябрѣ 1803-го года были открыты «Публичные курсы». Для начала было объявлено всего четыре предмета: Политковскій читалъ

О. Л. Книпперъ. Артистка Художественнаго Театра.

«Натуральную исторію», Шлецеръ—по-нѣмецки курсъ исторіи Европейскихъ государствъ, Геймъ—«систематическое обозрѣніе торговли съ пріобщеніемъ подробныхъ свѣдѣній о монетахъ», Страховъ — опытную физику. Публичные курсы особенно восторженно привѣтствовалъ Карамзинъ въ «Вѣстникѣ Европы»: «Счастливое избраніе предметовъ для сихъ публичныхъ лекцій доказывается числомъ слушателей, которые въ назначенные дни собираются въ университетской залѣ. Любитель просвѣщенія съ душевнымъ удовольствіемъ видитъ тамъ знатныхъ московскихъ дамъ, благородныхъ молодыхъ людей, духовныхъ, купцовъ, студентовъ Заиконоспасской академіи и людей всякаго званія, которые въ глубокой тишинѣ и со вниманіемъ устремляютъ глаза на профессорскую каѳедру». Въ слѣдующемъ году курсы были еще расширены.

Хотя количество русскихъ профессоровъ все увеличивалось, но приходилось пользоваться также и иностранными, которыхъ въ это время выписывали преимущественно изъ Геттингена. Русская же молодежь, по окончаніи университетскаго курса, посылается для усовершенствованія за границу попрежнему. Въ маѣ 1804 года при университетѣ учреждается «Общество исторіи и древностей Россійскихъ» подъ предсѣдательствомъ ректора Чеботарева, при участіи Страхова, Гейма, Сохацкаго, Карамзина, Малиновскаго, Бантышъ-Каменскаго и др. Задачей новаго общества было «критическое, то-есть вѣрнѣйшее и исправнѣйшее изданіе оригинальныхъ древнихъ о Россіи лѣтописей, съ пріобщеніемъ къ нимъ нужнѣйшихъ замѣчаній, дабы то и другое могло служить основаніемъ въ сочиненіи подлинной исторіи Россійской Имперіи».

2-го января 1805 года открыло свои дѣйствія «Общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ».

Наконецъ, въ 1804 году открылось Общество испытателей природы. Новый уставъ 1805-го года расширилъ права университета и значительно упрочилъ его положеніе. Въ первое десятилѣтіе XIX вѣка научная работа Московскаго университета уже не носитъ прежняго метафизическаго характера. Позитивизмъ мысли и методовъ изслѣдованія сказывается въ предметахъ рѣчей и трудовъ профессоровъ. Въ 1807 году профессоръ ботаники Гофманъ, «съ необыкновеннымъ чувствомъ вкуса и любви къ предмету» говорилъ «О ботаническихъ врачебныхъ садахъ». Вензовичъ—«О главной цѣли народной медицины и важности оной». Мудровъ въ 1809 году говорилъ рѣчь «О пользѣ и предметахъ военной гигіены или науки сохранять здравіе военнослужащихъ».

Въ пожаръ 1812 года погорѣли университетскія зданія и вмѣстѣ съ ними все «ученое имущество», съ такимъ трудомъ собранная богатая библіотека, разныя коллекціи и приборы...

Возстановленный послѣ пожара Московскій университетъ вошелъ въ полосу своего расцвѣта. Всѣ воспитанники его, помнящіе это время, оставили восторженные отзывы. Религіозная реакція второй половины царствованія Александра I, приведшая къ разгрому Казанскаго и Петербургскаго университетовъ, почти не задѣла Московскаго. Объ университетѣ въ періодъ 1813—1825 годовъ восторженно пишетъ С. Шевыревъ, учив-

шійся въ эти годы въ Благородномъ пансіонѣ и въ университетѣ, даетъ яркія характеристики профессоровъ: «Въ полной силѣ дѣйствовали тогда представители старшаго поколѣнія — и выступало на поприще поколѣніе новое, которое воспиталось уже въ университетѣ, преобразованномъ волею императора Александра. Въ этико-политическомъ отдѣленіи тогда славились оригинальный Сандуновъ, какъ юристъ-практикъ, и Цвѣтаевъ, какъ юристъ-теоретикъ. Рѣзкую противоположность представляли они какъ въ воззрѣніи на науку, такъ и въ самомъ способѣ преподаванія. Сандуновъ, отвергая всякую теорію, не признавая даже римскаго права, какъ теоріи живой, хотѣлъ на мѣсто науки поставить здравый русскій смыслъ и требовалъ отъ юриста только яснаго и правильнаго толкованія закона. Цвѣтаевъ, напротивъ, слѣдуя иностраннымъ учителямъ, признавалъ возможность теоріи и воплощалъ ее въ римскомъ правѣ... Перевощиковъ преподавалъ математику вдохновенно, какъ поэтъ, какъ бы создавая ее во время изложенія, съ страстной любовью къ ней, которую сообщалъ и своимъ слушателямъ; Щепкинъ (профессоръ чистой математики) проходилъ науку хладнокровно и медлительно, любя ее внутреннею сосредоточенною любовью, но не торопясь къ ея свѣтлымъ и поразительнымъ результатамъ... Увлекателенъ былъ Павловъ, по возвращеніи изъ-за границы озарившій новымъ блескомъ область естествовѣдѣнія. Онъ вносилъ въ нее умозрѣнія философіи Шеллинговой... Лодеръ внесъ въ изученіе анатоміи основательность обширныхъ познаній, живую любовь къ наукѣ, изящное латинское изложеніе. Стоя передъ препаратомъ нашего бреннаго тѣла, онъ являлся какимъ-то художникомъ, глубоко проникающимъ въ тайны его премудраго созданія... Въ словесномъ факультетѣ по старшинству первенствовалъ Геймъ, заключавшій въ себѣ энциклопедію самыхъ разнообразныхъ познаній, истощавшій всѣ остатки жизни своей, до самаго конца ея, на безпрерывное пріобрѣтеніе новыхъ свѣдѣній, изсохшій и изможденный въ библіотекѣ и не хотѣвшій никогда снять съ себя званія библіотекаря... Живая душа словеснаго отдѣленія выражалась въ живомъ, одушевленномъ слогѣ Мерзлякова, въ его критическихъ импровизаціяхъ, касавшихся поэтовъ классическаго періода Русской словесности»...

О расширеніи университетской дѣятельности свидѣтельствуетъ и ростъ числа учащихся:

Годы.	Принято студентовъ.	Принято вольныхъ слушателей.	Всего учащихся въ университетѣ.
1822—3	147	21	695
1823—4	161	27	768
1824—5	157	32	800
1825—6	205	46	876

Гораздо хуже обстояло дѣло, съ точки зрѣнія современныхъ методовъ преподаванія, съ университетскими занятіями. Среди профессоровъ было много бездарныхъ, невѣжественныхъ, съ рабской точностью популяризовавшихъ какое-нибудь одно излюбленное ветхозавѣтное руковод-

ство. Московская наука замѣтно отставала отъ западной и даже русская передовая журналистика быстрѣе знакомилась съ новыми теченіями западной мысли. Имена Нибура и Савиньи дошли до русской публики въ концѣ 20-хъ годовъ черезъ журналъ «Московскій Телеграфъ». Студентамъ строго воспрещалось выходить за предѣлы указанныхъ руководствъ, которыя рекомендовалось дословно зазубривать. Выходя изъ университета, большинство студентовъ чувствовало слабость своей подготовки и тяготилось багажомъ мертвыхъ и ненужныхъ свѣдѣній. И все-таки Московскій университетъ стоялъ на сравнительно высокомъ научномъ уровнѣ: его меньше всего коснулась религіозная реакція...

Но, несмотря на неудовлетворительную и шаткую, потому что чуть не каждый годъ приносилъ или новыя измѣненія въ положеніи университета, или крутыя стѣснительныя мѣры, постановку преподаванія въ университетѣ, его значеніе для русской молодежи было очень велико. Университетъ, начиная съ 1830-хъ годовъ, былъ неизсякаемымъ источникомъ идеализма, очагомъ живой мысли, первымъ импульсомъ къ общественной дѣятельности. Если профессора были еще плохи, то студенчество уже стало иного типа: прежнее ремесленное и служебное отношеніе къ наукѣ исчезло. К. С. Аксаковъ, поступившій въ Московскій университетъ въ 1832 году, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Грубыя шутки, дикія буйныя выходки студентовъ, бывшія нѣкогда, давно миновали. Время смягчаетъ нравы; студентская свобода не исчезла, но молодость уже не увлекалась, какъ прежде, однимъ кипѣньемъ крови, болѣе и болѣе слыша въ себѣ умственныя и нравственныя силы»... [1])

Аксаковъ также даетъ интересную характеристику общаго положенія университета въ его время: «Значеніе университетскаго воспитанія можетъ быть огромно въ жизни цѣлой страны: съ одной стороны — играющая молодая жизнь, какъ цѣлое общество, въ союзѣ юныхъ нравственныхъ силъ, жизнь, не стѣсняемая форменностью, не гнетомая внѣшними условіями; съ другой стороны—истина, грѣющая этотъ союзъ, предлагаемая, но не навязываемая никому. Хорошо бы это могло быть! Въ мое время цѣль эта достигалась съ одной стороны: именно со стороны студентства. Жизнь молодости точно играла съ оттѣнкомъ легкаго, безобиднаго буйства и проказливости. Форменности почти не было; она начинала вводиться, правда, но еще очень легко. Съ другой стороны, со стороны профессорства, цѣль эта достигалась большею частью весьма слабо,—и очень тускло и холодно освѣщало наши умы солнце истины. Но живыя, не подавленныя силы наши находили къ ней дорогу».

Несмотря на то, что уже Аксаковъ не высоко ставилъ большую часть московскихъ профессоровъ 30-хъ годовъ, нельзя не отмѣтить значительнаго прогресса въ сравненіи съ предыдущими десятилѣтіями. Въ области гуманитарныхъ наукъ особенно очевидны были сдѣланные успѣхи. На юридическомъ факультетѣ практическіе предметы русскаго законовѣдѣнія, русское гражданское и русское государственное право излагались

---

[1]) К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства. Спб. 1911 г.

Ил. Васильевымъ и Іовскимъ вполнѣ по своду законовъ. Слабѣе обстояло дѣло съ политической экономіей, читавшейся проф. Николаемъ Васильевымъ по устарѣлымъ руководствамъ Шлецера, Шторха и Рау. Въ исторіи искусствъ руководствомъ у проф. Гаврилова является Винкельманъ. Преподаваніе исторіи начинаетъ въ 1828 году М. П. Погодинъ, въ сравненіи со своими предшественниками ученый безусловно выдающійся.

Переходная полоса существованія Московскаго университета, богатая всякими неожиданностями и досадной неустойчивостью, окончилась въ 1835 году, съ изданіемъ новаго университетскаго устава. Несмотря на суровый духъ николаевскаго царствованія, новый уставъ отличался нѣкоторымъ либерализмомъ не только въ сравненіи съ предшествующими, но и съ современными ему уставами германскихъ университетовъ. Но, само собой разумѣется, что о либерализмѣ въ данномъ случаѣ можно говорить только относительно, считаясь съ реакціоннымъ духомъ эпохи.

Уставъ 1835-го года строго ограничилъ дѣятельность университета преподавательской и ученой работой. Отъ университетовъ было отдѣлено завѣдываніе училищами въ округѣ, юрисдикція университетовъ была ограничена. Но возстановлено было право избранія въ университетахъ и право безцензурнаго полученія иностранныхъ книгъ. Много преобразованій было внесено въ область преподаванія: число каѳедръ было доведено до 35. Вмѣстѣ съ тѣмъ проведена болѣе строгая дифференціація по факультетамъ: на юридическомъ расширено преподаваніе собственно юридическихъ наукъ и исключена философія, исторія и политическая экономія.

Исключенныя науки были перенесены на историко-филологическій факультетъ. Открыта особая каѳедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. «Философскій» факультетъ дѣлился на два отдѣленія: 1-е филологическое, 2-е физико-математическое. Курсъ былъ продолженъ до 4-хъ лѣтъ. Въ интересахъ обновленія преподавательскаго персонала, по выслугѣ профессоромъ 25 лѣтъ, его каѳедра объявлялась вакантной, и прежній профессоръ могъ ее занять только по конкурсу. Прекращены колебанія профессоровъ между различными предметами, смотря по потребностямъ минуты, и прочно установлена ученая спеціализація.

Новаго устава, конечно, не миновала и обычная бюрократическая регламентація: надзоръ за студентами былъ усиленъ; форма объявлена обязательной. Регламентируется даже стрижка волосъ по опредѣленной формѣ. Въ послѣдующихъ распоряженіяхъ сказалась тенденція аристократизировать высшее образованіе; въ 1840 году было постановлено: «...чтобы устранить отъ поступленія въ университетъ молодыхъ людей, никакого наружнаго образованія не получившихъ въ домахъ бѣдныхъ и низкаго происхожденія людей и не вознаграждающихъ сей недостатокъ отличными способностями, постановить правиломъ, чтобы желающіе вступить въ университетъ подавали прошенія и документы лично попечителю, который, по совѣщаніи съ ректоромъ, могъ бы всегда подъ благовиднымъ предлогомъ устранить отъ вступленія въ университетъ тѣхъ, которые

не выкупятъ недостатковъ наружнаго образованія отличными способностями...» [1])

Университетъ все расширялся. Развивались вспомогательныя учрежденія: въ 1828 году основана астрономическая обсерваторія на Преснѣ, въ то время находившаяся за городомъ; въ 1834 году—кабинетъ сравнительной анатоміи и физіологіи; въ 1846 году открыта госпитальная клиника и при ней анатомо-патологическій кабинетъ.

40-е и 50-е годы были золотой полосой въ жизни Московскаго университета. Въ 1839 году пріѣзжаетъ въ Москву Т. Н. Грановскій и начинаетъ читать всеобщую исторію филологамъ и юристамъ. Его лекціи вызываютъ въ Москвѣ взрывъ энтузіазма, но вліяніе идей Грановскаго переживаетъ восторженныя впечатлѣнія слышавшихъ великаго профессора и отражается на міровоззрѣніи цѣлаго поколѣнія. Такихъ ученыхъ еще не зналъ Московскій университетъ: свободная, мощная мысль, вдохновенное горѣніе своей наукой, вѣра въ ея силу, въ ея торжество надъ предразсудками и отжившими идеями—все это выдѣляло Грановскаго, профессора-проповѣдника, изъ сѣрой массы ремесленниковъ науки...

Съ Грановскаго и вообще съ эпохи 40-хъ годовъ начинается новая эра въ исторіи Московскаго университета: жизнь университета въ цѣломъ, его бытовая сторона меркнетъ въ сравненіи съ все растущимъ культурнымъ его значеніемъ. Исторія университета становится исторіей русской науки; тѣ внѣшнія событія, которыя можно прослѣдить въ краткой статьѣ,—студенческія движенія, новые уставы, смѣна профессоровъ, совершенно не охватываютъ и не исчерпываютъ новой исторіи старѣйшаго русскаго университета: исчерпаютъ ее нѣсколько десятковъ толстыхъ томовъ, излагающихъ жизнь и творчество С. М. Соловьева, А. И. Чупрова, В. О. Ключевскаго, С. Н. Трубецкого, П. Н. Лебедева, К. А. Тимирязева, П. Н. Виноградова и прочихъ свѣтилъ русской науки...

1) «Вѣстникъ Европы» 1876 г., № 11.

Высшее женское образованіе въ Москвѣ.

Ар. Крашенинниковой.

Высшее женское образованіе было въ Москвѣ, какъ и вообще въ Россіи, дѣломъ общественнаго почина.

Среди массы вопросовъ, выдвинутыхъ русской общественной мыслью въ 40 и 50 годахъ, былъ поднятъ и вопросъ о высшемъ образованіи для женщинъ; для большей части тогдашнихъ сторонниковъ женскаго образованія оно ограничивалось потребностями семьи и воспитанія, но на ряду съ этимъ уже рождалась мысль о женщинѣ, какъ членѣ общества, не ограничиваемомъ предѣлами семьи и дома.

Къ этому времени русская женщина уже стала появляться на публичныхъ лекціяхъ [1]). Особой популярностью въ Москвѣ въ это время пользовались лекціи Грановскаго, слушать которыя стекалась масса женщинъ, а сторонникъ высшаго женскаго образованія профессоръ С. Шевыревъ еще въ 1835 году внушалъ своимъ слушателямъ, что только тогда общество наше станетъ вполнѣ культурнымъ, когда наравнѣ съ мужчиной будетъ идейно работать и женщина.

Въ Москвѣ высшія женскія школы начали возникать раньше, чѣмъ въ другихъ городахъ Россіи, на что отчасти вліяли мѣстныя условія: положеніе Москвы въ центрѣ страны, мощный пульсъ ея экономической жизни—все это способствовало тому, что масса интеллигентныхъ женщинъ стекалась сюда со всѣхъ концовъ Россіи, ища главнымъ образомъ примѣненія своихъ силъ на педагогическомъ поприщѣ. Женщины эти должны были конкурировать на рынкѣ труда съ мужчинами, но недостатокъ знаній дѣлалъ эту конкуренцію слишкомъ тяжелой. Отсюда вытекаетъ стремленіе всѣми силами добиться знаній, хотя бы въ такомъ объемѣ, чтобъ имѣть представленіе о преподаваніи элементарныхъ предметовъ въ низшей школѣ. Знаній этихъ почерпнуть въ условіяхъ русской жизни было абсо-

[1]) Сиповскій. Журналъ «Женское образованіе», августъ, 1876 годъ.

И. М. Москвинъ. Артистъ Московскаго Художественнаго Театра.

Московскій университетъ.

А. Воробьева.

За свое 150-лѣтніее существованіе Московскій университетъ былъ не только воспитательнымъ учрежденіемъ, разсадникомъ знаній. Вокругъ него складывалась и развивалась русская наука. Имена Ломоносова, Грановскаго, Чупрова, Ключевскаго, Муромцева,—ихъ научная и общественная дѣятельность,—неразрывно связаны съ представленіемъ о Московскомъ университетѣ. Въ качествѣ старѣйшаго русскаго университета, выпустившаго изъ своихъ стѣнъ цѣлый рядъ поколѣній, онъ былъ символомъ науки, мысли, культуры и общественнаго воодушевленія для русскаго общества.

Еще большее значеніе имѣлъ университетъ въ жизни Москвы. Объединяющій вокругъ себя мощныя культурныя силы, онъ являлся неустаннымъ двигателемъ прогресса, внося во всѣ общественныя начинанія свѣтъ знанія, научнаго опыта, ученаго спокойствія и планомѣрности. Исконной традиціей Московскаго университета является незамыканіе его научныхъ силъ въ чинную касту жрецовъ науки, ихъ упорное стремленіе демократизировать знанія, выносить свѣтъ науки далѣе за предѣлы университета.

Самый старый и наиболѣе культурный, наиболѣе общественный изъ русскихъ университетовъ, онъ постоянно, кромѣ нѣсколькихъ короткихъ періодовъ упадка—въ родѣ переживаемаго теперь, выступалъ живымъ примѣромъ и идейнымъ руководителемъ прочихъ русскихъ университетовъ. И не даромъ «день Татьяны»—праздникъ Московскаго университета—уже давно сталъ праздникомъ науки для всего русскаго общества...

Въ царствованіе Петра I родилась мысль о серьезномъ научномъ образованіи для русскихъ людей, образованіи, на первомъ планѣ ставящемъ интересы государства и практической дѣятельности. Мечтая объ учрежденіи высшей школы въ Россіи, Петръ, конечно, имѣлъ въ виду Москву, какъ географическій центръ государства, болѣе приспособленный, чѣмъ далекій Петербургъ, къ обслуживанію всей Россіи. Въ общеніи русскаго преобразователя съ крупнѣйшими германскими учеными тогдаш-

лютно неоткуда, такъ какъ существовавшія еще съ середины 50 годовъ частныя учительскія семинаріи не принимали женщинъ.

Между тѣмъ въ 1867 году въ Москвѣ были открыты городскія школы и потребность въ подготовительномъ учебномъ заведеніи для педагогическаго персонала стала еще ощутительнѣе; тогда въ 1868 году, при содѣйствіи губернскаго земства, Чепелевской была открыта частная учительская семинарія для женщинъ. Въ слѣдующемъ же году городское управленіе рѣшило основать учительскую семинарію съ одногодичнымъ курсомъ, спеціально для подготовки учительницъ во вновь открытыя школы. Черезъ два года непосредственная потребность въ семинаріи у города пропала и постановлено было ее закрыть, но общество воспитательницъ и учительницъ рѣшило взять у города эту школу для себя съ тѣмъ, чтобы устроить изъ нея подготовительные педагогическіе курсы [1]), существующіе понынѣ. Общество это, основанное въ 1870 году, имѣло первоначальной цѣлью пріисканіе мѣстъ учительницамъ, пріѣзжающимъ въ Москву изъ провинціи, но, видя несоотвѣтствіе требованій общества съ знаніями гувернантокъ, рѣшило болѣе активно придти имъ на помощь и дать необходимыя свѣдѣнія о преподаваніи, хотя бы элементарныхъ предметовъ; съ другой стороны и для города такая школа была необходима, такъ какъ ежегодно увеличивалось число городскихъ школъ. Первоначальная программа педагогическихъ курсовъ ничѣмъ не отличалась отъ программы бывшей учительской семинаріи; тѣми же лекторами читались курсы по преподаванію элементарныхъ предметовъ: Островская читала о звуковомъ методѣ, Тихомировъ — объяснительное чтеніе и грамматику, Малининъ — міровѣдѣніе и Гольденбергъ — ариѳметику. Желая по возможности упрочить существованіе курсовъ, общество поручило веденіе дѣла своему комитету, который представлялъ обществу ежегодный отчетъ о дѣятельности курсовъ; только въ 1896 году порядокъ этотъ былъ измѣненъ: курсами сталъ завѣдывать совѣтъ преподавателей, а отъ комитета общества въ совѣтъ посылалась только одна распорядительница, на обязанности которой лежало представленіе обществу ежегодныхъ отчетовъ о дѣятельности курсовъ и формальное завѣдываніе ихъ дѣлами.

Взявшись за новое дѣло, комитетъ хлопоталъ въ учебномъ округѣ объ открытіи одногодичныхъ курсовъ для подготовки учительницъ, что и было разрѣшено 22-го февраля 1872 года. Курсы, однако, были открыты только на одинъ годъ, такъ что комитетъ долженъ былъ ежегодно возобновлять ходатайство о дальнѣйшемъ ихъ существованіи, представляя при этомъ программу курсовъ и составъ преподавателей. Система ежегоднаго открытія курсовъ имѣла свои достоинства и недостатки: съ одной стороны этимъ облегчалась возможность постепенно расширять программу, въ соотвѣтствіи съ вновь возникающими потребностями жизни и школы, чѣмъ курсы и пользовались довольно широко, съ другой—неопредѣленность положенія дѣлала ихъ въ глазахъ общества чѣмъ-то временнымъ, случайнымъ—всегда можно было ожидать, что курсы закроются по внезапному

[1]) «Сорокалѣтіе педагогическихъ курсовъ». Изданіе 1912 года.

капризу учебной администраціи. Теперь, хотя опасность эта и продолжаетъ существовать, такъ какъ порядокъ открытія остается старымъ, но прежнихъ опасеній возникнуть уже не можетъ, благодаря тому, что курсы за свое 40-лѣтнее существованіе слишкомъ ясно показали свою необходимость...

Первоначальнымъ помѣщеніемъ курсовъ былъ пансіонъ Могъ-де-ла-Матьеръ на Кисловкѣ, но со слѣдующаго же года помѣщеніе пришлось искать другое, что повторялось ежегодно, пока, наконецъ, курсы надолго не утвердились въ зданіи Политехническаго музея на Лубянкѣ.

Лекціи читались три раза въ недѣлю, по вечерамъ; небольшая плата,— три рубля съ членовъ общества и пять съ постороннихъ, дѣлала курсы весьма доступнымъ учебнымъ учрежденіемъ. Въ первый же годъ на нихъ поступило до 260 человѣкъ; привлекало къ этимъ курсамъ и то, что лица, прослушавшія лекціи и сдавшія пробные уроки при школѣ, могли получать свидѣтельства за подписью преподавателей, которые имѣли большое значеніе для поступающихъ въ городскія школы. Для практическихъ занятій слушательницъ необходимо было имѣть собственную начальную школу; при возникновеніи курсовъ г-жа Мамонтова предоставила имъ свою школу, а позднѣе, въ 1875 году, она передала эту школу обществу для нуждъ курсовъ и съ этихъ поръ школа всюду переѣзжала вмѣстѣ съ ними; дохода она, конечно, курсамъ никакого приносить не могла, но ее необходимо было сдѣлать образцовой, для чего требовались большія затраты; наконецъ въ 1905 году городъ пожертвовалъ на нее 500 рублей, 1100 отпустили изъ своихъ доходовъ курсы и школа была снабжена всѣмъ необходимымъ. Въ настоящее время эта образцовая школа существуетъ при курсахъ на Большой Грузинской. Городское управленіе, находя полезнымъ для себя существованіе этихъ курсовъ, нерѣдко приходило имъ на помощь, отпуская иногда по нѣсколько тысячъ; кромѣ того, съ самаго основанія курсовъ, постоянными ихъ слушательницами были городскія учительницы, за которыхъ городъ уплачивалъ отъ 600 до 2,300 рублей въ годъ; позднѣе онъ просто сталъ выдавать курсамъ субсидію въ 600 рублей ежегодно, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ на эти деньги могли быть слушательницами городскія учительницы. Интересно привести данныя о финансовомъ положеніи курсовъ, свидѣтельствующія, съ какими ничтожными средствами создавалось это большое, культурное дѣло: пока курсы были тѣсно связаны съ обществомъ воспитательницъ и учительницъ, всѣ годовые недочеты ихъ обыкновенно покрывались изъ доходовъ общества; позднѣе, вступивъ на самостоятельный путь, курсы существовали только взносами слушательницъ и благотворительными вечерами; такъ вечеръ, устроенный въ 1884 году г-жей Тихомировой, далъ около 800 рублей чистаго сбора; деньгами этими рѣшено было положить начало основному фонду. Основной капиталъ уже къ 1905 году возросъ настолько, что явилась возможность нанять обширное и удобное помѣщеніе въ Грузинахъ, куда курсы и переѣхали съ 1906 года; программа курсовъ къ этому времени настолько расширилась, что рѣшено было для удобства слушающихъ разбить предметы по отдѣльнымъ отраслямъ знаній на 5 группъ или цикловъ;

такимъ образомъ изъ ряда систематическихъ лекцій курсы обратились въ организованное учебное заведеніе...

Когда городъ задумалъ основать предметныя школы повышеннаго типа по западному образцу, въ программу курсовъ былъ включенъ новый циклъ—подготовка предметныхъ учительницъ для школъ повышеннаго типа и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Плата за слушаніе лекцій была повышена еще въ 1893 году, когда курсы изъ одногодичныхъ обратились въ двухгодичные и лекціи стали читаться ежедневно, а съ 1906 года, благодаря значительному расширенію программы, она повысилась до 62 рублей въ годъ; въ этомъ же году составъ должностныхъ лицъ курсовъ рѣшено было избирать изъ числа преподавателей закрытой баллотировкой, а связь ихъ съ обществомъ воспитательницъ и учительницъ стала уже чисто формальной; въ совѣтъ курсовъ, кромѣ преподавателей, вошли еще 6 представительницъ отъ курсистокъ—делегатки, на обязанности которыхъ лежало посредничество между преподавателями и слушательницами, а также изыскиваніе средствъ для взноса платы за бѣднѣйшихъ слушательницъ.

Въ настоящее время на курсы допущены и слушатели, хотя оффиціально могли попадать туда еще съ 1885 года.

Несмотря на то, что программа курсовъ ежегодно расширяется и что въ настоящее время на нихъ читается до 50 самыхъ разнообразныхъ предметовъ, курсы не перестали быть педагогическими; основная цѣль ихъ—подготовка воспитательницъ, на что указываютъ и тѣ новые циклы, которые были прибавлены въ періодъ отъ 1906 года до настоящаго времени: въ 1909 году прибавленъ спеціально педагогическій циклъ, въ 1910 г.—циклъ руководительницъ дѣтскаго сада, въ 1911 г.—руководительницъ дѣтскими играми и гимнастикой и, наконецъ, въ настоящемъ году докторъ Россолимо на свои средства учредилъ при курсахъ институтъ дѣтской неврологіи и психологіи и ввелъ вспомогательный классъ для отсталыхъ дѣтей.

Измѣненія въ программѣ курсовъ всегда производили колебанія въ количествѣ поступающихъ; такъ, когда въ 1893 году программа курсовъ была значительно развита и улучшена, вмѣсто прошлогднихъ 145 поступило сразу 400 человѣкъ; улучшеніе программы въ 1904 году повело за собой увеличеніе числа слушающихъ больше чѣмъ на 500 человѣкъ, такъ что въ 1906 году слушательницъ на курсахъ было уже 1266; эта цыфра съ небольшими колебаніями держится и до настоящаго времени, хотя еще и теперь курсы, несмотря на широкую общеобразовательную программу, правъ не имѣютъ; кончающіе ихъ, какъ и прежде, получаютъ только частныя свидѣтельства за подписью преподавателей.

Гораздо болѣе тревожной была исторія такъ называемыхъ Лубянскихъ курсовъ, окончательно закрытыхъ въ 1889 году [1]). Ихъ создало не одно только стремленіе дать обществу хорошихъ воспитательницъ, но и желаніе дать возможность женщинамъ пріобрѣтать знанія ради самихъ

1) Е. Некрасова «Изъ прошлаго женскихъ курсовъ», изд. 1886 года.

знаній. Въ началѣ 60-хъ годовъ женщины были допущены къ занятіемъ въ университетѣ на правахъ вольнослушательницъ, но скоро были оттуда удалены подъ предлогомъ недостаточной подготовки къ университетской программѣ и такъ какъ знаній женщинѣ въ Россіи получить было больше негдѣ, а стремленіе къ нимъ все усиливалось, многія удалялись за границу, а оставшіяся мечтали устроить на родинѣ подобіе женскаго университета. Къ тому же въ концѣ 60-хъ годовъ женщинамъ, окончившимъ гимназіи, было предоставлено право преподавать въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и съ первыхъ же шаговъ остро почувствовались пробѣлы въ пріобрѣтенныхъ въ гимназіяхъ познаніяхъ.

Небольшой вначалѣ кружокъ московской интеллигенціи, преимущественно женщинъ, со времени изгнанія женщинъ изъ университета, задался цѣлью устроить въ Москвѣ высшее женское учебное заведеніе, но эти стремленія въ самомъ началѣ встрѣтили большія затрудненія: совѣтъ Московскаго университета, куда обратился за поддержкой кружокъ, отказался хлопотать; тогда было рѣшено ходатайствовать передъ министерствомъ черезъ одного изъ своихъ членовъ, директора II мужской гимназіи Ф. Н. Королева, но уже не объ университетѣ, а лишь о такомъ учебномъ заведеніи, которое давало бы окончившимъ его знанія VIII классовъ мужской гимназіи и могло бы служить подготовкой къ университету.

Необычайный наплывъ русскихъ женщинъ въ заграничные университеты [1]) заставилъ министерство Толстого нѣсколько измѣнить свой взглядъ на женское образованіе; рѣшено было не препятствовать открытію для женщинъ учебныхъ заведеній; усиленныя хлопоты членовъ кружка, во главѣ котораго стояла Сопова и начальница женской гимназіи Новицкая съ дочерью, увѣнчались успѣхомъ; 31-го мая 1869 года попечителемъ учебнаго округа было получено оффиціальное разрѣшеніе открыть курсы при II мужской гимназіи, а надзоръ за веденіемъ ихъ порученъ Королеву [2]).

Подъ обращеніемъ къ министру подписались 53 женщины, а поступило ихъ въ первый же годъ 182 человѣка. Очевидно для того, чтобъ не связывать себя заботами о курсахъ и не входить въ лишніе расходы на нихъ, министерство предоставило самимъ слушательницамъ управленіе какъ хозяйственной, такъ и учебной частью курсовъ; онѣ сами должны были, сообразно съ доходами, вычислять суммы расходовъ на текущій годъ и приглашать преподавателей, при чемъ въ первый годъ существованія курсовъ хозяйственной частью завѣдывалъ Королевъ; у него хранилась касса и онъ же долженъ былъ, согласно постановленію министерства, утверждать рѣшенія общихъ собраній курсистокъ относительно приглашенія того или другого преподавателя. На слѣдующій же годъ, когда Королевъ ушелъ, новый хозяинъ зданія—директоръ III мужской гимназіи на Лубянкѣ, гдѣ помѣщались курсы, не согласился взять на себя никакихъ хлопотъ по управленію курсами и слушательницамъ пришлось выбирать изъ своей

---

[1]) Въ 1865 году въ Цюрихскомъ университетѣ было 152 иностранки, изъ нихъ 145 русскихъ.
[2]) А. Н. Шереметевская «Страницы изъ исторіи высшаго женскаго образованія» Ист. Вѣстникъ 1896 г. Іюль.

В. И. Качаловъ. Артистъ Московскаго Художественнаго Театра.

среды распорядительницу; пока дѣла курсовъ были несложны, она имѣла только одну помощницу, но, по мѣрѣ расширенія курсовыхъ дѣлъ, въ помощь ей стали выбирать уже не одну, а семь помощницъ, на обязанности которыхъ лежала вся канцелярская часть курсовъ, какъ-то: созывъ общихъ собраній, плата профессорамъ за чтеніе лекцій и запись заявленій, подлежащихъ разбору на общемъ собраніи.

Программа курсовъ исчерпывалась первоначально предметами восьми классовъ мужской классической гимназіи.

Оффиціально такое положеніе дѣлъ сохранялось довольно долго, на самомъ же дѣлѣ, чуть не съ перваго года преподаваніе стало носить университетскій характеръ, а программа курсовъ расширялась ежегодно однимъ или нѣсколькими предметами, чему высшая учебная администрація не препятствовала; такимъ образомъ уже черезъ 2 года послѣ открытія, курсистки, пройдя низшую математику, просили включить въ программу высшую. Преподавали на курсахъ преимущественно молодыя профессорскія силы, всей душой преданныя дѣлу женскаго образованія; профессоръ Умовъ, несмотря на кратковременность своего пребыванія на курсахъ, сумѣлъ внушить слушательницамъ серьезный интересъ къ математикѣ, Горожанкинъ, не ограничиваясь лекціями, устраивалъ экскурсіи и практическія занятія.

Благодаря тому, что курсы были вечерними, профессора университета могли удѣлять имъ часть своего времени; лекціи читались такими научными силами, какъ Бредихинъ, Стороженко, Ключевскій, Павловъ, Млодзѣевскій, Жуковскій. Нѣкоторые же, какъ рано умершій Ломовскій, Линдеманъ, Шапошниковъ, Шереметевскій, Горожанкинъ, Мензбиръ и нѣсколько позднѣе Церасскій трудились на курсахъ съ самаго ихъ основанія и до закрытія.

Вначалѣ, пока еще не выяснилась опредѣленно физіономія курсовъ, на нихъ поступала самая разнообразная публика и профессорамъ довольно трудно было примѣниться къ такой аудиторіи: однѣ поступали уже болѣе или менѣе подготовленными, окончивъ курсъ гимназіи, другія, такъ какъ пріемъ былъ открытый для всѣхъ, поступали, едва умѣя подписать свою фамилію; вслѣдствіе этого и по Москвѣ о курсахъ ходили самые разнорѣчивые слухи и мнѣнія.

Но уже къ концу третьяго года преподаваніе удалось наладить. Сильно мѣшало вновь открытымъ курсамъ и то, что преподаваніе по предмету можно было открывать лишь при наличности 20 слушательницъ, благодаря чему нѣкоторые курсы или совсѣмъ не составлялись, или начинались чуть не съ середины учебнаго года. Происходило это отъ чисто экономическихъ причинъ и шаткости финансоваго положенія курсовъ; никакой правительственной субсидіи они не получали; открывая курсы, Королевъ расчитывалъ только на отзывчивость московскаго общества. Для начала по подпискѣ было собрано около двухъ тысячъ рублей, существовать же курсамъ приходилось исключительно на взносы слушательницъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ начать курсъ, необходимо было оплатить его содержаніе, т.-е. профессорамъ за чтеніе лекцій и различные

побочные расходы; если даже профессоръ соглашался читать безплатно, слушательницы все равно обязаны были вносить 6 рублей за годовой урокъ: деньги эти поступали въ такомъ случаѣ въ основной фондъ или въ уплату за бѣднѣйшихъ слушательницъ.

Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ курсы получали пособіе отъ московскаго купеческаго общества по 500 рублей ежегодно; благотворительные концерты тоже давали нѣкоторый доходъ, который откладывался въ фондъ курсовъ изъ ежегодныхъ остатковъ. Къ концу 70-хъ годовъ курсы обзавелись кое-какимъ имуществомъ, собрали небольшую библіотеку и пріобрѣли необходимый матеріалъ для практическихъ работъ.

Когда въ 1872 году были основаны курсы В. И. Герье съ широкой общеобразовательной программой, часть слушательницъ, желающихъ изучать гуманитарныя науки, перешла съ Лубянскихъ курсовъ къ нему и на Лубянкѣ остались только тѣ, кто желалъ изучать математику и естественныя науки, такъ что совершенно непроизвольно курсы стали спеціализироваться на этихъ предметахъ.

Въ 1875 году на курсы вступило много молодыхъ лекторовъ, горячо принявшихся за упроченіе курсовъ: устраивались совмѣстно со слушательницами совѣщанія, на которыхъ вырабатывался новый уставъ и программы курсовъ. Рѣшено было образовать систематическій курсъ по всѣмъ предметамъ, какъ математическихъ, такъ и естественныхъ наукъ, сбавить плату съ тѣхъ слушательницъ, которыя пожелаютъ одновременно записаться на 4 главныхъ предмета — математику, химію, ботанику и зоологію, начинать преподаваніе всегда съ сентября, хотя бы при наличности 5 слушательницъ и безъ всякаго вознагражденія, пока у курсовъ не будетъ средствъ, и наконецъ обратиться къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбой о значительномъ расширеніи программы, исключивъ изъ нея науки гуманитарныя, т.-е. преобразовать курсы въ физико-математическій факультетъ съ университетской программой. Кромѣ того совѣщанія рѣшили установить курсъ обязательныхъ предметовъ съ 4-хлѣтней программой. Въ такомъ видѣ уставъ былъ переданъ въ министерство Сабурова и, хотя оно уже не относилось къ женскому образованію съ прежнимъ интересомъ, однако въ 1880 году уставъ былъ утвержденъ, но названія Высшихъ курсы все же не получили.

Количество поступающихъ на эти курсы за все время ихъ существованія сильно колебалось между 100 и 200. Колебанія эти вначалѣ происходили отъ шаткости программы, позднѣе же стали открываться новые женскіе курсы, положеніе которыхъ передъ министерствомъ было болѣе опредѣленнымъ; такъ, когда въ Петербургѣ открылись новые курсы по тѣмъ же предметамъ съ правами, большинство слушательницъ поспѣшило перейти туда, такъ какъ Лубянскіе курсы съ самаго своего возникновенія и до конца правъ не имѣли и хотя окончившимъ выдавались свидѣтельства, но они носили частный характеръ.

Къ концу 70-хъ годовъ Лубянскіе курсы уже сыграли свою роль. Имъ принадлежитъ заслуга перваго пріобщенія русской женщины къ серьезному изученію науки. Всѣ ошибки и слабыя стороны руководителей Лу-

бянскихъ курсовъ искупаются трудностями, окружавшими создаваемое ими дѣло, и неувѣренностью піонеровъ, расчищающихъ пути. Гораздо прочнѣе утвердились курсы Герье — начало теперешнихъ московскихъ Высшихъ курсовъ.

Цѣль открытія Высшихъ женскихъ курсовъ, основанныхъ В. И. Герье, лучше всего характеризуется его собственной запиской, представленной имъ въ министерство народнаго просвѣщенія.

В. И. Герье уже давно мечталъ объ устройствѣ для женщинъ такого высшаго учебнаго заведенія, гдѣ бы онѣ могли получать общее образованіе, и когда въ январѣ 1871 года Высочайшимъ повелѣніемъ было разрѣшено расширять въ случаѣ возможности дѣятельность женщины на педагогическомъ поприщѣ, Герье подалъ попечителю учебнаго округа записку съ планомъ новыхъ курсовъ для женщинъ, которые бы носили университетскій характеръ преподаванія и главная цѣль которыхъ, какъ говорилось въ запискѣ, заключалась бы въ томъ, чтобъ женщина наша въ обществѣ была равна мужчинѣ по образованію, чтобы она могла принимать участіе какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни нашего отечества...

«Въ дѣлѣ воспитанія дѣвушка наша тоже настолько не подготовлена, что не годится въ воспитательницы,—говорилось дальше,—обычай же приглашать иностранокъ исчезаетъ; кромѣ того, и дѣвушка въ 16—17 лѣтъ, окончивъ среднее образованіе, едва выходитъ изъ дѣтскаго возраста и начинаетъ сознательно относиться къ окружающему; усваиваетъ она въ средней школѣ знанія еще чисто механически, а многое такъ и остается недоступно ея пониманію. Курсы должны быть не отрывочны, а строго систематичны, ибо цѣль ихъ не въ томъ, чтобъ подготовить спеціалистокъ, а чтобъ поднять уровень образованія и развитія женщинъ».

При запискѣ этой Герье приложилъ и перечень предметовъ, которые должны были по его мысли войти въ кругъ преподаванія; наравнѣ съ гуманитарными науками, которыя должны были носить строго историческій характеръ, Герье предполагалъ ввести и общій естественно-научный курсъ.

Отъ вступающихъ предполагалось требовать или выдержанія испытанія при курсахъ, или документовъ, указывающихъ на извѣстный уровень развитія. Такой способъ пріема былъ удобенъ тѣмъ, что подбиралась аудиторія, знанія которой были болѣе или менѣе извѣстны преподавателямъ.

Если же всѣ эти требованія стѣсняли поступающую, она могла заниматься на курсахъ въ качествѣ вольнослушательницы.

По разсмотрѣніи устава, министерство разрѣшило открыть курсы въ видѣ опыта на 4 года, предоставивъ окончившимъ ихъ права домашнихъ наставницъ, при чемъ по истеченіи четырехъ лѣтъ учредитель ихъ могъ ходатайствовать передъ министерствомъ объ утвержденіи устава курсовъ съ тѣми измѣненіями, какія будутъ признаны необходимыми; пока же Герье дано было право по мѣрѣ надобности расширять программу.

Курсы были торжественно открыты 1-го ноября 1872 года. Извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ, выбранный предсѣдателемъ совѣта преподавателей, сказалъ рѣчь, въ которой выяснилъ, почему именно желательно и

даже необходимо открытіе общеобразовательныхъ курсовъ: «Женщина не должна быть глуха и нѣма въ обществѣ, равнодушна относительно вопросовъ, ее занимающихъ, не должна увлекаться первой громкой фразой безъ провѣрки; необходимо, чтобъ у нея выработались твердыя убѣжденія, широкій и многосторонній взглядъ, способный къ провѣркѣ чужого мнѣнія».

Герье высказалъ надежду, что срокъ, на который испрошено разрѣшеніе для курсовъ, докажетъ ихъ необходимость и обезпечитъ за ними сочувствіе московскаго общества и что черезъ 4 года курсы, навѣрное, обратятся въ постоянное учрежденіе, прочное какъ по своимъ средствамъ, такъ и по общественному убѣжденію въ ихъ полезности...

Первоначально программа курсовъ была двухгодичной; кромѣ обязательныхъ предметовъ, изъ которыхъ каждый читался два года, были введены и предметы необязательные по выбору; для того же, чтобы вновь поступающія могли слушать курсы съ поступившими раньше, каждый предметъ дѣлился на двѣ, совершенно независимыхъ одна отъ другой, части.

Во главѣ курсовъ стоялъ учредитель ихъ В. И. Герье, а управленіе было предоставлено совѣту преподавателей, выбиравшихся преимущественно изъ профессоровъ университета, при чемъ въ вѣдѣніи этого совѣта должна была находиться не только учебная, но и хозяйственная часть. Предсѣдатель совѣта курсовъ долженъ былъ выбираться изъ числа извѣстныхъ ученыхъ и являлся въ то же время отвѣтственнымъ лицомъ передъ министерствомъ. Въ составъ комитета входили и представители московскаго купеческаго общества, которое обязалось при возникновеніи курсовъ выдавать имъ по 500 р. ежегодно. Какъ и Лубянскіе, курсы эти при возникновеніи своемъ не имѣли свободнаго капитала, цѣль ихъ основанія была чисто идейная и въ данномъ случаѣ разсчитывали только на отзывчивость московскаго общества и взносы самихъ слушательницъ, годичная плата съ которыхъ была назначена въ размѣрѣ 50 рублей и вносилась по полугодіямъ. Конечно, плата эта при основаніи курсовъ не могла окупить всѣхъ издержекъ, поэтому при совѣтѣ преподавателей былъ учрежденъ комитетъ для изысканія средствъ курсамъ; членомъ комитета становился всякій, внесшій 30 руб. годовыхъ, а внесшій единовременно 500 р. становился пожизненнымъ членомъ. Комитетъ этотъ, чтобы не обременять излишними заботами совѣтъ преподавателей, взялъ на себя и веденіе хозяйственной части.

Первымъ помѣщеніемъ курсовъ была небольшая квартира въ домѣ Гиршъ по Мерзляковскому переулку; слушательницъ первоначально поступило около 70 человѣкъ, но на слѣдующій же годъ количество ихъ увеличилось почти вдвое; помѣщеніе курсовъ тоже было расширено, а къ 1887 году курсамъ пришлось занять уже нѣсколько этажей.

«Творческая дѣятельность духа человѣка выражается въ словѣ и искусствѣ», говорилъ Герье въ своей запискѣ, поэтому и въ основу преподаванія курсовъ положена была политика, литература, исторія искусствъ и, какъ связующее ихъ звено, — исторія цивилизаціи; кромѣ того, предпо-

лагался общій курсъ естествовѣдѣнія, но не нашлось лектора по этому предмету, и онъ былъ разбитъ на четыре отдѣльныхъ курса: введеніе въ физику и математику читалъ Випперъ, курсъ космографіи и астрономіи — Бредихинъ; изъ остальныхъ предметовъ—русскую литературу одно время читалъ Тихонравовъ, потомъ Веселовскій, исторію цивилизаціи — Герье, исторію всеобщей литературы — Стороженко, курсъ всеобщей исторіи — Фортунатовъ, а русской—Ключевскій. Преподаватели ежегодно назначали испытанія по пройденнымъ предметамъ.

Въ періодъ 1872—76 годовъ на курсахъ перебывало около 400 человѣкъ, несмотря на то, что они были безправны и могли привлекать исключительно только своей идейной стороной.

Когда въ 1876 году истекъ срокъ испытанія курсовъ, Герье вновь подалъ на утвержденіе уставъ ихъ, но уже въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: онъ рѣшилъ совсѣмъ выбросить изъ программы предметы естественно научные, такъ какъ въ томъ видѣ, въ какомъ они преподавались на курсахъ, оставлять ихъ было невозможно, а совершенствовать преподаваніе не позволялъ недостатокъ средствъ и помѣщенія.

Вмѣсто нихъ рѣшено было пополнить программу гуманитарныхъ наукъ и срокъ пребыванія на курсахъ увеличить еще на одинъ годъ.

Представляя этотъ окончательный уставъ курсовъ попечителю учебнаго округа, Герье просилъ ходатайствовать передъ министерствомъ о присвоеніи курсамъ названія «Высшихъ женскихъ курсовъ» при Московскомъ университетѣ, на что и совѣтъ университета изъявилъ свое согласіе. Это ходатайство вызвано было желаніемъ упрочить существованіе курсовъ и обезпечить за ними серьезное научное значеніе въ будущемъ; оно вполнѣ соотвѣтствовало и положенію ихъ, такъ какъ преподавателями были тѣ же профессора Московскаго университета, а уровень преподаванія былъ ничѣмъ не ниже университетской программы. Но ходатайство это не имѣло успѣха, курсы остались частнымъ учрежденіемъ и должны были, какъ и всѣ частныя учебныя заведенія, зависѣть не непосредственно отъ министерства, а отъ попечителя учебнаго округа.

Хотя и не оправдались надежды Герье относительно перехода курсовъ въ министерство, но была подана надежда на то, что курсы эти могутъ быть самостоятельными и безъ университета. Послѣ отказа Герье Толстой писалъ попечителю учебнаго округа, что курсы эти впослѣдствіи могутъ служить хорошимъ подспорьемъ для приготовленія женщинъ къ особому испытанію при университетѣ, наравнѣ съ лицами, ищущими званія учителей среднихъ учебныхъ заведеній; одновременно министерство обратилось къ университету съ предложеніемъ составить проектъ правилъ о производствѣ особыхъ испытаній для лицъ женскаго пола, желающихъ пріобрѣсти право преподаванія во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ; хотя правила эти и были выработаны тогда всѣми университетами Россіи, на практикѣ примѣнить ихъ не пришлось.

Какъ мы видѣли, всѣ курсы, основанные до сихъ поръ въ Москвѣ, держались только благодаря энергіи преподавателей, посвящавшихъ этому дѣлу свои силы, содѣйствію сочувствующаго общества и взносамъ самихъ

слушательницъ. Къ 80-мъ годамъ правительство стало относиться къ женскому образованію все болѣе и болѣе отрицательно, запрещались всякіе кружки воспомоществованія женскому образованію.

Въ Москвѣ одно время образовался кружокъ дамъ для содѣйствія курсамъ, но уставъ его не былъ утвержденъ. Насущная необходимость въ деньгахъ заставила курсы Герье обратиться въ министерство съ просьбой уничтожить обязательные взносы для членовъ комитета, такъ какъ многіе бы хотѣли работать и помогать, но крупная сумма взноса не позволяла записаться въ члены, и это ничтожное измѣненіе тоже не было разрѣшено.

Наконецъ въ 1886 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о прекращеніи дальнѣйшаго пріема на женскіе курсы, подъ предлогомъ пересмотра устава о женскомъ образованіи, и всѣ они стали понемногу закрываться. Русскимъ женщинамъ, искавшимъ высшаго образованія, снова пришлось уходить въ заграничные университеты или обходить законъ, придавая курсамъ другую форму...

Пріемъ на курсы Герье прекратился въ 1886 году, а закрылись они въ 1889. Все же не вѣрилось обществу, что дѣло женскаго образованія, съ такимъ трудомъ налаженное, должно погибнуть, и Герье, по примѣру петербургскихъ курсовъ, подалъ въ министерство прошеніе о продолженіи пріема, но получилъ отказъ. Когда окончательно выяснилось, что на возобновленіе курсовъ потеряна всякая надежда, профессора ихъ, желая сохранить хотя бы какой-нибудь источникъ образованія для женщинъ, рѣшили въ Политехническомъ музеѣ устроить въ теченіе зимы рядъ публичныхъ лекцій, которыя бы могли замѣнить курсовыя лекціи, установивъ для нихъ такую же плату, какъ и за обычныя публичныя лекціи. Эти общедоступныя лекціи продержались довольно долго и пользовались большимъ успѣхомъ, но неудобство ихъ заключалось въ невозможности обмѣна мнѣніями по поводу прочитаннаго.

Въ томъ же году при Обществѣ воспитательницъ и учительницъ рѣшено было устроить для своихъ членовъ вечерніе коллективные уроки по исторіи и литературѣ. Общество отвело для занятій свою канцелярію и школу, при чемъ приглашенные преподаватели—А. Е. Грузинскій, Беркутъ и др.—разсчитывали, что матеріалъ для бесѣдъ на коллективныхъ урокахъ отчасти будетъ доставляться общедоступными лекціями, отчасти же самостоятельными чтеніями и рефератами членовъ.

Но подобный характеръ бесѣдъ недолго удержался, а связь, которую общество думало установить между коллективными уроками и общедоступными лекціями, не удалась.

На коллективные уроки въ первый годъ записалось всего 30 слушательницъ. Чтобъ покрыть расходы по преподаванію, рѣшено было установить съ членовъ общества, занимающихся на коллективныхъ урокахъ, плату по 20 рублей въ годъ, остальные же расходы въ теченіе первыхъ 4 лѣтъ взяла на себя М. Ѳ. Морозова. Такимъ образомъ мало-по-малу вновь стало образовываться словесно-историческое отдѣленіе курсовъ.

Комплектъ слушательницъ на Лубянскихъ курсахъ передъ закрытіемъ ихъ былъ невеликъ, но занятія наладились хорошо. Благодаря

четырехлѣтней программѣ, прекращеніе дѣятельности курсовъ произошло черезъ годъ послѣ закрытія курсовъ Герье; въ теченіе этого времени курсистки употребляли тщетныя усилія спасти какъ-нибудь свои курсы отъ общей участи высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Онѣ обращались къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, прося взять курсы подъ свое покровительство, но всѣ старанія ихъ оказались напрасны: въ 1890 году были закрыты и эти послѣдніе въ Москвѣ курсы. Тогда слушательницы, не надѣясь на возстановленіе ихъ въ будущемъ, рѣшили окончательно ликвидировать свои дѣла: было постановлено небольшой капиталъ имени умершаго Ломовскаго передать на храненіе петербургскимъ курсамъ до тѣхъ поръ, пока въ Москвѣ опять не будетъ разрѣшено какое-нибудь высшее женское учебное заведеніе; собственныя же деньги—2800 р.—вмѣстѣ съ имуществомъ рѣшено было отдать обществу воспитательницъ и учительницъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы общество устроило для бывшихъ слушательницъ Лубянскихъ курсовъ коллективные уроки по физико-математическимъ наукамъ на тѣхъ же правахъ, на какихъ эти уроки были устроены для историко-филологическаго факультета.

Итакъ, два высшихъ женскихъ учебныхъ заведенія соединились теперь при обществѣ воспитательницъ и учительницъ въ одно, подъ общимъ наименованіемъ «коллективныхъ уроковъ». Первоначально записалось на эти уроки всего 40 человѣкъ; «уроками» завѣдывала распорядительница, выбранная комитетомъ общества; позднѣе же комитетъ, совмѣстно съ преподавателями, выработалъ для управленія «уроками» особую инструкцію, по которой коллективными уроками сталъ завѣдывать совѣтъ изъ трехъ членовъ комитета общества, всѣхъ преподавателей и нѣсколькихъ слушательницъ,—по двѣ отъ каждаго курса. Этотъ совѣтъ всецѣло зависѣлъ отъ комитета общества, который утверждалъ всѣ его постановленія.

Благодаря тому, что преподавателями физико-математическаго факультета уже прежде была выработана программа занятій, преподаваніе на нихъ наладилось очень скоро; словесно же историческое отдѣленіе программы не имѣло и кромѣ того слушательницъ оттуда сильно оттягивали общедоступныя лекціи; поэтому занятія на словесномъ отдѣленіи сформировались позднѣе—въ 1892 году, когда были прекращены «общедоступныя лекціи» и всѣ бывшія ихъ слушательницы перешли на коллективные уроки. С. Ф. Фортунатовъ и Герасимовъ, вступившіе въ это время въ составъ преподавателей, были организаторами всего дѣла преподаванія на словесномъ факультетѣ.

Всѣ женщины, записавшіяся въ члены общества воспитательницъ и учительницъ, кромѣ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, могли состоять слушательницами коллективныхъ уроковъ; поэтому къ концу существованія ихъ слушательницы насчитывались тысячами, чему способствовала возможность, какъ и на Лубянскихъ курсахъ, записываться на отдѣльные предметы. Средства коллективныхъ уроковъ составлялись главнымъ образомъ изъ взносовъ слушательницъ и общественныхъ пожертвованій, при чемъ надо замѣтить, что въ эти трудныя для женскаго образованія времена московское общество особенно охотно отзывалось на нужды уча-

щихся женщинъ. Взносы за право слушанія были невелики: за годовой урокъ слушательница платила 10 руб., за право посѣщенія лекцій филологическаго факультета—30 руб., физико-математическаго—50 р. Особенно нуждались коллективные уроки въ помѣщеніи: ежегодно съ наплывомъ новыхъ слушательницъ старое помѣщеніе оказывалось тѣснымъ. Трудности переѣзда были особенно значительны для естественнаго факультета, такъ какъ приходилось перевозить лабораторіи и всевозможныя приспособленія для практическихъ занятій. Теперь съ трудомъ можно представить себѣ всѣ тѣ трудности, съ которыми приходилось бороться курсисткамъ, занимавшимся въ неприспособленныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ-нибудь на чердакѣ, иногда въ такой морозъ, что замерзала вода въ пробиркахъ. Разсказываютъ, что въ такихъ условіяхъ приходилось работать по 4—5 часовъ подрядъ, занимаясь химіей съ маленькой желѣзной печкой вмѣсто вытяжного шкапа. Много энергіи приходилось тратить преподавателямъ на установленіе при такомъ положеніи дѣла настоящихъ серьезныхъ занятій, но такъ дорого и близко было для всѣхъ участниковъ дѣло женскаго образованія, что никто никогда не отказывался отъ содѣйствія ему. Благодаря этому, на коллективныхъ урокахъ читали многія свѣтила русской науки. И. М. Сѣченовъ, съ самаго пріѣзда въ Москву и до конца существованія коллективныхъ уроковъ, читалъ на нихъ физіологію; К. А. Тимирязевъ читалъ курсъ физіологіи растеній; всѣ преподаватели бывшихъ Лубянскихъ курсовъ—Мензбиръ, Павловъ, Линдеманъ и др.—тоже переселились сюда. Коллективные уроки были мѣстомъ выступленія многихъ начинающихъ преподавателей, ставшихъ теперь извѣстными учеными; на нихъ читалъ свои первыя лекціи—А. А. Кизеветтеръ, А. А. Мануиловъ, М. И. Коноваловъ, послѣдній въ теченіе 9 лѣтъ былъ организаторомъ и главнымъ руководителемъ преподаванія химіи, несмотря на самыя антинаучныя условія, въ которыхъ приходилось работать. Конечно, никакихъ правъ коллективные уроки не давали, такъ какъ и сами держались съ большимъ трудомъ. Окончившія получали только свидѣтельства за подписью преподавателей, имѣвшія частный характеръ.

Въ 1900 году коллективные уроки были закрыты и на мѣсто ихъ разрѣшено было вновь открыть Высшіе женскіе курсы.

Общественная жизнь, замершая въ 80-хъ годахъ, къ 900 начала пробуждаться. Вновь стала проявляться общественная иниціатива, основываться различныя общества, опять возникъ интересъ къ женскому образованію. Московское общество увлеклось мыслью основать женскій медицинскій институтъ,—образовалась организація для пріисканія средствъ на сооруженіе института.

Въ 1900 году была открыта профессіональная земледѣльческая академія для женщинъ съ уставомъ и правами Петровской академіи. Когда было разрѣшено открытіе Высшихъ женскихъ курсовъ, городъ постановилъ выдавать имъ ежегодное пособіе въ размѣрѣ 5000 рублей, земство со своей стороны выдавало 3000 и, кромѣ того, изъ министерства на нужды курсовъ отпускалось ежегодно 8600 рублей. Плата со слушательницъ была назначена въ размѣрѣ 100 рублей въ годъ за всѣ предметы.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

Стѣнной барельефъ начала XIX-го вѣка въ зданіи Московской Казенной Палаты.

Кромѣ того, на курсы постоянно притекали болѣе или менѣе крупныя пожертвованія. Въ 1906 году городъ отвелъ имъ большой участокъ земли на Дѣвичьемъ полѣ въ вѣчное пользованіе, въ 1910 г. передалъ его во владѣніе.

Курсы открылись 20-го сентября 1900 года, опять въ домѣ Гиршъ по Мерзляковскому переулку. Директоромъ курсовъ назначенъ былъ В. И. Герье; преподаватели частью остались старые, частью же перешли съ коллективныхъ уроковъ. Курсы имѣли первое время только 3 факультета,—историко-филологическій, естественный и физико-математическій, медицинскій же былъ прибавленъ только въ 1906 году послѣ безконечныхъ хлопотъ.

Доступъ на курсы и въ настоящее время такъ же труденъ, какъ и вначалѣ. Въ первое время пріемъ на курсы былъ ограниченъ 200 человѣкъ, кромѣ того отъ поступающей требовались аттестаты объ окончаніи средняго учебнаго заведенія, такъ что многія слушательницы коллективныхъ уроковъ попасть туда уже не могли.

Новые курсы были открыты на основаніи Положенія, утвержденнаго для петербургскихъ курсовъ. Во главѣ управленія ими стоялъ директоръ и инспектриса, назначенные министерствомъ. Остальныя должности замѣщались директоромъ. Съ 1906 года всѣ должности на курсахъ, въ томъ числѣ и директорская, стали выборными, при чемъ директоръ избирался баллотировкой совѣта профессоровъ на 3 года, точно такъ же избирались и остальныя должностныя лица курсовъ—секретарь и деканы. Директоръ входитъ, какъ предсѣдатель, въ совѣтъ профессоровъ и попечительный совѣтъ, который замѣнилъ собою прежній комитетъ при курсахъ и вѣдаетъ хозяйственную часть. Составъ попечительнаго совѣта пополненъ представителями различныхъ обществъ, такъ или иначе оказывающихъ поддержку курсамъ, т.-е. города, земства и различныхъ организацій, внесшихъ средства на учрежденіе курсовъ. Когда въ 1906 году учреждено было при курсахъ медицинское отдѣленіе, общество, собиравшее средства на учрежденіе въ Москвѣ женскаго медицинскаго института, передало собранныя деньги курсамъ. Попечительный совѣтъ управляетъ хозяйственной частью курсовъ черезъ декановъ, которые составляютъ по факультетамъ смѣту расходовъ на каждый годъ и представляютъ ее на утвержденіе попечительнаго совѣта.

Первоначально курсы открыты были безъ правъ и только 11-го декабря 1903 года, на основаніи Высочайше утвержденнаго 29-го сентября 1901 года доклада министра народнаго просвѣщенія Ванновскаго, дозволено было допускать окончившихъ ихъ къ преподаванію въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій и прогимназій.

Необходимость въ собственномъ зданіи чувствовалась курсами съ самаго ихъ основанія, но приступить къ постройкѣ его стало возможно лишь съ 1906 года, когда городъ отвелъ имъ землю на Дѣвичьемъ полѣ; въ настоящее время туда уже переведена во вновь сооруженныя прекрасныя зданія часть курсовъ—медицинское и физико-математическое отдѣленія, а въ недалекомъ будущемъ предполагается сосредоточить всѣ курсы въ собственныхъ зданіяхъ на Дѣвичьемъ полѣ.

Еще сравнительно недавно, въ 1906 году, на курсахъ числилось 1806 человѣкъ слушательницъ, теперь же ихъ насчитывается до 5240.

Въ 1906 году была введена предметная система преподаванія. Въ настоящее время на курсахъ читается приблизительно около 150 предметовъ, имѣется 99 профессоровъ и 130 ассистентовъ при нихъ. Кромѣ того, курсы имѣютъ 28 вспомогательныхъ учрежденій.

Можно сказать, что высшее женское образованіе въ Москвѣ получило возможность правильнаго развитія лишь съ 1900 года, когда, кромѣ Высшихъ курсовъ, здѣсь начали открываться частныя высшія женскія учебныя заведенія. Сельскохозяйственная академія вскорѣ по основаніи ея была закрыта, взамѣнъ ея въ 1908 году были образованы кн. Голицыной сельско-хозяйственные курсы, тоже съ программой Петровской академіи. Когда пронеслись слухи о близкомъ допущеніи женщинъ къ адвокатурѣ, въ Москвѣ сразу открылось нѣсколько юридическихъ курсовъ. Наплывъ слушательницъ на нихъ былъ громадный, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ повышеннаго интереса къ общественнымъ и экономическимъ наукамъ, вызваннаго революціей.

Большая часть этихъ курсовъ, просуществовавъ недолго, закрылась, такъ какъ правъ имъ дано не было, и только курсы Полторацкой существуютъ и до сихъ поръ; количество слушающихъ на нихъ невелико, такъ какъ правъ они до сихъ поръ никакихъ не даютъ.

За послѣдніе 3—4 года было открыто много частныхъ историко-филологическихъ курсовъ; кромѣ того, въ 1910 году былъ учрежденъ гг. Статкевичемъ и Изачикомъ частный медицинскій институтъ, въ 1911 получившій права. При медицинскомъ институтѣ существуютъ особые курсы, дающіе подготовку на аттестатъ зрѣлости, такъ какъ большинство слушательницъ не можетъ попасть на курсы, именно благодаря совершенной неприспособленности нашей средней школы къ требованіямъ высшей.

Несомнѣнно, что дѣлу развитія высшаго женскаго образованія въ Москвѣ, какъ и вообще въ Россіи, общество дало мощный толчокъ; оно вынесло это дѣло на своихъ плечахъ, несмотря на всѣ препятствія и затрудненія; усиліями многихъ поколѣній русскихъ женщинъ, профессоровъ и лицъ, сочувствовавшихъ женскому образованію, было въ широкихъ размѣрахъ упрочено высшее образованіе для русскихъ женщинъ, и отсталая во многомъ Россія своимъ примѣромъ способствовала успѣху высшаго женскаго образованія и на Западѣ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Улицы и люди современной Москвы 3

2. **Г. Ярославскій.** Городское самоуправленіе Москвы. 17

3. **А. С. Проворихина.** Московское старообрядчество 49

4. **А. Воробьевъ.** Московскій университетъ 76

5. **Ар. Крашенинникова.** Женское образованіе въ Москвѣ . . 106

Списокъ фото-тинто гравюръ:

1. Хитровъ рынокъ и его типы.
2. Воскресный торгъ на Трубной площади.
3. Московскій бытъ: Водовозы.
4. » Продавецъ игрушекъ. Санный извощикъ-«Ванька».
5. » Извощики—«Собственный» и «лихачъ».
6. » Зимній видъ Петровки. Упраздненный торгъ на Страстной площади.
7. Весенній торгъ на Трубной площади. Лубянская площадь зимой въ 1900-хъ годахъ.
8. Старообрядческая церковь въ Токмаковомъ переулкѣ.
9. Домъ В. Н. Грибова въ Хлѣбномъ переулкѣ.
10. Новое зданіе университета. Домъ М. П. Рябушинскаго на Спиридоновкѣ.
11. Брестскій вокзалъ. 1911 г.
12. Купеческій клубъ на М. Дмитровкѣ.
13. Домъ М. Г. Понизовскаго на Поварской ул.
14. **Домъ А. И. Коншиной** на Пречистенкѣ. 1910 г.
15. Рогожское старообрядческое кладбище. Никольскій единовѣрческій монастырь.
16. **Опекушинъ.** Памятникъ Александру III.
17. Могила А. П. Чехова. Памятникъ М. Д. Скобелеву. 1912 г.
18. «Мамоновская дача» у Калужской заставы.
19. **Кн. С. Н. Трубецкой** († 1905 г.). **Н. А. Алексѣевъ** († 1893 г.).
20. **К. С. Станиславскій.** Основатель Художественнаго театра.
21. **О. Л. Книппер.** Артистка Художественнаго театра.
22. **И. М. Москвинъ.** Артистъ Художественнаго театра.
23. **В. И. Качаловъ.** Артистъ Художественнаго театра.
24. Барельефъ начала XIX-го вѣка въ зданіи Московской Казенной Палаты.

2004030003

№ 12.

Всѣ иллюстраціи печатаны въ собственномъ Графическомъ Институтѣ по способу фотоинтогравюра, только намъ принадлежащему во всей Россіи.